

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)

На правах рукописи

Коростелева Татьяна Викторовна

**Архаизмы как тропеическое средство в современном русском
литературном языке: лингвопрагматический аспект**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель – д.филол.н.,
профессор Куликова Э.Г.

Ростов-на-Дону

2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Архаическая лексика в контексте экологии русского языка...	13
1.1. Архаизмы в системе языка и языковом узусе.....	13
1.2. Социальный контекст архаизации.....	23
Выводы по первой главе	43
Глава 2. Архаическая лексика в контексте взаимодействия вариантов в системе языка	45
2.1. Архаизмы в аспекте риторических категорий ясности, правильности, уместности и красоты.....	45
2.2. Троп как преобразование и архаизмы в системе тропеических средств.....	65
2.3. Прагматика лексических и грамматических архаизмов.....	71
Выводы по второй главе.....	83
Глава 3. Тропеические функции архаизмов в тексте	85
3.1. Архаизмы как конститuentы авторского идиостиля.....	85
3.1.1. Архаизмы в прозе А.И. Солженицына.....	89
3.1.2. Архаизмы в поэзии Б. Ахмадулиной.....	96
3.1.3. Архаизмы в прозе З. Прилепина.....	107
3.2. Хронотоп художественного текста и совмещение современного и архаичного значений.....	113
3.3. Архаизмы как средство комического в тексте.....	123
3.4. Архаизмы как имплицитные средства создания подтекста.....	136
Выводы по третьей главе.....	143
Заключение	145
Библиографический список.....	152
Список использованных источников языкового материала.....	179

Введение

Динамические изменения в словарном составе русского языка в конце XX-начале XXI вв. проявляются, прежде всего, в интенсивной неологизации – вхождении в языковую систему новых единиц и в архаизации уже имеющихся лексем. Причем процесс неологизации привлекал и привлекает сейчас неизмеримо больше исследовательского внимания, чем архаизация. И это справедливо, тем более что неологизмы в новых коммуникативных условиях стремительно завоевывают центральные позиции в языковой иерархии, иногда даже становятся «ключевыми словами эпохи», оставаясь в сознании носителей языка «новыми» единицами лексической системы.

Между тем, анализ процессов архаизации может быть не менее интересен для постижения сущности эпохи, поскольку уход на периферию лексических единиц неразрывно связан с утратой значимости в лингвокультуре соответствующего концепта. И речь идет отнюдь не только о так называемых «советизмах», которые, по нашим наблюдениям, наиболее часто становились объектом исследований, посвященных архаизации лексики в современном русском языке. Речь идет о широком спектре наименований, которые, на первый взгляд, представляются «хронологически устойчивыми», поскольку связаны с понятиями, отражающими общечеловеческие качества и ценности и потому адекватными коммуникативно-культурным ценностям любого социума. Хорошо известно, что русский язык в XX веке отодвинул на периферию или вовсе утратил огромное число лексических единиц с актуальным денотативным содержанием, которые не были заменены современными синонимами (ср. наблюдения над этими процессами в работах А.И. Солженицына, М.Н. Эпштейна и мн. др.)¹. Причины, условия и следствия этого процесса активно

---

¹ Ср. свидетельства такого типа: *Стало забываться само слово «интеллигент» и тем более черты, определяющие его* (З. Прилепин «Достаточно одного»); *Сегодня «честь» и «достоинство» выкинуты из родного языка. О них и речи нет* (М. Задорнов «Смута в душах» // Аргументы и факты, 2013, № 43); *Даже в самом слове «герой» я вижу сегодня некую внутреннюю кривую усмешку. Мы уже не умеем такое всерьез произносить. Можно сказать: герой, блин... Только так и можно* (З. Прилепин «К нам едет Пересвет»)

обсуждаются в современной лингвистике, однако многие вопросы, связанные с этой проблематикой, не только не решены, но еще и не поставлены. Хорошо известно, что в словарном запасе современного человека, с одной стороны, происходит расширение одних тематических сфер, например, расширяется использование компьютерной и экономической лексики, в то же время, с другой стороны, происходит сужение коммуникативного пространства современного человека, отражающееся в обеднении его словарного запаса, что связано с количественным и качественным изменением круга чтения, с экспансией «мозаичной» (экранной) культуры, порождающей небрежное и безответственное отношение к сказанному и написанному. Эти процессы закономерно приводят к тому, что архаическая лексика становится агнонимичной – даже такая, которая связана с важнейшими моральными понятиями. Архаическая лексика изучалась в различных аспектах, среди которых можно указать социолингвистический, когнитивный, функциональный, психолингвистический, диахронический, собственно лингвистический (грамматический, словообразовательный). Архаизмы традиционно рассматривались как важное стилистическое средство – со строго обусловленной сферой применения и, прежде всего, учитывалась роль архаизмов в создании исторической стилизации в художественных текстах, а также их возможности в создании высокого торжественного стиля.

Термин «архаизм» используется в широком и узком значениях: он может обозначать все вообще устаревшие слова, в том числе историзмы (А.Н. Гвоздев, Л.А. Булаховский, Л.Р. Зиндер, М.Д. Степанова, И.И. Чернышева), а может противопоставляться историзмам, то есть обозначать только одну категорию устаревшей лексики (Е.М. Галкина-Федорук, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, В.Д. Стариченок и мн. др.). В данной работе принято широкое понимание термина, а основное внимание уделено тем лексическим единицам, устаревание которых не связано с утратой денотата.

Как известно, архаическая лексика классифицируется по характеру

причин (внешних или внутренних) устаревания, и в соответствии с этими причинами в лингвистике традиционно выделяют архаизмы и историзмы. Однако, очевидно, что и архаизмами (то есть словами с актуальным содержанием, но устаревшей оболочкой) лексические единицы становятся вследствие не только собственно языковых (имманентных) процессов, но и под влиянием социокультурных обстоятельств, которые мало исследованы современной лингвистикой. К числу важнейших процессов, которые происходят в русском языке последних лет, принадлежит изменение состава лексики активного запаса и лексики пассивного запаса, стремительное перемещение слов из периферийных сфер в область ядерной лексики, причем это касается и актуализировавшихся под влиянием социокультурных условий архаизмов.

Функционально-стилистическая специфика архаизмов, их место в системе русского литературного языка вообще и языка художественно-беллетристического стиля в частности, активность использования архаической лексики в современных текстах требуют всестороннего исследования теоретических проблем, связанных с этим пластом лексики. В рамках риторической и неориторической парадигм, а также с целью уточнения коммуникативно-функционального потенциала архаизмов представляется значимым исследование этих единиц как тропеического средства.

Всем вышесказанным определяется **актуальность** темы диссертации.

Основная **цель** диссертационной работы состоит в том, чтобы с позиций современной лингвопрагматики изучить архаизмы как средство тропеизации в современном русском литературном языке.

Указанная **цель** диссертации достигается с помощью решения следующих исследовательских **задач**:

- уточнить роль процессов архаизации в актуализации/деактуализации концепта в конкретной лингвокультуре/;
- выявить основные тенденции функционирования архаизмов в

современном русском литературном языке;

- обосновать статус архаизмов как тропеического средства;
- уточнить функции устаревших и устаревающих слов в современных русских художественных и публицистических текстах.

Объект диссертационного исследования – архаизмы в современном русском литературном языке.

Предмет исследования – тропеические функции архаизмов современного русского литературного языка.

Методологической основой диссертации стали философские положения о переходе количественных изменений в качественные, о противоречии как основном стимуле любого развития, изменения и совершенствования, о диалектическом единстве формы и содержания. В основе диссертационного исследования лежат общенаучные принципы историзма и диалектики, в соответствии с которыми явления рассматриваются в их взаимосвязи и взаимообусловленности; принципы эволюционизма и развития. основополагающим было положение В. фон Гумбольдта о языке как созидательном процессе.

Методы исследования. В работе использовался описательный метод, включающий в себя приемы наблюдения, внутриязыкового сопоставления, социолингвистической и лингвопрагматической интерпретации исследуемой лексики, а также метод контекстуального анализа, учитывающий тропеические функции архаизмов. Применялись также элементы диахронического анализа и исторической ретроспекции. Специфика проблемной области, исследуемой в диссертации, обусловила герменевтический подход, для которого характерна подчеркнутая установка на объяснение, истолкование имплицитного смысла, формируемого архаизмами в тексте.

Теоретической базой исследования стали труды учёных в области социолингвистики (Х. Вайнрих, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.М. Жирмунский. Дж. Лич, Э. Пост, В.И. Карасик, В.Б. Касевич, Л.П. Крысин,

Г.Е. Крейдлин, М.А. Кронгауз, Б.А. Ларин, Д.С. Лихачёв, Р. Лакофф, Н.Б. Мечковская, Н.И. Формановская), лингвокультурологии и лингвопрагматики (В.В. Воробьев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, К.Ф. Седов, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Т.Г. Хазагеров, Г.Г. Хазагеров, М.Н. Эпштейн и др.), труды, непосредственно посвященные исследованию различных аспектов архаической лексики (А.М. Бабкин, З.Ф. Белянская, О.Н. Булахова, Е.В. Груздева, Н.Г. Еднералова, Л.В. Зубова, Н.С. Кононова, Е.В. Лесных, Е.Г. Михайлова, Л.И. Молдованова, Л.И. Нефедьева, Л.Л. Сандлер, Л.О. Савчук, К.А. Солиева, Н.А. Шестакова, Д.Н. Шмелев, В.В. Шмелькова, Л.А. Шнайдерман и др.). Из современных работ нам наиболее близка идейно диссертация И.В. Шпотовой «Стилистическая функция – новый смысл существования лексических архаизмов» [2003], где одно из положений на защиту гласит: «Лексические архаизмы – воплощение асимметрического дуализма языкового знака (язык и речь). Одновременно с этим они представляют собой также не только средство коммуникации, но и инструмент художественного постижения действительности, постижения сущности и формы прекрасного в жизни, науке, искусстве, в любых проявлениях объективного мира», а первая глава называется: «Архаизация лексики как источник обогащения словарного состава русского языка»¹.

Материалом для исследования послужили художественные и публицистические тексты. Особо пристальное внимание было уделено тем авторам, которых принято называть «архаистами-новаторами»: Б. Ахмадулина, А.И. Солженицын, З. Прилепин, М. Амелин. Кроме того, были использованы образцы, близкие по художественной манере к текстам «архаистов-новаторов». Привлекались для анализа, прежде всего, единицы, значимые в социальном и культурном отношении. В количественном выражении объем языкового материала исчисляется приблизительно 2000

---

¹Дело в том, что И.В. Шпотова выделяет особую категорию – обsolesцизмы (старинные), наряду с историзмами и архаизмами. При таком подходе тот урон, который терпит в наши дни русский язык, никак не связан с архаизацией.

единиц и текстовыми фрагментами, в которых использовались эти единицы.

Научная новизна проведенного исследования состоит:

1. в уточнении роли процессов архаизации в современном русском литературном языке;
2. в определении статуса архаизмов как тропеического средства, их места в системе тропов;
3. в уточнении специфики прагматического потенциала архаизмов в художественном и публицистическом тексте;
4. в выявлении регулярности реализации комплекса тропеических функций.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она способствует конкретизации представлений о динамических процессах в современном русском литературном языке, углублению знаний о функционировании архаизмов как элементов лексической системы; уточнению системы тропов, репрезентированных в различных видах текста (в художественном и публицистическом). Анализ тропов как преобразований (а не переносных значений) и постижение тропеических функций архаизмов считаем важным для дальнейшего развития риторики. Интерпретация лексических архаизмов, включающая лингвокультурный и лингвопрагматический аспекты, позволяет увидеть и динамику значимых элементов русской лингвокультуры, поскольку архаизмы играют важную роль в процессе коммуникативного взаимодействия разных поколений. Проведенный анализ позволяет прогнозировать возможные пути эволюции языковой системы, а кроме того осмыслить глубже механизм функционирования связанных с архаизацией процессов в современном русском языке. Исследование функций архаизмов в тексте имеет интерпретационный смысл и непосредственно связано с приоритетным антропоцентрическим направлением современной лингвистики.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что возможно применение ее авторских исследовательских идей, положений и выводов в

социальных практиках, в том числе при чтении лекций, проведении семинарских и практических занятий по русскому языку (в разделах «Лексикология» и «Грамматика»), стилистике, риторике, а также в учебных пособиях по русскому языку. Положения и выводы диссертационной работы могут быть использованы в научной работе студентов и аспирантов, исследующих динамические языковые процессы. Языковой материал диссертации может быть применен в лексикографии – при составлении словарей архаической лексики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Активность или, напротив, пассивность лексических единиц соотносится с коммуникативной релевантностью соответствующего концепта. Соответственно активность (регулярность) языковых единиц, объективирующих концепт, есть свидетельство актуализации/деактуализации концепта в конкретной лингвокультуре, поэтому анализ процессов архаизации в известной мере проясняет степень актуальности того или иного концепта в тот или иной период развития языка и лингвокультуры в целом.

2. Функциональная специфика устаревшей лексики в культурном пространстве социума относительно стандартных средств выражения предопределяет использование архаизмов теми писателями, для творчества которых характерна опора на широкий историко-культурный контекст. Архаизмы необходимы для формирования нового пафосного языка, нового высокого стиля. Явный дефицит современных выразительных возможностей для высокого пафосного стиля может быть преодолен обращением к актуальной архаической лексике. Значимость архаизмов в культурно-ценностной системе современного российского общества позволяет утверждать, что и экологический кризис русского языка может быть преодолен в том числе и с помощью актуализации выразительных архаизмов.

3. Архаизмы могут быть отнесены в группу тропов (при широком понимании тропа как преобразования, а не только переносного

употребления). Архаизмы регулярно выступают как тропы тождества, что обусловлено системно закрепленными парадигматическими отношениями таких языковых единиц, в частности синонимическими. Функционирование архаизмов как тропеического средства детерминируется свойственным им прагматическим потенциалом.

4. В современном русском литературном языке архаизмы сохраняют традиционно выделяемый набор функций, который, однако, не является закрытым. Для архаизмов характерны также функции аксиологического маркера, маркера подтекста, хронологического маркера, маркера идиостиля. Аксиологические свойства архаизмов в современном языке чрезвычайно размыты (ими могут передавать задаваемые контекстом коннотации – и положительные, и отрицательные). Архаизмы как маркеры подтекста определяют процесс декодирования имплицитных смыслов, который обусловлен совпадением фоновых знаний автора и реципиента, а также совпадением представлений о системе языка. Использование архаизмов в тексте порождает как типизированную (узуальную) имплицитность, так и окказиональную имплицитность. Хронологическая маркированность архаической лексики может быть основой языковой игры и актуализировать элементы хронотопа текста. Как маркер идиостиля архаизмы реализуют одновременно стилистическую, стилеобразующую функцию и функцию стилизации, а также функцию актуализатора иронической модальности. Данные функции могут рассматриваться для архаизмов как тропеические, так как при их реализации закономерно осуществляются семантические преобразования.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях, сообщениях и докладах на научных конференциях аспирантов, молодых ученых и профессорско-преподавательского состава Международной научной конференции «20-летие Конституции РФ: практика реализации принципов конституционализма в условиях развития российской правовой традиции»

(РГЭУ (РИНХ), Ассоциация юристов России, ассоциация юридических вузов. Ростов-на-Дону – Туапсе. 2013.); XVII Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам общественных и гуманитарных наук (Москва, Центр гуманитарных исследований. 2014); IV Международной научно-практической конференции «Коммуникативная культура современника: теория и практика исследования» (Новокузнецк: Кузбасская государственная педагогическая академия. 2014); Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, студентов, аспирантов, преподавателей вузов РФ «Современное законодательство: перспективы и пути развития» (РГЭУ (РИНХ). 2014); Международной научно-практической конференции «Речевая коммуникация: теория и практика» (Краснодар, КубГАУ. 2014); Международной научно-практической конференции «Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации (Ростов-на-Дону, РГУПС. 2014); V Международной научной конференции «Язык и речь в синхронии и диахронии», посвященной памяти профессора Чеснокова П.В. (Таганрог, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал РГЭУ (РИНХ). 2014); XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых, студентов, аспирантов, преподавателей вузов РФ и Украины «Актуальные проблемы финансовой политики, права России и Украины в современных условиях» (Ростов-на-Дону – Гуково, РГЭУ (РИНХ), ГИЭиП, Кременчугский институт днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля 2014); Межрегиональная научно-практическая конференция молодых ученых, студентов, аспирантов, преподавателей вузов РФ «Современное законодательство: перспективы и пути развития» (РГЭУ (РИНХ) Гуковский институт экономики и права 2015); III международная научная конференция «Общество, наука, инновации» Москва, РИНЦ 2015; XVII международная научно-методическая конференция «Личность, речь и юридическая практика» ДЮИ. 29 марта 2015; Международная научно-практическая конференция «Современная филология: теория и практика» Москва, Научно-

информационный центр РИНЦ 2015;

По теме диссертации опубликовано девятнадцать научных публикаций, в том числе пять статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационной работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка, Списка использованных источников языкового материала.

Глава 1. Архаическая лексика в контексте экологии языка

1.1. Архаизмы в системе языка и языковом узусе

Понятие устаревшего (архаичного) слова прочно ассоциируется с представлением о пассивной лексике языка. Противопоставление активного и пассивного словаря (запаса) языка актуально в русистике начиная с работы Л.В. Щербы [1940: 89-117], хотя сама идея разграничения общеупотребительных и неупотребительных (вследствие своей устарелости) слов существовала давно, ср. у М.В. Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке»: «Ко второму [роду речений. – Т.К.] принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*». Далее М.В. Ломоносов пишет о том, что «обветшалые» и «неупотребительные» слова должны быть исключены, и в качестве примера приводит следующие: *обаваю, свене, рясны, овогда, свене* и др. [Ломоносов М.В., 1987: 249].

Вычленение активного/пассивного запаса коррелирует с идеями полевой структуры лексики, когда существенные как для нужд общего, так и специального общения лексемы представляются актуальной лексикой, то есть «ядром», окруженным периферийной сферой, и в эту сферу от центра оттесняются устаревшие единицы, а также слова, которые недавно вошли в лексическую систему (неологизмы). В Лингвистическом энциклопедическом словаре говорится о том, что пассивный запас лексического состава – это та его часть, в которую традиционно входят лексические единицы ограниченного употребления, факультативность использования которых связана с особенностями тех явлений, которые они обозначают, – к ним относятся наименования редких предметов и явлений действительности, термины, историзмы, собственные имена, – или лексические единицы, которые известны лишь некоторой части носителей языка, – это неологизмы,

архаизмы, – и которые обладают факультативными функционально-стилистическими характеристиками, например, разговорная, книжная, научная и др. лексика [Арапов М.В., 1990: 369]. Термины (по большей части историзмы) переходят в пассивный словарь в связи с тем, что происходит архаизация обозначаемых ими реалий, однако в то же время эта лексика может активно использоваться многими научными дисциплинами – историей, социологией, этнографией и др., то есть лексика, входящая в активный словарь, но обладающая факультативными функционально-стилистическими характеристиками. Функциональное их использование, таким образом, указывает на двойственную лексико-семантическую интерпретацию их положения в языке, сближая с разрядом таких слов, которые находятся на границе между активным и пассивным словарем. Естественно, что понятие активного и пассивного запаса применительно к языку вовсе не идентично этому понятию применительно к конкретной языковой личности. В.Д. Черняк [2003: 296] справедливо отмечает, что несмотря на общность многих процессов, характеризующих русскую речь на современном этапе, характер и объем словарного запаса личности – это индивидуальная черта, обусловленная, в свою очередь, уровнем образования, кругом интересов, владением или невладением иностранными языками, специальностью, возрастом, полом и т.д. В.В. Морковкин сравнивает язык с живой пульсирующей сущностью, рассеянной в его носителях, при этом каждый человек не может язык вместить в себя полностью, а обладает только его отдельной частью. Далее автор отмечает, что когда человек появляется на свет, вместе с языком он получает орудие мышления, средство общения и хранилище культурных и исторических ценностей, но все это дается ему напрокат. А умирая, человек должен вернуть язык, и тогда общество получает язык уже измененным, обогащенным, то есть язык развивается благодаря людям, которые говорят на нем [Морковкин В.В. 1988: 132].

Таким образом, пассивный словарный запас – это континуум понятных, но не употребляемых носителями языка в спонтанной, обычной

речи слов, а словарь потенциальный складывается из слов, которые не известны носителю языка, но он может определить их значение исходя из контекста или из их внутренней формы [Арапов М.В., 1990: 369]. В современных условиях, безусловно, происходит активный процесс перехода лексических единиц в область «потенциальных» слов (пассивной лексики). Это связано с системой современного образования, с преобладанием «мозаичной» культуры. Французский социальный психолог А. Моль [1973] ввел понятие «мозаичной культуры». Становление «мозаичной культуры» определяется тем фактом, что человек получает знания о мире от случая к случаю: из газет, из окружающей действительности и др., а овладев определенными знаниями, информацией, он уже в ней выявляет скрытые смыслы. А. Моль эту культуру называет «мозаичной», так как она сложена из множества и множества различных фрагментов, так как в ней нет «точек отсчета». В «мозаичной культуре» не система образования формирует знания, а знания формируются средствами массовой информации. Естественно, что оказываются отсеченными от активного использования целые пласты лексики, связанной с научными, религиозными и культурными ценностями.

При кажущейся простоте и прозрачности термина «архаизм» его содержание определяется вовсе неоднозначно.

Во-первых, неоднозначно понимается объем термина: либо «архаизм» выступает синонимом (даже дублетом) терминологического сочетания «устаревшее слово», либо «архаизм» – это только один тип устаревших слов (наряду с другим типом – историзмами).

Во-вторых (и это важнее), неоднозначно понимается роль архаизмов в языке, что проявляется даже в тех толкованиях, которые даются этому термину в словарях и энциклопедиях и, которые (в силу их обобщенного характера) должны, казалось бы, быть идентичными. Ср.: «Архаизмы – устарелые для определенной эпохи, вышедшие из употребления языковые элементы (слова, выражения, аффиксы), замененные другими» [Розенталь

Д.Э., Теленкова М.А., 1985: 21] и «Архаизм – особенность формы, конструкции, языка, относящаяся к более раннему периоду, чем тот, в котором они еще употребляются. Термин «архаический» характеризует явления уже сложившегося типа; устарелыми мы называем явления, в которых налицо лишь тенденция к превращению в архаизмы» [Марузо Ж., 1960: 39]. Как видим, различия затрагивают и объем понятия «устарелый», и – самое главное – касаются роли архаизмов в языке: в одном случае указывается на то, что они вышли из употребления, в другом – на то, что они «еще употребляются». Полагаем, что второе понимание более продуктивно и именно оно делает архаизмы важным и интересным объектом изучения именно в синхронии, поскольку прагматика архаичности определяет особые (очень важные!) функции этих слов.

Что касается объема понятия, то, по нашим наблюдениям, даже те авторы, которые считают термины «архаизм» и «историзм» гипонимами к гиперониму «устаревшие слова», используют термин «архаизм» и более расширительно (тогда как для термина «историзм» это не характерно). Поэтому, следуя традиции, в данной работе «архаизм», «архаический», «архаичный» используются как синонимы к «устаревшая единица», «устаревший, устарелый». В случае необходимости противопоставления «историзмам», у которых устарел денотат, говорится о «собственно архаизмах».

Что касается уровневых классификаций архаичной лексики, то, по нашим наблюдениям, они в большинстве случаев если не тождественны, то очень близки во всех работах, посвященных этой проблематике. Объективно устаревать может семантическое содержание (на основании чего выделяются семантические или лексические архаизмы типа *живот* в значении ‘жизнь’), фонетическая оболочка (соответственно – фонетические архаизмы типа *гистория* ‘история’, *маскерад* ‘маскарад’), словообразовательные средства (словообразовательные архаизмы типа *бедство* ‘бедствие’) или морфологические формы (соответственно – морфологические или

грамматические архаизмы типа *зала* вместо *зал*, *ругать всех и вся*, где *вся* – форма среднего рода множественного числа). И все они, конечно, живут в языке и опознаются как архаизмы. Итак, важная позиция состоит в том, что архаизмы – это особым образом функционирующие единицы, и это особое функционирование составляет предмет исследования в настоящей работе.

Своеобразное «консервирование» архаических элементов происходит во фразеологии. Поскольку ФЕ выполняют в языке оценочно-экспрессивную и эстетическую функцию, «иррегулярные» слова и формы во фразеологии встречаются более чем регулярно» [Мокиенко В.М., 1986: 126-127]. Ср.:

Карающая длань Фемиды настигла Ханса Липшица, подозреваемого в массовом убийстве узников одного из крупнейших нацистских лагерей, в минувший понедельник [Комсомольская правда, 8 мая 2013 г.].

Но помнишь, как звучала труба в руках Лени Каневского в «Снимается кино»? Она звала в горние выси творчества и одновременно утверждала могущество жизни (А.Ширвиндт Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Есть такой анекдот. Почивший в бозе актер оказывается в накопителе между раем и адом. В дверях ему говорят: «Вам налево». – «Как налево?! Там же – ад!» Ему отвечают: «В раю актеры как класс отсутствуют». Он недоумевает: «Ну как же так! Я вел правильный и праведный образ жизни...» - «Знаем. Но здесь правило: не пускать актеров в рай». И вдруг он видит: по раю ходит его коллега. «А вон! Вон! Ходит же!» - «да какой он актер...» (А. Ширвиндт «Проходные дворы биографии»).

Как указывает специалист по архаизированной фразеологии Р.Н. Попов, обороты с архаичными элементами составляют четвертую часть основного фразеологического фонда [Попов Р.Н., 1976: 3]. Если иметь в виду 4 тысячи ФЕ, которые содержатся во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова, то получается около тысячи таких единиц. По подсчетам Р.Н. Попова [там же], 650 выражений содержат в своем составе лексические архаизмы, а остальные – морфологические и синтаксические

архаизмы, причем речь идет о частотных ФЕ. В.М. Мокиенко [там же] отмечает в качестве парадоксального, но несомненного факта: архаические элементы не только не препятствуют, но напротив – активизируют употребление соответствующих ФЕ в современном языке. «Внутренняя затемненность» подогревает их внешнюю активность, акцентирует на них особое внимание. Ср.: *Одним махом семерых побивахом, еле можяху, своя своих не познаша, все возвращается на круги своя, бить челом, беречь как зеницу ока, темна вода во облацех, попасть как кур в ощиц, притча во языцех, несть числа, в девках сижено – плакано, замуж хожено – выто, с жиру беситься* (устар. жир – богатство), *ни кола ни двора* (устар. кол – небольшой участок земли) и под. ФЕ с архаическим компонентом – «это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и способ и источник рождения новых слов» [Виноградов В.В., 1938: 122].]

Итак, к пассивному фонду относится, прежде всего, устаревшая лексика (чаще всего под этим терминологическим сочетанием имеют в виду историзмы и архаизмы). Важнейшей характеристикой устаревшей лексики является резкое сужение сферы ее использования. Причины устарелости у архаизмов и историзмов, как считает большинство исследователей, разные: архаизмы «пали жертвами конкуренции», архаизмы – слова неактуальные, немодные, а историзмы появляются по неязыковым причинам (ср. судьбу слов *полиция, милиция* в русском языке на протяжении XX-XXI вв.).

Характерно, что архаизмы нередко используются в одном микротексте со своими современными синонимами и служат для более тонкой и точной дифференциации понятий:

*В этой книге мой симметричный ответ депрессивной Вселенной. Или скажем так: я нашел слова, чтоб симметрично ответить Вселенной, обрекающей нас на **депрессию**, на **неадекватность**, на **форменную кручину**, не оставляющую сил на улыбку* (Кушанашвили, О. Эпоха и Я. Хроники хулигана).

Н.М. Шанский предложил (помимо деления устаревших слов на

историзмы и архаизмы) учитывать и то обстоятельство, что слово в качестве языкового знака имеет способность к архаизации и своей формы, и своего значения [1954: 27-33].

Справедливо считается, что историзмы – это единственные названия, которые язык дал исчезнувшим предметам и явлениям действительности (например, *паж, камер-юнкер, воевода, камергер, гусар, улан*), не имеющие в современном русском литературном языке синонимов, в то время как архаизмы такие синонимы имеют (*перст – палец, сей – этот*). Самые авторитетные определения архаизмов содержат указание на то, что это слова и выражения, «вытесненные из активного употребления **синонимичными** [выделено мной. – Т.К.] лексическими единицами» [Русский язык. Энциклопедия, 1997: 37]. Между тем хорошо известно, что в русском языке на протяжении всего XX века происходило устранение из активного словаря лексических единиц с актуальным денотативным содержанием, которые не были заменены современными синонимами. Этот процесс называли «иссушающим обеднением» русского языка. Следствием этого процесса стало существенное сокращение актуального словника, что наиболее характерно для современного «транзитного» периода развития русского языка. Поскольку устаревшие слова известны только части носителей языка, можно говорить о близости этих слов к агнонимам, так как вместе с архаизацией происходит удаление слова из лексикона человека, слово удаляется как не соответствующее современным коммуникативным и культурно-историческим ценностям общества.

Агнонимы традиционно оцениваются как негативное явление, поскольку они противоречат главному качеству хорошей речи – ясности. Ср.: «Темные словоупотребления неприятны, как пятна на пестрой, яркой и выразительной лексической ткани языка. Они портят тексты, затрудняют мышление, наталкивают говорящих и читающих на ложные идеи и умозаключения» [Чернышев В.И., 1970: 303].

К устаревшей лексике примыкают слова, обладающие

хронологической отмеченностью. В словарях они соответствующим образом маркируются: *аутодафе* – ‘в средние века’: публичное сожжение еретиков, еретических сочинений по приговорам инквизиции’. Будучи неактуальными с точки зрения современных реалий, они остаются в языке, во-первых, благодаря своей культурной значимости, а во-вторых – благодаря возможности переосмысленных, прежде всего метафорических употреблений:

Быть может, заката костер черно-красный

*Мне готовит жестокое **аутодафе***

[Э. Межелайтис «Голос пустыни»]. Цит. по: [Брусенская Л.А., 1997: 30].

Или ср. переносное употребление этого существительного в кинофильме «Семнадцать мгновений весны», когда генерал Вольф в беседе с Даллесом признает поражение Германии, но считает, что американцам не стоит начинать переговоры с такого *мучительного для него, немца, аутодафе*.

Кроме того, слово, которое зафиксировано в словарях современного языка как устаревшее и, таким образом, которое входит в пассивный состав языка, может легко перейти в активный запас носителей языка и перестать восприниматься как устаревшее благодаря актуализации и «ресемантизации» (*бомонд, гильдия и под.*). Ср.: слово «благотворительность» в [МАС] имеет помету «устар.» и определяется как оказание бедным материальной помощи; слово «благопристойный» также снабжено пометой «устар.» и имеет значение «соответствующий требованиям приличия или принятого обычая».

См. подробное освещение процессов «рearхаизации» и богатый иллюстративный материал в диссертационном исследовании В.В. Шмельковой [2010].

Возможны даже случаи, когда квалификация слова в качестве архаизма или неологизма оказывается весьма неоднозначной. В романе Вл. Новикова «Сентиментальный дискурс» и в его же «Романе с языком» автором

обосновывается необходимостью неологизмов *арrogант*, *арrogантный*, *арrogантность*, однако это вовсе не новые слова, они бытовали в речевом обиходе конца XIX - начало XX вв. и зафиксированы словарями иностранных слов того времени. См. об этом: [Грановская Л.М., 2006: 163].

Если по характеру причин (внешних или внутренних) устаревания традиционно выделяют архаизмы и историзмы, то по степени устарелости слова делятся на устаревшие (устарелые) и устаревающие. Одним из достижений в исследовании архаизмов справедливо считается включение в современные толковые словари русского языка (например – ТС-XX и ТС-XXI) пометы «устаревающее».¹

Поскольку носители языка являются свидетелями процесса устаревания культурно значимых слов, в обществе неизбежно формируются идеи «спасения» лексического богатства языка. М.А. Кронгауз ввел в свою книгу «Русский язык на грани нервного срыва» [2008] раздел «Спасатели слов», где пишет об опыте Бернара Пиво, который пытается «выследить» уходящие французские слова.

В современной лингвистике для обозначения перехода слов в разряд устарелых используется термин «архаизация». Как сказано в Стилистическом энциклопедическом словаре [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2006: 22], механизм процесса архаизации заключается в следующем: сначала наблюдается наличие в языке равноправных вариантов (стадия безразличного варьирования), а также и стилистических вариантов.

В связи с расширением функционального поля одного из вариантов за счет сокращения и сужения поля другого далее такое варьирование становится контрастивным. У другого варианта изменяется положение в языке: число употребляющих этот вариант как нейтральный сокращается, а число употребляющих его как осознаваемо устаревший растет. Происходит

---

¹В толковых словарях с конца XVIII в. устаревшие слова обозначаются следующим образом, то есть прослеживается своеобразная история: «стар.» означает ‘старое’; «старин.» означает ‘старинное’; «обвет.» означает ‘обветшалое слово’; «устар.» означает ‘устаревшее’

смещение этого варианта к периферии языка и сужение круга потенциальных его контекстов. Архаизм в результате на периферии языка закрепляется либо меняет свое категориальное качество. Причем последний этап, по мнению Е.Г. Михайловой [1987], следует рассматривать как период «консервации», а не «забвения», поскольку у любого архаизма есть шанс вернуться к жизни даже спустя много веков.

В работе Н.А. Шестаковой [1999] сделаны наблюдения, раскрывающие причины архаизации: 1. Собственно лексические архаизмы славянского происхождения в подавляющем большинстве имеют производный характер, что позволяет утверждать, что и производящая основа оказывает влияние на архаизацию слова: приблизительно пятьдесят процентов этих слов образовано от производящих основ, которые являются устаревшими; 2. Омонимия также играет не последнюю роль в устаревании слов. Это подтверждается количественными данными: собственно лексические архаизмы (7,5 %) составляют омонимические пары или группы; 3. Когда у собственно лексических архаизмов, произведенных от современных основ, в современном языке обнаруживаются активные эквиваленты, оказывается, что устаревание таких слов происходит в результате нарушения их словообразовательной мотивированности, которая выражается в том, что ядерное значение семантической структуры слова не отражается его морфемным составом. Словообразовательная мотивированность в устаревшем слове нарушается вследствие того, что эти архаизмы являются или «осколками» устаревших лексем (потому что к моменту процесса архаизации первичные значения, которые способны поддержать образованные на их основе вторичные лексико-семантические варианты, окончательно утрачиваются многими из них), или мотивируются вторичным или устаревшим лексико-семантическим вариантом активных производящих слов.

Эти наблюдения Н.А. Шестаковой, в общем, можно принять, однако они не охватывают всего спектра причин архаизации, например – не в

состоянии объяснить, устаревание единиц такой специфической части речи, как междометие. Известно, что в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова междометиям придается особое значение как словам, кратко представляющим «изъявления духа» (*Ба* заменяет целое предложение и передает смысл ‘Я удивлен, что вижу тебя’). М.А. Кронгауз в разделе «Спасатели слов» пишет об устаревшем французском междометии *fi!* Бернар Пиво восхищался его эмоциональностью и краткостью, однако эти достоинства не помешали этому междометию превратиться в архаизм. Интересно, что оно устарело и в русском языке [Кронгауз М.А., 2008: 98], при том что современного аналога это междометие не имеет.

1.2. Социальный контекст архаизации

Аксиоматичным является положение о том, что лексика есть самый динамичный языковой ярус, наиболее подверженный социальным воздействиям. Эти особенности лексического уровня прекрасно иллюстрируются примерами языка русских писателей-эмигрантов. В языке русских писателей-эмигрантов, который оторван от живой стихии, от речевой практики, известная архаичность неизбежна. Ю.Н. Караулов [1992: 5] рассматривает язык зарубежья в качестве самостоятельного способа бытования русского языка, в качестве отдельной его сферы, вместе с другими, достаточно независимыми его разновидностями, такими как современный литературно-письменный язык; мертвый язык памятников; устные народные говоры; устная, разговорная разновидность языка, которая также включает и просторечие; язык науки и техники, а кроме того и варианты ранее существовавшей в республиках СССР, а теперь существующей в СНГ русской речи, называемой неисконной русской речью. Е.А. Земская отметила [1999: 252] слово *перо* в значении ‘ручка’ в эмигрантской речи, обратила внимание на отвержение советизмов (не *зарплата*, а *жалованье*). К примеру, Г. Газданов даже в своих последних

романах, как в авторском повествовании, так и в диалогических репликах, использует глагол *править* в значении, которое больше не употребляется в русском языке: ‘*водить автомобиль*’:

Она прекрасно умела править, но все-таки на поворотах и перекрестках мне каждый раз хотелось закрыть глаза и забыть о том, что происходит» («Призрак Александра Вольфа»);

– *Я до него не дотронулся, – испуганно сказал Дуду. – Честное слово... Я хотел его немного напугать... А править я умею... ты мне поверь...»* («Пилигримы»);

– *Нет, с тобой я буду спокойней. Ты сядешь за руль, – ты понимаешь, в таком состоянии я не могу править, я с трудом доехал до Мервиля к тебе...* («Эвелина и ее друзья»).

Г. Газданов использует слово своей молодости (он эмигрировал в 16 лет) – *аэроплан*. Все его герои (даже в 1968 году, когда написан роман «Эвелина и ее друзья») летают на аэропланах, а не на самолетах:

Я знаю, что некоторые из нас могли быть далеко отсюда, их могло отделять огромное расстояние, но, в сущности говоря, оно измерялось бы только одним – билетом на аэроплан («Эвелина и ее друзья»);

Ты прилетел первым аэропланом из Сицилии, когда узнал, что Мервиль ранен... («Эвелина и ее друзья»);

Когда аэроплан, на котором улетал Мервиль, поднялся в воздух, мы вернулись к машине в молчании» («Эвелина и ее друзья»).

Ср. также прилагательное *аэроплановый*:

«Оказывается местность, где стояла его часть, не подходила для сбрасывания с английских аэропланов оружия. Их можно научить спокойно стоять под артиллерийским или аэроплановым обстрелом, из них можно сделать парашютистов» («На французской земле»).

Г. Газданов использует грамматические архаизмы – такие формы, как *фильма, зала* - ж.р.:

Однажды он смотрел веселую американскую фильму на бульваре

Барбес («Мартын Расколинос»);

Они пришли в бешенство, начали кричать... Немец выгнал их из залы («На французской земле»).

Причину этих особенностей, свойственных прозаическим произведениям Г.Газданова, можно обнаружить в чувствах и впечатлениях главного героя в рассказе «Гавайские гитары». Его ощущения отразились в словах и лексико-семантических связях слов: *«как давно и безнадежно я живу за границей»*. Слово «дружина» используется в значении слова «отряд» в рассказе Г. Газданова «Товарищ Брак»:

Потом боевая дружина анархистов-террористов покинула наш город. Дружина была расстреляна, спасся один человек – Лазарь Рашевский

Толковые словари отмечают не только архаическое значение у этого слова ‘отряд воинов князя в Древней Руси’, но и следующее значение ‘войсковая часть или войсковое подразделение ополчения’. Например, слово «дружина» в этом значении использует и Л.Н. Толстой в романе «Война и мир». Пьер Безухов в романе-эпопее «Война и мир», стараясь быть ближе к солдатам, говорит о себе, что он *«по-настоящему ополченный офицер»*, но только его *«дружины тут нет»*. Это слово после 1917 года стало типичным советизмом (в сочетании с такими определениями, как *пионерская, народная* и др.).

Таким образом, у Г.Газданова это слово является примером выражения, который соответствует системе, не совпадая с узусом и нормой. Понятно, что для писателя-эмигранта такие несовпадения неизбежны. Хорошо известно, что социальные процессы оказываются решающим фактором, определяющим судьбы тех или иных пластов лексики. Например, в истории России был период – XVII-XIX вв., когда комплекс социальных ценностей – светскость, учтивость, утонченность – ассоциировались с французской культурой и соответственно переносился на язык. Но времена русско-французского билингвизма, который отражал

социальное дифференцирование русского общества, ушел в прошлое, в его историю. Процесс «старения» охватил широкий круг слов, бытовавших в речевом обиходе: *ракалия, галантен, рамоли, адоратер, пардесю, лоретка, реприманд, брульон, благерство, жантильность, инсуррекция, фетировать, аперсю* и мн. др. [Грановская Л.М., 2006: 157].

Интересны в этой связи наблюдения над восприятием русской лингвокультуры иностранцами, изучающими русский язык: временные смещения (и совмещения) в этом восприятии иногда настолько поразительны, что вызывают комический эффект. Н. Толстая в рассказе «Инспектор русского языка» описывает школу в Швеции, где желающие (четыре ученика) изучают русский язык:

Мы с Кристиной вошли в класс. Два мальчика и две девочки сидели под портретами Достоевского и Бродского. Больше желающих изучать русский язык в школе не было. Слева от доски висела цветная фотография очереди к мавзолею в зимней Москве, справа – текст, отрывок из «Домостроя»: «Юноша должен иметь душевную чистоту, походку скромную, голос умильный, речь пристойную, при старейших должен молчать, стыдливостью украшаться. За обедом – не кашлять, не плевать, а придется плюнуть, то сделать это, отворотясь от людей, да ногой потереть».

Наиболее разительные изменения в лексическом составе языка всегда происходили после революций, почему и высказывались иногда мнения, что, например, русский язык до 1917 года и после – это «два разных языка». Языковые перемены, наряду с переменами социальными, для приверженцев прошлого были настоящей трагедией. Ср. трагикомический образ монархиста Хворобьева в «Золотом теленке» И.Ильфа и Е. Петрова и используемые при его создании незнакомые ему слова-приметы нового времени, такие как «пролеткульт», «жалованье». Авторы «Золотого теленка» о попечителе учебного округа, «принужденного» заведовать структурой под названием «методологический сектор» в «местном Пролеткульте» пишут, что он ненавидел это слово, потому что не знал даже, как оно

«расшифровывается». Слово «сектор» приобрело в это время новое значение:

Дрожь омерзения вызывали в нем одним своим видом члены месткома, сослуживцы и посетители методологическо-педагогического сектора. Он возненавидел слово «сектор». О, этот сектор! Никогда Федор Никитич, ценивший все изящное, не предполагал, что это прекрасное математическое понятие, обозначающее часть площади криволинейной фигуры, будет так опошлено...

Хворобьев относил слово «жалованье» к «хамским вещам», и это «хамское слово» его знакомыми называлось «зарплатой».

В русском языке во времена советской власти, во времена пропаганды «научного атеизма», произошло следующее перераспределение между языковыми явлениями центра и периферии: церковная лексика из центра переместилась в периферийную сферу, а затем и вовсе была вытеснена из русского языка. Множество слов, которые активно употреблялись до революции, во время Октябрьской революции и в первые послереволюционные десятилетия перешли в пассивный запас. Выпадение отдельных слов-понятий из культурного обихода и вытеснение соответствующих моральных понятий – эта особая тема многих русских писателей:

«Милосердие! В мире, совсем утопающем в крови и насилии, кажется, что и слово забыто <...> Некий собрат по перу назвал Мориака в печати «пьяницей милосердия». Назвавшему есть чего постыдиться... Опьянен милосердием – слава Богу. Значит, жив человек. Если есть те, кого преследуют за милосердие, значит жизнь еще не зверинец. Христов лик не до конца затемнен. Русскому писателю, за которым стоит родная литература с вековым заветом сострадания и милосердия (от Пушкина, Гоголя, через Тургенева к Толстому, Достоевскому) – в дни Пасхи радостно особенно встретить все то же, давнее и вечно живое и юное, ибо истинное, у писателя страны латинской» (Б. Зайцев «Похвала милосердию»).

Ср. также диалог из повести братьев Вайнеров «Эра милосердия»

(точно воспроизведенный в экранизации – в фильме С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»), когда Глеб Жеглов говорит, что *милосердие* – «поповское слово».

Сегодня этот бывший архаизм под влиянием изменившихся социальных условий возвращается в активное употребление: его сущностный смысл ('доброта и милость') становится в высшей степени актуальным. Как пишет Е.В. Какорина [1996: 73], слово *милосердие* в 1987 году было введено в публицистическую речь писателем Д.А. Граниным¹, на протяжении 1989-1994 гг. употреблялось как частотное «ключевое» слово. Интересно, что слово вернулось в активный обиход не в том узком значении, которое фиксировали словари советской эпохи (ср. в СУ: 'готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается'), а в том расширенном значении (опирающемся на совершенно прозрачную внутреннюю форму – «милость сердца»), которое предлагал В.И. Даль ('сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому, жалостливость, мягкосердечность'). Как писал Г.О. Винокур, «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется» [1959: 229], и естественно, что «прерванность живого употребления на несколько десятилетий, отмирание семантических связей с другими словами (в результате пассивного владения словом) привели к сужению значения, его подмене, изменению стилистического статуса слова в языке» [Какорина Е.В., 1996: 75]. Указанный автор [Там же] приводит многочисленные примеры современной синтагматики этого слова и устанавливает, что преимущественным является все-таки суженное использование в качестве синонима к слову *благотворительность*. И только часть носителей языка осознает такое сужение значения неправомерным. Ср.

---

¹Ср.: *Милосердие* уничтожалось не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий никому не позволяли оказывать помощь семьям пострадавших <...> Людей заставляли высказывать одобрение смертным приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные *милосердию*, расценивались как подозрительные, а то и преступные. Из года в год чувство это осуждали, вытравляли: оно де аполитичное, не классовое, в эпоху борьбы мешает, разоружает <...> Его сделали запретным и для искусства [Гранин Д.А., 1989: 65].

фрагмент проповеди Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, где он выступает против уравнивания в языке денежной помощи и милосердия, призывает всмотреться в само слово и увидеть его значение: это «отношение к другому человеку как к своему ближнему, способность и желание в своем внутреннем пространстве уступить часть собственного «я». Цит. по: [Какорина Е.В., 1996: 76-77].

Для анализа динамических процессов в лексике чрезвычайно важны свидетельства писателей – самых «тонких» и скрупулезных филологов:

«Ужели слову «человечность» На новой бирже грош цена (А. Черный «Русские инвалиды»); Устарелое слово «деликатность» (М. Цветаева «Пленный дух»); ...люди кругом становились все безжалостнее, и это было законом времени, а вовсе не модой, веком, а не днем. Слово «жалость» доживало свои последние годы, недаром на многих языках это слово применяется только в обидном, унижающем человека смысле: с обертоном презрения на французском языке, с обертоном досады – на немецком, с обертоном иронического недоброжелательства – на английском (Н. Берберова «Курсив мой»).

Ср. также: «Среди слов, не имеющих хождения в Советском Союзе, Б. Зайцев назвал слово «мистицизм». Б. Зайцев пишет о В. Некрасове в 1963 году: «Он, вероятно, даже слова «мистицизм» употребить не может: как бы не попасть в психиатрическую клинику» (Б.Зайцев «Дни») [Русский язык зарубежья, 2001: 191-192].

Как известно, в сфере материальных вещей постоянно происходит «реутилизация прошлого» и время от времени становится популярным стиль «ретро». В сфере языка также регулярно происходит возвращение прежних наименований, слов, которые сначала переместились от центра в периферийную область, а затем оказались актуальными в новых условиях. Л.М. Грановская отметила «возвращение некоторым французским обозначениям их бывшего стилистического статуса: их негативная и ироническая окраска, закрепившаяся в послеоктябрьский период, начала

«смягчаться» (*бонвиан, журфикс, дезабилье, бонтонный, моветон, мезальянс, бонмо, рандеву* и др.)» [Грановская Л.М., 2006: 163].

Влияние социальных факторов на функционирование хронологически отмеченной лексики проявляется в том, что на современном этапе развития русского языка вполне очевиден процесс возрождения слов, ресемантизации, то есть слово, которое словари современного языка фиксируют как устаревшее и, таким образом, входящее в пассивный состав языка, переходит в активный запас носителей языка и перестает восприниматься как устаревшее. Как пишет Э.А. Китанина [2005: 202], слово «бомонд» (в значении 'высшее общество') стало с 90-х годов XX в. одним из самых активных по вполне объективным социальным причинам. В словарях XIX века (к примеру, в словаре Н.Л. Дубовского с характерным названием «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов», изданном в 1866 г., среди толкования значений этого слова были и прилагательные «знатное» и «утонченное», служащие определением к слову «общество», что могло соответствовать французскому *beau monde* – высший свет, высшие аристократические круги. Это слово, естественно, ушло на периферию в обществе, в котором было провозглашено социальное равенство. В толковых словарях советского периода это слово было снабжено пометой «устар.», а толковые словари компактные (типа СО) вообще его не учитывали как неактуальное в массовом словоупотреблении.

Как замечает Э.А. Китанина [2005: 197-199], второе рождение переживает слово «журфикс». Оно «реабилитировано», поскольку передает характерную черту жизни дворянских кругов дореволюционной России (оно означало определенный день для приема гостей в течение недели, когда можно прийти в гости без специального приглашения). В современном употреблении это слово и расширило синтагматику (*крутой журфикс, детский журфикс, родительский журфикс, мини-журфикс* и пр.), и приобрело позитивную прагматику. Слово *журфикс* отражено в «Словаре редких и забытых слов» В.П. Сомова, изданном в 1996 году. Сегодня слово

журфикс вряд ли можно отнести к редким и забытым. Н.Г. Журавлева, специально исследовавшая «феномен модного слова» в современном русском языке, отмечает своеобразную «моду» на архаизмы [2009: 74-77].

Реальные шансы на «ресемантизацию» имеют такие слова, которые были отторгнуты по идеологическим мотивам в советское время. Ср. современное употребление слов такого типа, как *царь Борис* (о Ельцине), *царское дело Путина*, *наместники государевы*. В ТС-XX содержится около трехсот слов, которые сопровождалась в толковых словарях пометой «устар.» и «церк.»: *водосвятие*, *грехопадение*, *митрополит*, *приход*, *патриарх*, *храм*, *проповедь*, что связано с изменением роли социального института церкви в жизни людей. Кроме того, Л.И. Молдовановой [2008: 83] даже отмечается появление «моды на религиозные верования». Сегодня число тех, кто посещает храмы, неизмеримо возросло. Однако человек не становится христианином в результате одного лишь соблюдения ритуалов. Сейчас пока можно говорить только о моде на определенные ритуальные действия. А от этой моды неотделима и мода на соответствующую лексику, причем нередко конфессиональная лексика используется бездумно и даже безграмотно. Ср. рефлексию В.И. Новикова о появившемся произведении телеведущего Владимира Соловьева «Евангелие от Соловьева»:

Телеведущий Владимир Соловьев выпустил приключенческий роман. Сюжет «страшно оригинальный» – о явлении нового мессии.

В.И. Новиков пишет о том, что о слове «евангелие», которое означает в переводе с греческого «благую весть», в романе Соловьева можно судить как о средстве для «раскрутки», для выделения «полиграфического продукта» во множестве других.

Не сказать, что это смертный грех, но и от книги, и от названия за версту шибает пошлостью, шариковским неуважением к отечественной культуре. Но в культуре-то, слава Богу, есть другой Владимир Соловьев, религиозный философ, автор книги «Оправдание добра», вышедшей в самом конце XIX века, – своего рода евангелие русской интеллигенции. <...> Любая

речевая конструкция может подвергаться преосмыслению: так первоначальное название фильма «Андрей Рублев» у Тарковского было – «Страсти по Андрею». Это глубоко религиозное по духу произведение.

В.И. Новиков обращает внимание на появившиеся в огромном количестве «штампованные» газетные заголовки, «совсем неинформативные», образованные по такой же синтаксической модели, например, «страсти по сертификации». В.И. Новиков пишет, что «деловая проблема» никак не связана со «страстями». Далее он говорит о том, что и слово «ипостась» употребляется «вовсю» в значении ‘функция’, ‘амплуа’, ‘роль’. (В.И. Новиков «Побойтесь бога!»).

Напротив, архаизации подвергаются «ключевые слова» советской эпохи, например, слово *товарищ*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля оно толкуется как ‘дружка, сверстник, ровня, односум, однолеток, сотрудник, помощник, соучастник, сослуживец, клевет». У Даля оно приводится для приветливого наименования вместо таких слов, как «приятель» и «брат». Еще до революции это слово переосмыслилось, синонимичным понятию ‘революционер’. Это отмечал в 1923 году С.И. Карцевский; см.: [Карцевский С.И., 2000]. Слово «товарищ» приобрело статус термина в социально-структурированных отношениях, в условиях социального равенства в период формирования и оформления тоталитарно-большевистской идеологии, обозначая при этом субъекта межличностных и групповых отношений по их «встроенности» в те или иные «ряды», организованные по роду деятельности. Анна Вежбицкая отвела слову «товарищ» специальный раздел в своей книге «Понимание культур через посредство ключевых слов» [1999: 359-368], В этой книге об этом слове говорится как о символе «ужасной эпохи» [1999: 360]. В.Н. Телия [2004: 472-473] пишет о том, что в произведениях М. Зощенко и М. Булгакова отражается процесс социального «обобществления» личности концептом «товарищ». Ср. в СД: Товарищ – 1. «Человек, действующий, работающий

вместе с кем-либо, помогающий ему, делающий с ним общее дело, связанный с ним общим занятием, общими условиями жизни и потому близкий ему. 2. Член своей политической партии (в языке политических партий, в особенности – коммунистов)». Как «расширительный» оттенок этого значения с пометой «нов.» приведено «Член советского общественного коллектива, человек, принадлежащий советскому обществу, всякий, кто вместе с другими участвует в общей советской работе. Это новое употребление легло в основу выделения в СД еще одного (третьего) отдельного значения: 3. «То же – при фамилии или звании человека своей (партийной, советской) среды».

В данных, которые приводятся в Частотном словаре русского языка под редакцией Л.Н. Засориной, который был издан в 1977 г., содержится следующая информация: по употребительности это слово находится на шестом месте после таких часто употребляемых слов, как *день, год, жизнь, дело* и *человек*; среди существительных частотность этого слова в корпусе из 1 миллиона словоупотреблений равна 1162.

В романе В.И. Новикова «Роман с языком» содержится предложение с аллюзией на популярную в советское время песню, в которой слово «товарищ» называется «*нашим словом гордым*». Причину того, что это слово уже не употребляется в качестве обращения, автор видит в том, что в Москве снесен памятник Дзержинскому и больше не обращаются «*друг к другу на большевистский манер*» (Вл. Новиков «Сорок два свидания с русской речью»).

В работе Л.О. Савчук есть справедливое замечание о том, что, если сокращается круг читаемой в обществе литературы, происходит переход литературной лексики из «живого» запаса в «исторический фонд» [Савчук Л.О., 1996: 15]. Совершенно очевидно, что именно изменение характера чтения столь характерное для последних десятилетий, неизбежно ведет к архаизации части лексического состава языка.

В неблагоприятном состоянии языковой среды и духовной деградации

видят глубинные причины оскудения словарного запаса языка. На протяжении всего XX века происходило сокращение слов, которые имели в своей структуре элемент *благо-*, *бого-*, *добро-* и получили помету в современных словарях соответственно «*дореволюц.*»¹ и даже «*иронич.*» или полностью изменили свое значение.

Процессы архаизации словарного состава продуктивно рассмотреть в контексте идей современной лингвистической экологии (или экологии языка).

В конце XX века культурно-исторические ценности также стали включаться в понятие среды обитания человека, это привело к возникновению новых терминологических сочетаний, таких как *экология истории*, *экология мышления*, *экология этики и эстетики*, *экология нравственности*, *экология культуры*, а также *экология языка* и *экология слова*, и наконец – *лингвистическая экология* [Брусенская Л.А., 2012: 149] Соответствующая терминология сегодня применяется в связи с проблемами разрушения равновесия языка и культуры, оскудения речи. В контексте идей «экологии языка» (в работах Г.Г. Хазагерова, А.П. Сковородникова, Л.И. Скворцова, В.В. Колесова, Л.А. Брусенской, В.Б. Касевича, Э.Г. Куликовой и мн. др.) используются такие метафоры, как *лексическая эрозия*, *загрязнение языковой среды*, *болезни языка*, *охрана языка*, *оздоровление языка* и под. В медицине сформировался принцип «не навреди». Экологический подход к языку, а точнее – экологически адекватный подход к языку заключается, прежде всего, в следовании этому общеэкологическому принципу. Антиподом лингвэкологического подхода является «деградационное поведение» [Бухарева Н.Т., 2009: 10] членов социума.

Ключевые категории языковой экологии – деградация и реабилитация.

---

¹Конечно, многие из этих слов, исполненные высоким нравственным и религиозным смыслом, присутствовали всегда в чувствах и сознании людей XX века, их активно использовали в своих произведениях авторы, сохранявшие связь с христианскими традициями (М. Пришвин, Е. Замятин, М.Цветаева, А.Ахматова, Б.Пастернак, О.Мандельштам и мн. др.).

Необходимо отслеживать опасные симптомы деградации языка, противодействовать им и обеспечивать выживание языка, способствуя его устойчивому развитию и поддерживая разнообразие. Под устойчивым развитием при этом понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, но не ставит под угрозу удовлетворение потребностей будущих поколений. «Особенность экологического подхода связана с основным принципом параметрирования всех языковых процессов в определенный период развития языка: позитивация / негативация, ценности / антиценности...» [Фомина О.А., 2011: 51].

Как пишет М.Н. Эпштейн [2006], в XX веке страшные убытки понесло не только население России, но и русский язык: одновременно с демосферой примерно такими же темпами сокращалась и лингвосфера. Просто поразительны масштабы сокращения словообразовательных гнезд (добро и зло), которые наращивались веками вокруг самых «мировоззрительных» корней языка. С основой «добр» в СУ осталось 42 слова (195 в СД), со «зло» – 82 в СУ (286 – в словаре В.И. Даля). Эти гнезда продолжали редеть и в последующие десятилетия существования советского государства, но уже ненамного: их основное богатство было утрачено за двадцать послереволюционных лет. Утрачены были важнейшие слова, связанные с этическими представлениями, относящиеся к разным частям речи. Среди утраченных в современном русском языке прилагательные: *добродумный, добродумчивый, добромисливый, доброплодный, добролюбивый, добромужественный, добропослушный, добротворный, злоимный, злоимчивый, злоумный, зломудрый, злострастный, злосовестный, злотворный, злославный, злосоветный, злообразный, зловольный*; существительные: *добромысл, добромыслие, доброплодие,, добродей, добродейка, добролюбие, добротолубие, добролюбец, доброрадство, добрословие, добротворение, злоумие, зломудрие, злострастие, злотворство, злотворение, злосоветник*; глаголы: *добрословить, злоумствовать, зломудрствовать, злославить* и мн. др.

Интересно, что от этих корней образования сохранились асимметрично: например, сохранились слова *злодей*, *злорадство* и *злословить*, но были утрачены такие слова, как *добродей*, *доброрадство* и *добрословить*, хотя очевидно, что *доброрадство* ('способность радоваться чужому добру') передавало чрезвычайно важное этическое понятие (ср. сохранившееся *злорадство*). По замечанию М.Н. Эпштейна [Там же], «самые важные, жизнеобразующие истины язык доносит мгновенно, однословно. От языка мы узнаем, что ум, сердце или радость могут быть добрыми и злыми. А если в языке есть только *злорадство* и нет *доброрадства*, то возникает опасность, что представление общества о нравственных ориентирах этого чувства окажется сильно суженным». Ю.И. Левин отметил, что основной функцией человека в лозунговом (идеологическом, тоталитарном) универсуме является труд, который занимает место всех добродетелей христианского универсума [Левин Ю.И., 1998: 555]. Естественна поэтому утрата многочисленных обозначений моральных понятий в эпоху тоталитаризма.

Напрашивается аналогия с программой, описанной Дж. Оруэллом в романе «1984» (часть 1, глава 5). Ср. слова Сайма, филолога, составителя так называемого словаря новояза: «*Знаете ли вы, что новояз – единственный на свете язык, чей словарь с каждым годом сокращается?*» Процедура сокращения практически в первую очередь относится к нравственным понятиям. «*В итоге все понятия плохого и хорошего будут описываться только шестью словами, а по сути, двумя*».

Архаизация слов неотделима от деактуализации соответствующих концептов. В.И. Карасик пишет о том, что к числу уходящих регулятивных концептов в русской лингвокультуре относится *кротость*: *кроткий* – 'незлобивый, уступчивый, покорный'. Этот концепт, который в основе своей есть религиозное предписание, выражал нормы поведения, резко противоречащие утилитарным нормам выживания в условиях борьбы за существование. И в советское, и в постсоветское время приветствуется

инициатива людей, направленная на всеобщее благо и /или на личное благосостояние. Имя этого концепта, пишет В.И. Карасик, практически неизвестно школьникам, они предпочитают называть незлобливому, уступчивого, покорного человека “забитым” [Карасик В.И., 2007: 187].

Представить реальную картину того состояния, в котором находится язык, постараться дать объективную оценку всех ее сторон, обратить внимание на опасности, а также предложить способы и пути сбережения и средства приумножения языковых богатств – это общий посыл языковой экологии. Мнение, согласно которому русский язык переживает период кризиса и нестабильности, имеет веские основания – оно основано на многочисленных фактах словарных потерь. А сокращается пространство русского языка именно потому, что утрачиваются многочисленные производные слова, нюансирующие смысл.

Чтобы исправить языковую ситуацию и остановить обеднение русского языка, предлагаются два пути.

М.Н. Эпштейн развернул грандиозную работу: он предлагает каждому равнодушному человеку стать творцом и создавать новые слова. Как известно, языку, конечно же, навязать ничего нельзя, но все-таки можно предложить в надежде, что слово приживется. М.Н. Эпштейн – автор идеи «проективного» словаря, то есть словаря, который фиксирует не то, что уже есть в языке, а то, что, по мнению создателей этого словаря (а это широкий круг людей, равнодушных к судьбе русского языка) должно быть в нем. Как известно, Словарь живого великорусского языка В.И. Даля является не только дескриптивным описывающим то, что уже есть в языке, но и прескриптивным (предписывающим): в нем содержится 14000 так называемых потенциальных слов, которые образованы по продуктивным словообразовательным моделям, а потому жизнены. И многое из того, что предложил В.И. Даль, вошло в русский язык. В.И. Даль впервые применил слово «толковый» относительно словаря. Его критики возражали: разве может быть словарь бестолковый? Тем не менее, этот термин сохранился и

прижился. Термин *толковый* означает «толкующий лексическое значение слова».

Проект М.Н. Эпштейна «Дар» привлек огромную аудиторию желающих творить в жанре «однословия». Однако, как бы ни были интересны предложения (ср. такие потенциальные слова, как *мордолев* ‘очень важный и грозный начальник’, *воображулик* ‘плагиатор’, *высокопарность* ‘одухотворенные отношения’, *отворитель* ‘человек, побуждающий к творчеству’, *гормония* ‘власть гормонов над человеческой личностью’), они все-таки производят впечатление курьезов и никакого реального влияния на общее состояние языка не оказывают.

Другой путь связан с именем А.И. Солженицына, который фактически предлагает вернуть языку ту лексику, которая сегодня относится к разряду архаизмов разной степени устарелости. А.И. Солженицын в предисловии к своему «Словарю языкового расширения» [1990] писал о том, что язык веками стоял обширный, богатый и не терял своих краев. А сейчас все время происходит сужение русского языка, уменьшается вся эта область, как шагреновая кожа. И писатель стремится в своих книгах произвести за счет «живых морфем», «за счет ближайшего слоя» его «лексическое расширение». В своем словаре писатель предлагает синонимы к советизмам. Эти слова содержат, по мнению А.И. Солженицына, «богатое движение», и, несмотря на это, «заброшенные» полностью или постепенно «теряемые» сейчас. По замыслу А.И. Солженицына, этот словарь имеет особую функцию: она состоит в том, чтобы способствовать «языковому расширению», противодействовать «иссушительному обеднению» русского языка. Но автор не предлагает использовать при общении в обыденной жизни все, включенные в его «Словарь языкового расширения» слова. А.И. Солженицын признается, что даже он в своем творчестве не мог использовать и небольшой части этих слов. Но в тоже время и «преждевременной смерти» они не заслуживают, так как обладают образностью и экспрессивностью. Писатель своим долгом считает напомнить

о них, для того чтобы они хоть от случая к случаю, но все-таки употреблялись.

Вообще период конца XX – начала XXI века характеризуется возвращением к истокам (во всяком случае, такое возвращение постулируется). Л.В. Поляков [1998] подчеркивает, что модернизация России на современном этапе связана не столько с «вестернизацией», сколько связана «с преобразованием собственной архаики». Как считает Н.Г. Еднералова [2003], современные школьники должны знать устаревшую лексику, это является одним из необходимых условий при получении ими высококачественного образования, а также это помогает в формировании личности, на высоком уровне умеющей употреблять языковые средства.

Интересно, что характер использования архаизмов в художественных текстах (что никогда не отрицалось для определенных жанров) также социально мотивирован. Так, в творчестве поэтов 20 - 30-х годов (время «языковой разрухи», пренебрежения авторитетами и традициями прошлого, преобладания социальной тематики и господства нейтрального стиля в поэзии) архаизмы употребляются с минимальной частотностью. Во время Великой Отечественной войны и в годы первого десятилетия после войны в связи с общим духовным подъемом и преобладанием патриотической тематики язык поэзии обогащается архаическими словами древнерусского и старославянского происхождения. Известно, что в 20-е годы из состава пассивной лексики было извлечено слово «вождь», которое еще в пушкинскую эпоху воспринималось как устаревшее и приводилось в словарях того времени с соответствующей стилистической пометой. Именно архаическая лексика позволяет «видеть в слове отблески истории народа» [Рогожникова Р.П., Карская Т.С., 1996: 6].

Интересно, что даже в исторических произведениях, описывающих одну эпоху, использование устаревшей лексики бывает различным. Как показано в исследовании О.Н. Булаховой [2003], романы А. Чапыгина, С. Злобина, В. Шукшина о разинской эпохе различаются объемом и характером

употребляемых устаревших языковых средств. Характерное для большого количества авторов 20-30-х годов стремление к колоритному, яркому отражению языка воспроизводимой эпохи отчетливо проявилось в романе А. Чапыгина, и потому в нем широко представлена архаическая лексика, которая создает яркий речевой колорит эпохи и ощущение старинной экзотики. В романе С. Злобина, наоборот, проявляется тенденция к усредненному письму, которая была характерна для 40-50-х годов и обусловлена жестким регламентом канонов соцреализма, допускавшим лишь самую малую степень исторической стилизации. Оттого общий объем архаических средств, использованных С. Злобиным, гораздо меньше, чем в романе А. Чапыгина, описания нередко носят отвлеченный характер, и в них отчетливо ощущается недостаток исторической конкретности. В романе В. Шукшина, который был написан в период ослабления идейно-эстетического прессинга социалистического реализма, когда стилизация начала допускаться и даже приветствоваться в литературной критике, когда к устаревшей лексике не относятся как к элементам, засоряющим язык, архаизмы представлены широко [Булахова О.Н., 2003]. Как считает указанный автор, несмотря на заметные отличия в употреблении и отборе устаревших языковых средств, в романах С. Злобина, А. Чапыгина и В. Шукшина присутствует и общий дефицит, который обусловлен существующей традицией. Три этих романа о Степане Разине отнюдь не полностью исчерпали запас возможностей языка XVII века, так как, сопоставляя язык романов В. Шукшина, С. Злобина, А. Чапыгина с документальными письменными источниками описываемой эпохи, в художественном описании можно обнаружить целые лексические микросистемы с полными или почти полными пробелами.

Направление архаизации в современном языке дает представление о многих важных процессах в развитии семантики языка, причем это касается не только лексики, передающей важные общественно-политические понятия, но и бытовых «приземленных» слов. М.А. Кронгауз воспроизвел такое

мнение читателя газеты «Ведомости», который на форуме этой газеты откликнулся на статью об устаревших словах: *А вместо слова «подгузник» сейчас все чаще употребляют «памперс»* [Кронгауз М.А., 2008: 93]. И в этом отражается важный процесс выдвижения брендов и маркировок на ведущие позиции. Как и типичные имена собственные, маркировки способны (при определенных экстралингвистических и контекстных условиях) к апелляции. Так, маркировки с высокой степенью узнаваемости могут полностью заменить название продукта – *памперс, ксерокс, джип*. В этом случае из наименований товаров они превращаются в обычные нарицательные имена [Фролова Н.Н., 2011: 32].

Но наиболее заметны отрицательные последствия архаизации не в разговорном языке, а в таких сферах, как политическое красноречие, державная риторика, апеллирующих к национальному чувству, к гордости за свою страну. Стремительная архаизация советизмов оставила в этих сферах зияющие лакуны. Ср.: «Один из ведущих журналистов, М. Соколов, сказал как-то у нас в эфире: «10 лет назад выяснилось, что у нас нет не только денег, того, сего, но нет и русского литературного языка. Жестко кодированный в сталинскую эпоху, язык стал мертвым, искусственным. Если взять газету «Правда» десятилетней давности, то станет понятно, что с помощью языка, которым она пользовалась, нельзя выразить никаких смыслов, нельзя описать ни одной современной ситуации. Новая журналистика столкнулась с языковыми проблемами не отвлеченно, а практически: в газете должны быть статьи, о чем-то внятно рассказывающие. Языковая ситуация напоминает эпоху Петровской реформы, когда живой язык казался кашей, а нормативный был скорее мертв, чем жив» [Северская О., 2004: 132].

Современная политическая речь (даже в своих самых успешных реализациях) имеет совершенно очевидные недостатки: вялость, невыразительность, вследствие чего она или не запоминается, или запоминается непреднамеренным комизмом (как известные «афоризмы» В. Черномырдина).

Общественно-политическое слово сегодня не имеет запаса прочности и солидности, ему явно недостает красоты. Причина этого – общее оскудение языка, неразрывно связанное с примитивизацией мышления, отсутствие общепризнанного идеала речевой культуры. Нам не дается высокий официальный язык, потому что его носители оторваны и от народных корней, и от тех сложных форм культуры, которые были достоянием русской интеллигенции. Как пишут Г.Г. Хазагеров и С.В. Хазагерова, сегодня техническая сложность повсюду соседствует с гуманитарным примитивизмом [Хазагеров Г.Г., Хазагерова С.В., 2005]. Лениность ума обуславливает невнимание к деталям, к нюансам, и потому многие слова, способные тонко нюансировать смысл, отбрасываются за ненужностью. «Прежде всего, необходимо уяснение современной языковой ситуации. Осознав проблему, надо перейти к планомерному окультуриванию коммуникативного пространства» [Куликова Э.Г., 2014: 144]. В этих условиях сбережение языка всеми способами должно стать социальным проектом.

Выводы по первой главе

Вычленение активного/пассивного запаса соотносится с идеями полевой структуры лексики, когда лексемы, существенные для осуществления общей или специальной коммуникации, представляются «ядром», то есть лексикой активного употребления, актуальной для современной коммуникативной ситуации. Это «ядро» окружено периферийной сферой, в которую от центра оттесняются устаревшие единицы. Расширение или, наоборот, сужение социальных сфер употребления тех или иных лексических пластов оказывается решающим фактором актуализации или архаизации языковых единиц. Регулярность (активность) или, напротив, пассивность лексических единиц соотносится с коммуникативной релевантностью соответствующего концепта, поэтому анализ процессов архаизации проясняет степень актуальности того или иного концепта в тот или иной период развития языка в целом.

Хотя самые авторитетные определения архаизмов содержат указание на то, что эти слова имеют синонимы в сфере ядерной лексики, однако очевидно, что в русском языке на протяжении всего XX века происходило устранение из активного словаря лексических единиц с актуальным денотативным содержанием, которые не были заменены современными синонимами. То есть, вопреки мнению, что историзмы – это единственные наименования для ушедших в прошлое предметов и явлений, не имеющие синонимов в современном русском литературном языке, можно утверждать, что и архаизмы (например, из Словаря языкового расширения А.И. Солженицына) также обладают этим свойством. Следствием этого процесса стало существенное сокращение актуального словника, что наиболее характерно для современного «транзитного» периода развития русского языка. Вслед за современными исследователями (см., например, работы М.Кронгауза и др.) считаем возможным использовать этот термин.

Если в зависимости от причин устаревания (внешних или внутренних) выделяются архаизмы и историзмы, то по степени устарелости слова делятся

на устаревающие и устаревшие (устарелые). То, что в современные толковые словари включается помета «устаревающее», является одним из достижений в исследовании архаизмов.

Архаизацию лексических единиц продуктивно анализировать в контексте идей экологии языка, общий посыл которой состоит в том, чтобы представить реальную картину того состояния, в котором находится язык, обратить внимание на опасности, а также предложить способы и пути сбережения и средства приумножения языковых богатств.

Из двух главных способов, какими может быть осуществлено это приумножение, наиболее оптимальным представляется путь возвращения архаической лексики, предложенный А.И. Солженицыным. На наш взгляд, эти идеи были недооценены в 90-е годы. Преимущество этого пути (по сравнению с идеями проективного словаря М.Н. Эпштейна) в том, что он ориентируется на языковую практику прошлого, на опыт использования этих единиц в образцовых текстах.

Глава 2. Архаическая лексика в контексте взаимодействия вариантов в системе языка

2.1. Архаизмы в аспекте риторических категорий ясности, правильности, уместности и красоты

Ясность – это качество речи, которое впервые выделил Теофраст и которое подробно разработал Аристотель. Понимается под ясностью доступность смысла речи, ее содержания для адекватного восприятия. Именно ясность способствует быстрому и легкому пониманию речи. Диоген Лаэртский под ясностью понимал способ такого выражения, который представлял бы мысль таким образом, чтобы ее легко было познать [Античные теории языка и стиля, 1936: 191]. Без этого качества речи все другие фактически не имеют смысла.

В настоящее время под ясностью понимается характеристика речи, в основе которой лежит ее соотношение с возможностями восприятия. Ясной называют речь, которую без затруднений может воспринять адресат. Ясность обеспечивается, в первую очередь, употреблением общепонятных слов в точном соответствии с их значением. Речь становится непонятной в результате использования в ней незнакомой лексики. Однако, как уже было отмечено, активная или пассивная, знакомая или незнакомая лексика не является константой относительно конкретных языковых личностей. Вполне очевидно, что использование большинства архаизмов вовсе не затемняет понимание текста, рассчитанного на образованного реципиента, который способен не только распознать, но даже оценить хорошую, искусную стилизацию.

Однако, как пишет В.П. Москвин [2007: 732-733], часто стилизация вступает в противоречие с требованием ясности, что еще более осложняет взаимоотношения художественного текста с литературной нормой, так как употребление таких стилизационных средств, как архаизмы и историзмы, не

способствует ясности текста. Из этого следует, таким образом, одно из самых важных правил стилизации, и в соответствии с этим правилом при использовании приема стилизации средства стилизации вводятся только в некоторых элементах – иначе художественное произведение может превратиться в документ или памятник. Стилизация, таким образом, всегда должна быть «умеренной» и «легкой». [Алпатов А.В., 1970: 17]. Г.О. Винокур подчеркивал, что использованные в «Борисе Годунове» славянизмы являются только отличительными, заметными местами в обычном использовании языка поэзии А.С. Пушкина. См.: [Ревякин А.И., 1969: 398-406]. Читая летописи, А.С. Пушкин старался почувствовать способ мышления и язык того времени, но метод прямого документализма не был свойствен А.С. Пушкину, так же как и получившее широкое распространение в те времена цитатное расположение материала. Авторы часто использовали такой прием для изображения исторической эпохи. Постоянно Пушкин-поэт побеждает Пушкина-стилизатора [Ревякин А.И., 1969: 399-401]. Исторические романы Пушкина характеризуются и достаточно умеренной архаизацией языка действующих лиц.

Автор должен иметь речевую чуткость, художественный такт, осознавать, что означает эстетическая мера, высокое мастерство, если он вводит в лексический оборот поэтических произведений архаические элементы. Конечно, эти требования не всегда выполняются в литературно-художественной практике. Некоторые писатели используют архаические слова, теряя чувство меры, что затрудняет понимание произведений, делает язык произведений не только трудным, но даже и непонятным. Подобные упреки критики, например, предъявляли к историческим романам А. Чапыгина (в то время как М.А. Горький восторженно оценивал творчество А. Чапыгина: роман «Степан Разин» он называл «совершенно исключительным произведением», сравнивал его со «старинной жемчужной ризой на иконе божьей матери», где каждая бисеринка выполняет свою, отведенную только ей роль. Цит. по: [Ревякин А.И., 1969].

На подобные упреки в отношении своих стихов и сомнения относительно ясности своих текстов Белла Ахмадулина совершенно уверенно отвечала: «Поймут. А не поймут, так почувствуют, что, в принципе, одно и то же». Вероятно, что такая позиция в отношении лирического стихотворного текста оправданна (ср. пародия А. Иванова на стихи Б. Ахмадулиной: «*Нет, смысла я не понимал, Но впечатленье – колдовское!*»).

По мнению Н.А. Шестаковой [1999: 167], незначительная утрата номинативности часто допускает функционирование устаревшего слова в совсем других стилях или выполнение особых стилистических задач в современном языке, поскольку в этих случаях утраченная лексемой номинативность восполняется синонимической экспрессивной функцией. Это особенно справедливо в отношении фонетических (орфоэпических) архаизмов, отличающихся от стандартного варианта произношения одним звуком, например в стихотворении Б. Ахмадулиной «Старинный портрет» используется слово «*маскерады*»:

В зале с черными колоннами

***Маскерады** затевал*

И манжетами холодными

Ее руки задевал.

Особенно актуализируется требование относительно правильности (чистоты) речи в связи с использованием пассивной лексики вообще и использованием архаизмов в частности. Интересен в этом отношении комментарий О. Кушлиной о сборнике былин, который вышел в годы «зрелого социализма» и сохранился в памяти благодаря энергичному, удалому названию. Сборник назывался «Гой еси вы, добры молодцы!». Ошибка в названии, по мнению О. Кушлиной, «пропагандистами патриотизма» расценивалась как мелочь, которой не стоило придавать значение, а именно неправильному согласованию слов в предложении. «Глагол в единственном числе, – по словам О. Кушлиной, – «подмигивал лихо» «русским молодцам», которым «несть числа». Неграмотное

использование «красивого», изобразительного архаизма было свидетельством декоративности и утраты смысла древней формой глагола. В то время также можно было услышать ироничную присказку: «Ты не гой еси, ты еврей еси», – в которой грамматическая сторона была оформлена правильно [Кушлина О., 2002].

Следующий аспект категории правильности относится к вопросу о том, вписываются ли архаизмы в лексические нормы современного русского языка.

Норма языка получила осмысление в лингвистической научной литературе как феномен, обусловленный исторически и социально (Э. Косериу, Г.О. Винокур, К.С. Горбачевич, А. Гавранек, Л.И. Скворцов), кроме того, также установлены параметры антипода нормы – языковой аномалии (Л.А. Брусенская, Ю.Д. Апресян, Е.А. Земская.). В науке получила обоснование идея, связанная с множественностью нормы (В.А. Звегинцев, А. Едличка, И.В. Беляева, Э.Г. Куликова, Г.Г. Хазагеров).

Разветвленная система стилей, как известно, может считаться признаком языковой «зрелости». В связи с развитием цивилизации, национальной консолидацией и различными социальными вызовами требуется унификация языка, а значит, единые критерии как основания его нормирования. Ср. триаду, которую предложил Э. Косериу [1963: 175-176]: *система – узус – норма*. Система, по Э. Косериу, понимается в качестве структурного потенциала языка (это понятие является самым широким в триаде, поскольку, в качестве системы возможностей, оно вмещает в себя и всю технику, и все характерные для данного языка эталоны), узус понимается в качестве совокупности общепринятых употреблений (конечно, таких, которые соответствуют системе), и норма, таким образом, предстает образцовым вариантом узуса. Поэтому, оказывается, норма соответствует не тому, что можно было бы сказать, а соответствует тому, что уже сказано и говорится по традиции в определенном обществе. Но все-таки когда определенный уровень языковой гомогенности уже достигнут, то рамки

норм, особенно лексико-стилистических, становятся препятствием дальнейшему развитию. Поэтому именно идеи о вариативности нормы, о множественном характере нормы ложатся в основу многих концепций, главным образом в основу концепции, разрабатываемой учеными Пражского лингвистического кружка.

Учеными Пражского лингвистического кружка [Тезисы Пражского, 1967: 17-41] была выдвинута идея определения нормы в качестве «гибкой стабильности», это позволило отойти от отождествления нормы с незыблемой консервативностью.

Таким образом, вычленяют минимально три вида норм в коммуникации: нормы системные, стилистические и контекстные. Системную норму ограничивает языковой компонент, она связана тесно с языком и его системой (структурой), конституирующими ее признаками являются общественное признание и обязательность в коммуникации. В качестве источника системной нормы выступают конкретные ее языковые реализации. В значительной степени о системной норме можно говорить как об объективном явлении, складывающемся в качестве совокупности регулярных реализаций, которые одобрены в данном социуме. Системная норма является более стабильной, чем другие виды норм. Не что иное как системная норма способствует «устойчивому динамизму» языка. Благодаря стилевой (жанровой) норме обеспечивается опознаваемость и единство стиля, или жанра, коммуникации.

Определяющим для нормы контекстной, или ситуативной, является связь с процессом коммуникации, обуславливается эта норма, в первую очередь, ситуативными обстоятельствами и факторами. Отношение ее к норме формационной обуславливается тем, что одним из способов реализации нормы коммуникативной является способ дистрибуции языковых формаций в коммуникативно-ситуативной сфере. В других интерпретациях сходное понятие обозначается такими терминологическими сочетаниями, как «индивидуально-авторская», «авторская» или «контекстуальная норма» и,

прежде всего, противопоставляется системной норме, которую фиксируют ортологические пособия.

Широко признана основывающаяся на идеях Пражского лингвистического кружка концепция контекстной нормы. Но, тем не менее, характеризующие системную норму признаки по-прежнему распространяются на ее другие гораздо более гибкие и динамичные разновидности. Г.Г. Хазагеров в работах [2000, 2003] высказал мысль, согласно которой цель изменчивости нормы – это сохранение системы-гомеостата.

По этому поводу Куликова Э.Г. пишет, что язык, как и любая система, стремящаяся к адаптации, так или иначе преодолевает дестабилизирующее ее влияние внешних факторов, а одним из механизмов, одной из подсистем, которые помогают языку адаптироваться к изменяющимся условиям, является кодификация [Куликова Э.Г., 2004: 40].

Наряду с признанием нормативного образцовым и идеально правильным, мысль о том, что какие-то иные нормы доминируют в художественном тексте, звучит все настойчивее. В. Изер пишет, что согласно концепции нарушения нормы возникает одномерное определение текста литературы, потому что это определение указывает только на одну отличительную черту такого текста: на отличие от канона или нормы. В результате выпадают важные отличительные признаки составляющих текста, наличие которых является условием для создания объекта, служащего эстетическим целям [Изер В., 1997: 123]. Писатели, «отступая от нормы», не нарушают ее, а демонстрируют «точный» чертеж, выполненный скрупулезно, как будто дополняя и восстанавливая упущенное описанием грамматическим. По замечанию Р. Барт, в дискурсе не просто используется язык, а в нем совершается работа по компенсации языка: язык как будто одаривается дискурсом, в дискурсе восполняются лакуны, присутствующие в языке [2000: 332]. Тогда только осознается оригинальность индивидуального авторского употребления, в то время когда традиционным представляется

понимание нормы как стандартного использования единиц языка. Как раз картина стандартного употребления и представлена в традиционных грамматиках и толковых словарях.

Норма контекстная близка к эстетической норме. То есть с помощью этих обозначений выражена мысль: нормативно все (соответствует этому виду нормы), успешно контекстуально, эстетично, что способствует передаче важнейших коммуникативных смыслов.

Современные научные направления в развитии лингвистики характеризуются отходом от консервативного, запретительного, одномерного восприятия понятия нормативности. Рекомендательная нормативность предпочитается запретительной. Показательна в этом отношении статья Л.П. Крысина, которая так и называется «Толерантность языковой нормы» [2006: 175-183]. Таким образом, из сферы политически корректного социально-политического дискурса термин перенесен в сферу лингвистики.

Проявление толерантности обнаруживается Л.П. Крысиным на всех уровнях языка: структурная толерантность связана с тем, что норма допускает варианты, которые при тождественном значении различаются своей синтаксической, морфологической, акцентной, фонетической, структурой; толерантность коммуникативная – с тем, что вариативные средства языка используются в зависимости от целей коммуникации, преследуемых говорящим; социальная толерантность связана, в свою очередь, с тем, что языковая норма допускает наличие вариантов, которые распределяются в соответствии с социальными группами носителей языка. Более того, можно говорить о том, что языковой норме свойственна толерантность к новшествам. Примененное к языковой норме понятие толерантности позволяет рассматривать ее в качестве «социального конструкта, обусловленного не внутренней языковой системой, а важными событиями в жизни социума» [Беляева И.В., 2008: 22; Куликова Э.Г., Беляева И.В., 2009: 77].

Функциональное толкование системы предполагает необходимость

учитывать то, что целостность элементов системы и их взаимоотношений определяется функцией, которая внутренне присуща ей как самоорганизующейся адаптивной системе. Способная к адаптации система в разных средах может функционировать по-разному. Понимание, согласно которому языковая система предстает гомеостазом, то есть саморегулирующейся системой, является корректным в отношении функционального поворота в лингвистике, связанного с исследованием языковой нормы [Куликова Э.Г., 2010: 10].

Таким образом, в современной лингвистике утвердилась новая теория нормы. Согласно этой теории норма – это «выбор», а не «запрет». Отступление от консервативных подходов к восприятию нормы естественно разрушает понимание нормы в качестве догмы. Изменчивость и динамичность нормы в результате попадания пассивной лексики в разряд общеупотребительной обуславливается иерархией, задачами целого и не может быть направлена против целого. Изменчивость нормы тем не менее должна способствовать сохранению вариантности и устойчивому соотношению вариантов.

В контексте плюралистического подхода к исследованию категории нормы, «отклонение от нормы» не противопоставляется норме абсолютной, а соотносится с ней, поскольку и это является нормой, но нормой, оцениваемой с позиции другой нормы. Нормы коммуникативные детальнее и тоньше, чем нормы системные, но они одновременно более демократичны и способствуют созданию условий для того, чтобы язык становился индивидуализованным. Различение намеренных (интенциональных) и ненамеренных (неинтенциональных) аномалий стало традиционным, интенциональные аномалии фактически отождествляются с нормативными явлениями. К аномалиям, используемым преднамеренно, исключительно полезным, можно отнести и архаизмы.

В основе самой популярной в настоящее время классификации системной нормы лежит уровневое деление: орфоэпические нормы,

лексические нормы, грамматические нормы. Таким образом, лексическая норма является приложением общей нормы языка к его лексическому уровню. На каждом языковом уровне соотношение, существующее между языковой системой и языковой нормой, не является однозначным. По словам Л.Г. Барласа, внимание лингвистов в большей степени обращено к выявлению отличительных черт словообразовательной, морфологической и синтаксической норм, однако вопросы, связанные с лексической нормой, в которых стилистический аспект занимает особое положение, остаются за пределами внимания исследователей [Барлас Л.Г., 1985: 3].

Слово способно передавать информацию о норме, идиостиле писателя или функциональном стиле. По М.М. Бахтину, в этом смысле любое слово «преднаходимо и полифонично» [Бахтин М.М., 1979: 311]. Ср.:

И день настал. Встает с одра

Мазепа, сей страдалец хилый.

Сей труп живой, еще вчера

Стонавший слабо над могилой

(А.С. Пушкин «Полтава»);

«Сей остальной из стаи славной

Екатерининских орлов!»

(А.С. Пушкин «Перед гробницею святой»)

Об этих строках В.Г.Белинский писал, что в этом отрывке слово *сей* ничем нельзя заменить, «а *этот*, если бы и подошло под меру стиха, только бы все испортило» Цит. по: [Ревякин А.И., 1969]. Таким образом, форма, которая была архаичной еще в пушкинские времена, соответствует сегодня контекстной норме (ситуативной).

Во все времена начиная с античных риторик одним из важнейших качеств хорошей речи считается уместность, то есть адекватность языковых средств условиям и целям общения.

Ср. случай, когда использование архаизма противоречит принципу уместности во всех ее пониманиях. В рассказе Н. Толстой «Хочу за границу»

читаем:

Просидев в очереди перед кабинетами, Марина перечитала все стенные газеты. В каждой поликлинике есть пишущий врач, и Марина выучила наизусть стихи из «Санлистка» и «Голоса медиков ЛГУ».

Студентка! Помни о правиле важном:

Делай уборку способом влажным.

Фтизиатр Б. Макеев

Наркомана вид нам неприятен:

Хил, небрит, шприц в руке.

Мы советуем, приятель,

Кайф лови на турнике.

Старшая сестра А. Никитенок

УФО поможет детям

Не заболеть рахитом.

Зимою заиграет

Луч солнца на ланитах.

Лаборант Ф. Клычко

Наконец Марина держала в руках справку: «Дана в том, что Петрова М.Н. не имеет противопоказаний по здоровью для поездки на одну неделю в Данию». Поставить круглую печать на справку могла только завполикликой Тамара Ивановна. Печать она ставила в приемные часы, раз в неделю, по понедельникам.

Итак, автор воспроизводит содержание стенгазет в поликлинике, куда героиня рассказа пришла за справкой. Сомнительны с точки зрения этико-лингвистической нормы все образцы этой «поэзии», а творение лаборанта Ф. Клычко отличается и пренебрежением категорией уместности: архаизм *ланиты* используется совершенно не мотивированно, что и производит комическое впечатление. На наш взгляд, эта архаичная форма не

безразлична и к общей прагматике текста: Наталья Толстая пишет об особенностях советских порядков, и с перечнем несуразностей (странные «стихи», не менее странные порядки вообще и в поликлинике в частности) коррелирует и неуместный архаизм.

Различаются следующие виды уместности – уместность личностно-психологическая, контекстуальная стилевая, жанровая, ситуативная.

Архаизмы неизбежны в аллюзивных текстах:

*Я написал об Ирине Аллегровой в почившем ныне журнале «Стас», лихая то была цидулка, неосторожная, а поскольку я известен у себя на кухне и в трех ташкентских дворах **аки поджигатель людских сердец посредством глагола**, то одно употребление слова «вульгарность» обрекло меня на не очень приятственное знакомство*

(Кушанашвили, О. Эпоха и Я. Хроники хулигана).

Причем, как видим, пафос подразумеваемого стихотворения и звучание аллюзивного текста не совпадают: высокий торжественный пафос пушкинского «Пророка» и почти ернический микротекст одиозного журналиста. В конвергенции стилевых средств соединены многие выразительные средства: архаичная лексика

Наиболее уместны архаизмы в текстах, в которых повествуется об отдаленных эпохах. Еще А.С. Пушкин указывал на трудности, связанные с употреблением архаизмов при создании колорита исторической эпохи. В своей статье «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» А.С. Пушкин писал о том, что за Вальтером Скоттом последовала «целая толпа» увлеченных его творчеством подражателей. Но их творчество было далеко от творчества «шотландского чародея». А.С. Пушкин сравнивает их с учеником Агриппы, он говорит, что они вызвали из старины «демона» и не смогли управлять им, а поэтому сами стали «жертвой» своей этой «дерзости» [1937: 92]. Известно, что Вальтер Скотт придерживался принципов, в соответствии с которыми языковые средства, используемые автором, не должны быть сугубо устарелыми и непонятными, по возможности автор

также не должен употреблять и только современные слова и обороты. Пользоваться языковыми средствами при описании чувств, в равной степени свойственных как нам, так и нашим предкам, а совсем другое – навязывать героям, жившим в одну историческую эпоху, речь и переживания, характерные для живущих в другую историческую эпоху. Вальтер Скотт поэтому не копирует язык прошлых эпох и использует достаточно небольшое количество архаизмов. Он, употребляя архаичные слова и выражения, отбирать старается такие, среди значений которых не обязательно должны быть только устаревшие, поэтому эти слова и более понятны читателю.

В цикле Ю. Нагибина «Вечные спутники», воспроизводящем фрагменты жизни и творчества великих русских писателей, архаизмы служат «проводником» в другие эпохи:

Из всей поездки запомнилась лишь встреча с трудолюбивым селянином в близлежащей рожице.

*От скуки он принялся проглядывать **кляузные** бумаги, но скоро утомился перечнем однообразных провинностей и еще более однообразных кар.*

*Пушкин с раздражением думал о своем деде Льве Александровиче, в котором ценил чистоту русского феодала: неверную жену сгноил на соломе в домашнем **узилище**, а соблазителя-француза то ли повесил, то ли высек на конюшне (Ю.Нагибин «От письма до письма»)*

Ср. роль архаизмов в очерке Ю. Нагибина «Царскосельское утро»:

*И бедный Кюхля претерпел от понимающего его и даже по-своему ценящего Пушкина куда больше **уязвлений**, нежели от всех остальных остряков-недоброжелателей.*

*Со всегдашним чуть досадливым сожалением прислушивался Пушкин к тяжеловесным **вириам** – Кюхля словно камни ворочал.*

*Кюхля глух, как тетерев. Может, и другие российские **пииты** туги на ухо и не слышат живой народной речи? Вот упоительный Батюшков или Жуковский, чье вдохновение вспыхивает особенно ярко от чужого огня,*

вовсе не глухи, но они потрафляют так сердцу **ревнителя** русской поэзии, как дряхлый Державин или допотопный Озеров.

Пушкин ненавидел Александра всеми фибрами души, ненавидел его двоедушие, позерство, удачливость, глухоту, люто ненавидел этого **плац-майора** под личиной либерального монарха, сентиментального отцеубийцу и первейшего **лукавца** Европы.

Ему хотелось жить, любить Наталью, поклоняться Карамзиной, писать легкие и дерзкие стихи, жалеть старых друзей и восхищаться новыми, побеждать на всех **ристалищах**, чувствовать в лопатках подъемную силу крыл, а не взваливать на себя грехи всех **словообидчиков**, не сумевших угадать имена населяющих мироздание.

В этом очерке Ю. Нагибин пишет о том, что Пушкин «провидел» судьбу и ношу, ему уготованную, - «сблизить слова со смыслом, выловить в хаосе звуков истинные обозначения вещей и явлений, дать литературе живую речь», не искаженную непрошенными «зашельцами», то есть «провидел» судьбу создателя русского литературного языка. И Ю. Нагибин вполне достоверно воспроизводит эмоции и рассуждения юного Пушкина о содержании русской речи вообще и о характере отдельных слов в частности:

*Но слово «**древо**» в описании отнюдь не библейского, а чащобного, прелого, мохового русского леса мгновенно обозлило его (неужели, живя среди царскосельских садов, Илличевский так и не научился различать деревья?), а **дикий глагол «вопять»** заставил по-обезьяньи вздернуть верхнюю губу и отскочить прочь.*

*Ты ничего не поняла во мне, взрослая женщина. Бог тебе судья. «Быть может, ты **восплачешь** обо мне! «Заплачешь», - поправился он. – Нет, «**восплачешь**», здесь – «**восплачешь**». Простота поэзии – это не простота прозы...*

Известно, что Ю. Нагибин, будучи знатоком и бережным хранителем обширной информации в области литературы и искусства, обладал редким даром ретроспективного зрения. В его жизнеописаниях А. Пушкина, А.

Дельвига, А. Григорьева, Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Лескова и многих других в тончайших деталях реконструируются далекие события, и эти реконструкции немислимы без точного использования не только архаичной лексики, но также архаичных грамматических форм и архаичных синтаксических конструкций – еще более тонких маркеров эпохи:

*Странная женщина! Из прекрасной родовитой семьи, вдова заслуженного адмирала, мать красавицы дочери, она чаще всего производила впечатление **салонницы**, провинциальной барыньки, что проводит дни в захолустье в сплетнях и ссорах с прислугой, **утрачивая всякое выражение**. Но вдруг что-то происходило у нее внутри, и она вмиг оборачивалась петербургской **демимонденкой**: разбитной, живой, с задорным профилем и опасным взглядом.*

*Генеральша не думала избегать встречи и, похоже, ничуть не смутилась несколько **странным окружением** знакомого литератора...*

- Вы обдумали мое предложение? – спросила Бибикова, сразу беря быка за рога.

- Где же мне было думать, сударыня, в несчастных моих обстоятельствах? – пожал плечами Григорьев.

*Сквозь **досадительные** мысли звучал жалостный голос генеральши-салонницы, упрашивающей его не терять даром времени в Долговом, а сочинять **побольше всяких критик**, пока она будет договариваться с Лаздевским о выкупе векселей.*

*- Как бы мне с ним полегче уладиться, я ведь стеснена в средствах. Мое дело вдовье... И стишками, Аполлон Александрыч, **не манкируйте**, и переводами, особенно французов, они хорошо у читающей публики идут.*

*- Григорьев с гадливым удивлением внимал этому лепету. Богачка, генеральша упрашивала нищего, ведомого в долговую тюрьму, **порадет для пущей ее выгоды** (Злая квинта).*

Таким образом, на категории меры основан самый важный принцип употребления архаических слов. Создавая «архаические», знаменитые

анекдоты Козьмы Пруткова, братья Жемчужниковы использовали только два-три слова, служившие приметам эпохи. Л.В. Гинзбург также указывает на необходимость дозированного использования архаизмов при переводе. Хотя способ «передачи» архаизмов уже давно является предметом дискуссий на тему перевода, конечно, никто не может определенно сказать, где находить и какие старые слова использовать при переводе текстов старины, если не считать неизбежных и затасканных *вкушать, нежели, коль, столь, сколь, вотще, ежели* и пр. По мнению известного переводчика Л.В. Гинзбурга, дело не только в использованной лексике, но также и в интонации, манере, темпе речи и в том, какой угол зрения избран переводчиком. В оригинале подавляющего числа произведений, независимо от того какому времени они принадлежат, используется современный относительно своего времени язык. И уже именно переводчик принимает решение: нужно ли подчеркивать отдаленность той, когда-то современной и живой языковой стихии, от нашей языковой стихии, или все-таки необходимо вернуться к изначальной живости звучания. О своих переводах Л.В. Гинзбург пишет, что всегда отдавал предпочтение легкому, условному налету старины перед тяжеловесными архаизмами, стремился, чтобы архаизмы своим грузом не давили стих, в его текст «архаизмы лишь вкрапливались» [Гинзбург Л.В., 1985: 252-253].

Еще Аристотель писал о сознательном использовании «чуждых» слов, он писал, что язык нужно делать «чуждым», поскольку тому, что далеко, изумляются, и приятным оказывается то, что изумляет [цит. по: Аверинцев, 1996: 374]. Уместность (или неуместность) использования «чуждых» архаизмов тем или иным автором нередко оценивалась по-разному. Например, А.И. Солженицын описал, как его критиковали за использование архаизмов. Вот что писал о его книге «Бодался теленок с дубом» В. Воздвиженский: «Книга бессвязна». Далее В. Воздвиженский называет ее «политическим дневником», в котором автор изъясняется при помощи «**атавистического лексикона**» [выделено нами – Т.К.] («Угодило зернышко

промеж двух жерновов»). В. Воздвиженский «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына отнес к разряду курьезов. Он писал, что у А.И. Солженицына, вместо «реального русского языка», который употребляется в нашем веке, используется «некая предположительная русская речь, реконструируемая по Далю» [1991: 28]. В.Е. Максимов [1991: 10], говоря о языке Солженицына, писал, что «конструирование» Солженицыным в своих книгах «почти всей словесной ткани из вымерших», неупотребляемых «архаизмов» и «неподъемных, тяжелых словосочетаний» можно назвать «вернейшим способом самопохорон» автора.

Эту черту, отличающую творчество Солженицына, совершенно по-другому оценивает П. Спиваковский [1999: 10-11]. Он считает, что писатель меньше всего старался поразить читателя архаичностью своего языка. Не случайно поэтому даже те слова, которые А.И. Солженицын заимствует в словаре В.И. Даля (архаизмы – если говорить формально), функционально он использует как неологизмы. Они нужны А.И. Солженицыну, за редким исключением, для смыслового обогащения, а не для создания некоего «аромата старины», кроме того, он с их помощью расширяет выразительные возможности языка современной литературы, с их помощью он ищет новые краски и смыслы, а также разрушает стилистические штампы. Архаизмы, которые использовал А.И. Солженицын, называли и «неоархаизмами», и «архаиконеологизмами», потому что архаизм, который не служит целям стилизации, нов, то есть этот архаизм «неологичен». В.В. Кузьмин писал, что его новояз, названный архаистическим, используется в качестве главного средства в борьбе с космополитизмом, присущим современному русскому языку [Кузьмин В.В., 1997: 101]¹. См. также: [Зарецкая Н.Н., 2001].

А.И. Солженицыным сравниваются два варианта, с помощью которых может передаваться единое денотативное содержание. Это два феминизма *труженица* и *труженка*: слово *труженка* звучит совсем по-другому, за ним

---

¹К «архаистам-новаторам» относят также Е. Замятина и М. Цветаеву [Кузьмин В.В., 1997: 101].

не следуют изношенные определения такого типа, как «советская» или «славная», это слово не соотносится вообще с обычаем, о котором А.И. Солженицын говорит как о «холостящем, советском».

В Толковом словаре В.И. Даля представлено 9 вариантов (коррелятов) для слова *ткач*: *тчя*, *точя*, *ткалиха*, *ткея*, *ткательница*, *ткаля*, *ткаха*, *ткачка*, *ткачиха*. А.И. Солженицын выбирает варианты, которые он называет «живыми», еще не утратившими «свою долю в языке» и обещающими возможности для «гибкого применения». Он старается сохранить именно те слова, которые «частично еще» применяются, но реже и реже, которые теряются у нас на глазах и по этой причине находятся под угрозой «отмирания». Автором использовались материалы далеко не только из словаря В.И. Даля (а те, которые использовал, он критически перерабатывал; так, из 9 слов, предложенных В.И. Далем для наименования ткачихи, А.И. Солженицын сохранил только четыре: *ткачя*, *ткаля*, *ткалиха*, *ткаха*), но также им привлекался материал («словный запас») из творчества других авторов – и современных, и авторов, относящихся к прошлому веку, им использовались выражения, которые он назвал историческими, но «сохраняющими свежесть», кроме того, он использовал все «слышанное» им, находящееся еще в «коренной струе языка», а не в советских штампах.

Сам язык произведений А.И. Солженицына тоже участвует в борьбе с тоталитаризмом (а точнее в борьбе с «новоязом», который обслуживал идеологические нужды тоталитаризма). «Архаизированным» языком создается прием имплицитного диалога коренного языка и «новояза». Таким образом оказывается, что архаизмы в публицистическом или художественном тексте не только уместны, а просто даже незаменимы, так как именно они способствуют достижению цели.

Теофраст считал красоту важным достоинством речи, он называл два качества, из которых складывается красота – это приятность (сладость) и величавость. Нередко под красивой понимается речь, «украшенная»

фигурами и тропами, то есть «отделанная» специально. Софисты особенно высоко оценивали красоту, указывали на необходимость создания благозвучности речи, они полагали, что речь красивая «успокаивает», «чарует», а следовательно – указывает слушателям направление, нужное оратору. Красота до настоящего времени признается в качестве важнейшего качества речи, не всегда понимаемого однозначно. Красивой чаще всего считают ту речь, которая способна привлечь к себе внимание, произвести посредством своей формы такое впечатление, которое будет благоприятным.

Многие авторы красоту связывали со старинными речениями. Например, в статье А.М. Горького «О языке» говорится, что в старославянском языке много образных, добротных и веских слов, но очень важно разграничивать языковые средства, которые используются для утверждения церковной догматики, в проповедях, от поэтического языка. Язык и стиль, которым написаны письма и «Жития» протопопы Аввакума, является образцом непревзойденной страстной и пламенной речи, наша старинная литература, по мнению А.М. Горького, содержит примеры, на которых можно учиться [1953: 163]. Но использование архаизмов должно быть умелым, в их применении должно быть целое искусство, простое использование архаизмов, «нанизывание» их вряд ли создаст красивую речь. Во многом от умения поэта приспособить, использовать средства языка, которые были унаследованы из прошлого, из других эпох в развитии языка для того, чтобы выразить новое содержание, насущные проблемы современности, личный душевный опыт, зависит, каким будет лирическое произведение с точки зрения художественной выразительности и заложенного в нем эстетического потенциала. [Иванова Н.Н., 1977: 7]. При создании произведения современной литературы, если это отвечает стилевым и эстетическим установкам автора, он может использовать слова в забытых узусом архаических значениях.

Интересен тот факт, что те архаизмы, которые имели ограниченную сферу употребления и использовались только в поэзии, стали позднее

восприниматься в качестве специфических примет определенных условий употребления, и сформировался, таким образом, такой разряд, как «поэтизмы». В связи с этим можно говорить о том, что за счет использования архаизмов у поэтов обогатилась речевая практика. Ср. в стихотворении М. Цветаевой «Развела тебе в стакане» использование архаизмов «око», «перст», «младость», «мановень»:

*Око и бровь! Перст и ладонь!
 В самый огонь, в самый огонь.
 Чтобы младость – не в радость,
 Чтобы сахар – не в сладость,
 Чтоб не ладил в тьме ночной
 С молодой женой.
 Огнепоклонник! Не опалюсь!
 По мановенью – горят, гаснут!
 Огнепоклонник! Не поклонюсь!
 В черных пустотах твоих красных...*

Можно утверждать, что многие авторы сознательно внедряли слова, способные провоцировать лексикографический творческий поиск [Рахимкулова Г.Ф., 2000: 10]. Архаизмы нередко оказываются такими словами.

По утверждению М. Амелина [2001], двумя совершенно разными языками следует считать язык, называемый современным русским литературным языком, и язык, называемый языком современной литературы. Тот язык, который называется современным русским литературным языком – это закрепощенный разнообразными правилами и нормами, намеренно усредненный, некий заурядный конгломерат устоявшихся и отживших индивидуальных авторских поэтик писателей XIX – начала XX столетия, который отражен в распространенных словарях и орфографических справочниках. А язык современной русской литературы – наоборот, должен быть исключительно свободным и пестрым, обязан пребывать в

текучерасплавленном, подвижном состоянии; сленг в нем может находиться рядом с архаикой, а просторечие может смешиваться с заумью, не мешая при этом друг другу. Целью всякого языкового творчества является разрушение всякой косности и проветривание застоялой затхлости, для того чтобы создавать новые словесные отношения, всегда неслыханные и порой довольно причудливые. По мнению М. Амелина, язык произведений, написанных современными авторами, крайне бледен. Словесная и стилевая глухота отличает новую литературу. А безликим и серым языком невозможно сообщить ни о чем подлинно важном и глубоком. М. Амелин [Там же] называет два стилевых направления, которые можно было бы назвать «гладкописью» и «плохописью». Полагают, что словарь можно расширять, только употребляя обценную лексику, молодежный сленг и компьютерно-мобильную терминологию. М. Амелин, давая интервью газете «Культура», говорил о том, что усредненность, с какой пользовались языком как советские, так и антисоветские поэты, вызывала у него раздражение. Примерно в семнадцать лет он понял необходимость возвращения поэзии утраченного торжественного тона, что необходимо сделать от элегии шаг по направлению к оде. Автор говорит, что не может судить о том, насколько это ему удалось, но он уверен, что его стихи нельзя перепутать со стихами другого поэта. Ему нравятся эксперименты над русским языком в отношении его недопроявленных возможностей, поэтому он и работает на стыке современности и XVIII века. Далее М. Амелин говорит, что, возможно, со стороны это может выглядеть неким проектом в духе постмодернизма, однако для него это вполне обычная языковая среда. Язык XVIII века в сравнении с современным, по его мнению, более емкий и весомый, и в фонетике, и в синтаксисе, и в лексике [Амелин М., 2004]. М. Амелина недаром называют человеком, который склеивает своей собственной кровью отдаленные эпохи.

Таким образом, умелое употребление архаизмов не только не препятствует, а, напротив, помогает сформировать все главные качества

хорошей речи – ясность, правильность (соответствие контекстной (ситуативной) норме), уместность и красоту.

2.2. Троп как преобразование и архаизмы в системе тропеических средств

В лингвистике утвердилось прочное представление, согласно которому вариантность является одним из важнейших отличительных свойств языка, то есть это возможность выражать некоторое содержание различными способами. Это является универсальной чертой языка, в одинаковой мере характеризующая его функционирование и системную организацию. Р.О. Якобсон писал о взаимодействии вариантов как о существенном, сокровенном свойстве языка, которое воплощается на его всех уровнях и которое исполнено глубочайшего смысла [Якобсон Р.О., 1975: 311]. Возможность, когда единое содержание обладает определенным количеством соотносительных, но отличающихся друг от друга способов его репрезентации анализируется в лингвистике как частный аспект проблемы о соотношении содержания и формы.

Необходимость в исследовании проблемы вариантности в первую очередь возникает в языкознании в связи с фонологическим уровнем языка и его изучением. Понятие варианта и инварианта было сформулировано именно на этом материале. Последующие исследования синтаксического, морфологического и лексико-семантического уровней показали, что отнюдь не всегда проблема выделения инварианта является первостепенной, значительно важнее определить тот комплекс значений, который может передаваться варьирующимися структурами.

Отбор вариантов из некоего множества сопряжен с пониманием нормативности в языке. По мнению Г.Г. Хазагерова [2004], это, однако, не является единственным способом при описании нормы. Г.Г. Хазагеров, продолжая развивать эту мысль, обращается к идее метаплазма.

Риторический и грамматический термин «метаплазм» ведет происхождение от греческого глагола μεταπλασσω («переделывать, преобразовать, превращать»). Метаплазм – это результат некой работы, а не готовый вариант, это преобразование; в идее метаплазма лежит мысль, согласно которой правильная форма преобразуется в некоторую новую, и это происходит не как выбор из определенного списка, так как эти новые формы могут составлять некий континуум.

В контексте этих проблем троп понимался в качестве некоего преобразования (известно, что термин этимологически связан с глаголом «направлять, поворачивать»). В первом специально посвященном тропам сочинении под тропом понимается уклонение от обычной, привычной речи.¹ Это представление о явлении является расширенным (ср. традиционно троп рассматривается как переносное значение). Ввиду того, что преобразование не допускает некоторого закрытого перечня всех возможных вариантов, список тропов был открытым.

В работе Квинтилиана есть указание на исключительную неисчерпаемость перечня фигур и тропов речи, см.: [Quintilian, 1909: 182]). Главная черта, характеризующая троп, – это изменение какого-то выражения на основе некоторой аналогии из обычного, нейтрального в более сильное, таким образом, тропы являют собой «систему полезных отклонений от нормы».

Начиная с античности, риторика, относит, с одной стороны, фигуры и тропы к аномалиям, «метаплазмам», а, с другой стороны, она опирается на заданную прецедентами аналогию. см. подробнее: [Куликова Э.Г., 2004: 37-39]. Если при помощи архаизмов речи сообщается торжественность и подобные примеры являются общеизвестными, следовательно, такой прием может использоваться каждым носителем языка. Э.Г. Куликова пишет по этому поводу, что рассмотрение фигур и тропов с точки зрения

---

¹См.: Τροφῶνος περὶ τροπῶν // Spengel L. Rhetores Graeci ex recognitione, Lipsiae, 1856, vol. III.

нормативности возвращает к представлениям, согласно которым фигура рассматривается в качестве игры аномалии и аналогии. С позиции грамматики фигура представляет собой аномалию, а с позиции риторики – аналогию. Таков принцип возникновения «другой» нормы для риторической фигуры [Куликова Э.Г., 2004: 43].

Архаизмы в сравнении с нормативными, стандартными единицами, передающими тождественное или сходное содержание, являют собой различающиеся функционально-стилистическими признаками варианты.

В противоположность собственно архаизмам (противопоставленным историзмам), прагматика которых заключается в стилизации, прежде всего, историзмы выполняют функцию номинативную, так как только они могут обозначать соответствующие денотаты.

Если принимать за основу противопоставление сигнификативной и денотативной информации, то такой знак будет изобразительным, в котором денотативная информация достигает существенного объема¹. Имеется в виду, что историзмы в первую очередь выполняют в тексте функцию изобразительную, а собственно архаизмы нацелены в большей степени на создание в тексте выразительности. Именно то, что устаревшая лексика ориентирована на усиление изобразительности и выразительности речи, нередко находится за пределами внимания исследователей. Во всяком случае причисление архаизмов к тропеическим средствам нечасто встречается.

Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой приводит следующее определение, согласно которому под архаизмом понимается

«1. Слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое. Русск. *Вдовствовать, ваятель, врачевание, вдовица, даяние, втуне, лихоимство, науцать, издревле, навет.*

---

¹Т.Г. Хазагеров вводит термин «усиление изобразительности» (см., например: [Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999: 227]), это позволяет адресанту дозировать денотативную информацию сознательно, достигая необходимой степени наглядности.

2. Троп, состоящий в употреблении старого (старинного) слова или выражения в целях исторической стилизации, придания речи возвышенной стилистической окраски, достижения комического эффекта» [1969].

Понимание архаизма как тропа не представлено в других словарях лингвистических терминов, также такое понимание не представлено и в современных стилистических и риторических словарях. Второе значение («троп») отсутствует в следующих словарях: [Марузо Ж., 1960; Розенталь Д.Э. Теленкова М.А. 1985; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999, 2004; Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В., 2005; Хазагеров Г.Г., 2009; Стилистический энциклопедический словарь под ред. М.Н. Кожинной, 2006, Стариченок В.Д., 2008; Жеребило Т.Г., 2010 и мн. др.].

Употребление архаического слова или выражения, которое синонимично обычному стандартному слову, между тем, является не чем иным, как преобразованием высказывания, которое имеет целью создание образности речи и усиление ее изобразительности и выразительности.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой образная речь определяется как речь иносказательная, связывающая с предметом дополнительные представления, которые вызывают те или иные эмоциональные переживания [Ахманова О.С., 1969: 387]. Другими словами, под образностью понимается не изобразительность, рассматриваемая вообще, но именно изобразительность тропеическая.

Единственно собственно архаизмы (но не историзмы) могут иметь синонимы, и выбор одного синонима из нескольких в условиях конкретной речевой ситуации всегда мотивирован стилистически. Ср.: *Я по радио услышал про какой-то несчастный случай с Муратом Насыровым, но я-то понял, какой это несчастный случай. Я поехал в келью свою, в которой я жил после развода, посмотрел на себя в зеркало и испугался...*

*Нигде более вы не увидите такой дерзости мысли, такого норова (которого хватило бы на табун мустангов) облаченного в сверкающие **риз**ы ослепительного интеллекта. Аминь!* (Кушанашвили, О. Эпоха и Я. Хроники

хулигана).

Естественно, что если рассматривать архаизмы в синхронии, то понятно, что они не могут быть стержневыми словами в синонимических рядах, они всегда являются маркированными вариантами, наиболее пригодными для того, чтобы их использовали интенционально.

Значимость явления интенциональности определяется многими факторами, в том числе – неэффективностью исследования семантических процессов без опоры на анализ восприятия высказывания, употребления и понимания языковых средств. Известно, что связана интенциональность с возможностью выбора самой выразительной в определенных условиях формы. [Бондарко А.В., 1994, Курочкина Л.В., 1999 и др.]. Только не являющийся референциальным признак выполняет экспрессивную функцию. В случаях, когда архаичное и современное слово синонимичны при одной референциальной соотнесенности, употребление архаизма может быть связано с особыми интенциями продуцента речевого произведения, вполне понятными адресату. Использование архаичного варианта, в первую очередь, связано с его коннотациями.

О.И. Глазунова определяет коннотат в качестве закрепленного в образе устойчивого квалификационного признака или совокупности признаков, которые имеют целью представить сравнительную субъективно-оценочную эмоциональную, стилистическую характеристику какого-либо явления или предмета через другое явление или предмет на основании ассоциативных связей, существующих в языке [Глазунова О.И., 2000: 68].

Ср.: *На втором курсе Кравченко забрали в армию. В тот год студентам дневных отделений забривали лбы. Он приуныл и на семинарах все глядел в окно. Прощался* (Н. Толстая «Студенты»).

Этот фразеологизм, как и отдельное слово *забрить*, имеет в современных толковых словарях помету «устар.» и социально-временной маркер: «в дореволюционной России», однако, как видим, применяется Натальей Толстой для описания ситуации конца XX века.

Сосуществуют различные классификации тропов, в целом не противоречащие друг другу. Однако наиболее логичной является классификация, представленная в работах Г.Г. Хазагерова, так как в ней рассматриваются не отдельные тропы, а их классы; тропы сходства, смежности, контраста, тождества. Данная классификация определяет общие принципы формирования тропов, позволяя дальнейшую конкретизацию того или иного их типа. К тропам тождества в данной классификации относится перифраз [Культура русской речи, 2003: 466], а также разновидности перифраза. Однако не все ученые перифраз вообще относят к группе тропов. См., например: [Григорьев В.П., 1987]. Архаизмы, как и перифразы, функционально близки к обычным синонимам, под которыми понимаются семантически одноплановые слова и выражения. Данное противоречие, по нашему мнению, может быть нейтрализовано введением широкого понимания перифраза, а также тропа как любого преобразования. При такой трактовке к данному виду тропов могут быть отнесены языковые единицы, при функционировании которых закономерно происходят семантические трансформации, в том числе связанные с актуализацией коннотаций, а также формированием новых коннотативных компонентов. Таким образом, архаизмы функционально близки именно к перифразам и могут рассматриваться в системе тропов тождества.

Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяевым отмечается, что тропы способствуют не только украшению текста, но также и осмыслению действительности, структурируют ее, «смещая акценты» [Граудина Л.К., Ширяев Е.Н., 2003: 278]. У тропов есть две возможности, эти возможности могут быть использованы двумя видами речевого воздействия. Тропы усиливают наглядность речи и тем самым служат целям усиления ясности речи – это важнейшее качество речи, связанное с убеждением. В то же время они обладают способностью направить ассоциации адресата речи в то русло, которое выгодно адресанту, вызывая другую ассоциацию и привязывая ее к другому референту, расширяя лексическое значение нужного слова и

создавая необходимую коннотацию [Лобас П.П., 2011: 56]. То, на какой вариант падет выбор – или на современный, или на архаический (тропеический), – напрямую связано с его прагматической функцией в речи. Рассмотрим подробнее динамику прагматических созначений архаизмов.

2.3. Прагматика лексических и грамматических архаизмов

Наиболее очевидная прагматическая функция архаизмов состоит в воспроизведении исторического колорита эпохи. Появление в тексте таких разновидностей архаической лексики, как библеизмы и мифологизмы, тематически задано. Характерен в этом отношении роман И.С. Шмелева «Лето Господне» – своеобразная энциклопедия обычаев, связанная с религиозными праздниками. Праздники эти описываются «из сердечной глубины верующего ребенка»: писатель рисует постижение детской душой духа православной веры. Жизнь превращается в изумительное церковное действие, бесконечное торжество православия. Текст книги содержит многочисленные цитаты из молитв, церковных песнопений, Священного Писания и житий. *(В церкви выносят плащаницу. Я сегодня читал в Евангелии, что гробы отверзлись и многие тела усопших святых воскресли. ...Ангелы поют на небеси).* С помощью архаичной лексики создается образ Священной Руси. В романе Шмелева часто употребляются старославянизмы с оттенком книжности, возвышенности: *благо, грядущее, облекать и др.*

Специфика функционирования устаревших слов в художественных текстах реализуется в функционально-стилистических аспектах. В функционально-стилистическом аспекте как средство стилизации и хронологический маркер.

Объем понятия «стилизация» понимается по-разному. Стилизация – это, пожалуй, одна из самых противоречивых и в то же время многозначных категорий гуманитарного знания. Сущность стилизации объясняется по-

разному в существующих в достаточном количестве трактовках, отражающих рассмотрение этой проблемы под предметно-дисциплинарным углом зрения и в русле господствующих мировоззренческих ориентаций соответствующих исторических эпох или связанных с теоретико-методологическим направлением. Полагаем, что оптимально понимать под «стилизацией» такой стилистический прием, при котором как средства эстетического воздействия применяются устаревшие языковые средства для отражения особенностей ушедших эпох.

Важно отметить, что для исторической стилизации у авторов нет необходимости в точном воспроизведении языка ушедшей эпохи. Маркерами исторической стилизации могут стать отдельные слова, нередко – служебные части речи или архаичные местоимения. Ср. фрагмент исторической повести «Глоток свободы» Б. Окуджавы:

«Наверно, музыка играла, когда они, преследуя Бонапарта, проходили Европой, и родина, уже перекроенная на сей европейский манер, виделась им издалека. Каково же было их огорчение, когда, вернувшись, застали они свою землю пребывающей в прежнем виде; каковы же были их гнев и неистовство при мысли об сем, и, уже ослепленные, ринулись они в безумное свое предприятие так, что цепи зазвенели».

Архаизмы всех типов могут участвовать в формировании текстового концепта темпоральности. Информация, которая содержится в значении каждого из архаизмов в системе темпоральных средств, формирует у них условно-номинативную функцию временной отнесенности. При стилизации описываемому времени соответствует и лексический, и грамматический строй языка. Ср. у Ю. Нагибина:

...– Аз есмь протопоп, а не рааспоп, – огрызнулся Аввакум, подымаясь со своего ветошного ложа.

На берестяных хартиях изобразил он царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписаниями и направил в царствующий град в Москву приверженцам старой веры». («Огненный

протопоп»).

Другая важная функция архаизмов состоит в формировании речевого портрета персонажа художественного текста, который нередко создается в том числе и с помощью авторских рефлексий:

Натура – слово ее (Сонечки) словаря, странно-старинного, точно переводного из Диккенса» (М. Цветаева «Повесть о Сонечке»);

Он быстро посмотрел на книгу и заговорил по-русски – очень чистым и правильным языком, в котором, однако, преобладали несколько архаические обороты: «счел бы своим долгом», «соблаговолите принять во внимание (Г. Газданов «Возвращение Будды»).

В историческом повествовании архаические элементы составляют систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Рассмотрим некоторые черты этой системности на материале романа Ю.Н. Тынянова «Пушкин». Как известно, Тынянов «как историк очень остро ощущал каждую отдельную эпоху, с тем неповторимым, единственным запахом, который был присущ только ей, – люди каждой из этих эпох, по его ощущению, не истлели на кладбище, а чудесным образом остались в живых, и старик Державин был для него такой же давнишний знакомец, как Всеволод Иванов или Шкловский» [Чуковский К.И., 2000: 367-368]. Чуковский замечает, что сила Тынянова – в изображении одухотворенных людей высокой культуры. И далее: «...мне всегда думалось, как были бы рады и Кюхельбекер, и Рылеев, и Дельвиг, и каждый из братьев Бестужевых беседовать с ним... Нередко он мне казался их современником, человеком декабристской эпохи» [Чуковский К.И., 2000: 373]. Поэтому именно проза такого мастера может дать представление о роли отдельных элементов (архаизмов) в воссоздании эпохи, ее стиля и языка.

Ю.Н.Тынянов использует фонетические архаизмы и в авторской речи, и в речи персонажей:

*Поэтому, называя себя гвардейцем в кригс-комиссариатском **сертуке**, **майор** как бы намекал на причины отставки и временность ее.*

– *Никишка*, – сказал он [Сергей Львович] *торопливо*, – вина мало, беги в трактир. *Живо!* Да **сертук** не замарай!

У Шевета были холодный **пастет**, утиная печенка из Тулузы и жирные сочные устрицы.

Пастет из дичины был в меру горьковат

Лексико-словообразовательные архаизмы вполне понятны:

Обед **сошел** как нельзя лучше.

Больше всего она [Устинья Ермолаевна] любила золото, яблоки и сливы. У ней был золотой сервиз, а яблоки у нее были белые, как кипень.

У них, небось, таких нет. **Бездельцы!** Какая глупость так распускать о людях, – говорила она о своих врагах – псковских помещиках и их женах, которые ее не принимали.

Если бы она вышла замуж за влюбленного арапа, это было бы полным торжеством над ее псковской знатью – всеми «**татаровьями**» – Карамышевыми да Назимовыми, которые ее чурались, боясь ее дурного характера.

Лексические архаизмы также вполне понятны благодаря прозрачной внутренней форме:

– Благодарю, сударыня сестрица, – сказал он [Петр Абрамыч] *нежно*, и женичины увидели, что арап был старый **любезник** и мил.

Пушкины были **пустодомы**.

Зная все новые французские романсы, он [Сергей Львович] питал интерес и к отечественной словесности. Его удовлетворяла литературная **вольность** и **общежительность**.

Лексико-семантические архаизмы по форме могут совпадать со словами активного запаса:

Зная все новые французские романсы, он [Сергей Львович] питал интерес и к отечественной словесности. Его удовлетворяла литературная **вольность** и **общежительность**.

В сны свои Надежда Осиповна верила. Раз вышло ей свиданье со

старинным **любовником**, слезы, клятвы, быстрый отъезд, дальний путь. Она проплакала весь день и часть ночи не спала. Сергей Львович, вздыхая, так и не осмелился спросить, кто таков старинный **любовник**. Надежда Осиповна и сама этого достоверно не знала – может быть, это был гвардеец, с которым было у нее тайное свиданье еще задолго до Сергея Львовича, свиданье, едва не закончившееся катастрофою... Прошел месяц, два, исстаринный **любовник** не явился.

Ясно, что текст рассчитан на тех, кто хорошо знает, как изменилось значение этого слова, иначе у читателя создалось бы самое превратное представление о нравах родителей А.С. Пушкина.

Тынянов использует фразеологизмы, которые сегодня воспринимаются как содержащие архаические элементы:

*Однажды, вернувшись домой из театра, Василий Львович нашел в кармане бумажку, на которой было аккуратным детским почерком напасано известное стихотворение Грекура о служанке в неизвестном переводе: «Пусть, кто хочет, **строит куры** всем прелестницам двора...»*

*Кутайсов был пленный турка, дареный цирюльник, – а теперь ведал всеми лошадьми государства, граф и кавалер. **Притча во языцех**¹.*

Характер эпохи (весь XIX век прошел под знаком французского языка) передают и многочисленные галлицизмы, не сохранившиеся в современном употреблении галлицизмы:

Марья Алексеевна вдруг сказала со вздохом:

*– Сердцем-то зол был и с лица нехорош, а вот **куртуази** (учтивости) у него было поболее, чем у вас, Петинька».*

Тонкими сигналами интенционального употребления выступают

---

¹ *Притча во языцех* определяется в СУ как «предмет общих разговоров, то, о чем все говорят, сенсация» с пометой «церковнославянское, разговорное, шутливое». Форма *языцех* необъяснима с точки зрения современных типов склонения: это застывшая форма старого местного падежа множественного числа, сохранившаяся благодаря устойчивости, идиоматичности всего выражения. Невозможность ее замены соответствующей современной формой (*языках*) определяется специфическим значением словосочетания в целом, семантической «архаичностью» входящих в него слов.

архаичные грамматические формы. Многочисленны итеративные глаголы (многократного способа действия):

*Арина будто слышала даже, как старушка сказала про себя, что до сих пор у арапов не **живывала**.*

*– Неужто, сударыня, я так страшен тебе показался? Я николи еще ж женщин не **пугивал**.*

*К его удивлению, вскоре таким взглядом многие посмотрели на него: в задумчивости он [Александр] сел, поджав ногу под себя, как часто **делывал** дома.*

О том, что «многократные глаголы используются для архаизации стиля», упоминается в «Русской грамматике» [1980: 600].

Писатель использует архаические формы рода:

*Как-то он [Сергей Львович] сказал за обедом, что должен спешить в Москву и если в Захарове задержится – **карьер** его потерян.*

*Успех был разительный – Надежда Осиповна звонко хохотала, а Сергей Львович, которому редко приходилось смеяться, был рад, что Русло остается и все оказалось **фарсою**.*

Считается, что устаревшие грамматические формы (в отличие от лексических архаизмов, степень архаичности которых вообще относительна и которые поэтому могут возвращаться в активное употребление) ни при каких обстоятельствах не подвергаются «рearхаизации». Не так обстоит дело с женскими коррелятами мужских наименований лиц по профессии или занятию. Ср.:

*– Коли б не нетерпение, так была б **музыкантка**, – сказала Марья Алексеевна.*

*Модная французская **живописица** Виже-Леорань писала теперь каждый день портреты модных красавиц и написала в два присеста крохотный портрет Надежды Осиповны, очень милый, с локонами.*

Эти формы были в XIX вв. более обычными, чем сейчас. Особенно частотными они стали на рубеже XIX-XX вв. (особенно в так называемых

«женских» журналах). Эти формы являются отражением предельной регулярности образования женских коррелятов, которые легко образуются от самого глагола, а не только от личного имени мужского рода. Таким образом, эта номинация будет использоваться для обозначения женщины, выполняющей действие, которое названо глаголом. В XX-XXI вв. такие формы используются исключительно интенционально: в стандартном языке (особенно в официально-деловом стиле) они исключены. Тем не менее, в художественной литературе, публицистике, в разговорной речи эти формы активно используются и служат для передачи разнообразных коннотаций, чаще всего пейоративных.

Архаичные числовые формы в романе Ю.Н. Тынянова, нисколько не препятствуя ясности, но служат прекрасным средством стилизации. Как правило, это плюральные формы существительных неконкретной семантики:

Марья Алексеевна не раз подмечала в дочери не свои черты: она и лицом пошла в отца, в арапа; и ладони у нее темные, желтые. И какой-то нездешний, не липецкий холод: равнодушие и леность, по целым дням ходит в затрапезе, кусает ногти, а потом вдруг, как муха укусит, все вверх дном. Мебели переставлять, людей учить, картины вешать, тарелки бить.

– Вздоры, – говорила она [Марья Алексеевна] негромко и возвращалась.

Явление арапа, его грубость и нежность, его внезапные манеры – не то африканский мореплаватель, не то пьяный помещик – разрушили все милые обманы.

*Наедине она ничего не говорила, но все кругом подмечала, все **непорядки**.*

*Здесь в такие вечера он [Сергей Львович] любил просматривать известия о **производствах** его былых гвардейских товарищей.*

*Истребите из сердца все **досады**, сказал лекарь ему.*

Ср. также:

*А теперь, как открылась дальняя война, на чужой кошт, то непременно буду проситься в **дальние края**...*

Лекарь ответил:

– Вам, ваше высокоблагородие, жить два дни.

*В высоких **креслах** полосатого тика понесла его дворня через весь двор на плечах.*

Слова *кресла*, *фортепиана(ы)* в языке того времени относились к существительным *pluralia tantum*. Это и получило отражение в русской классической литературе. Формы, вышедшие из употребления, часто выступают важным средством изобразительности и выразительности. Ср. проведенный в работе [Киселева Н.М., 1986 : 88-91] анализ использованных И.С. Тургеневым в повести «Бретер» форм – *фортепианы* и *фортепиана*.

Естественно, что лексические и морфологические архаизмы неотделимы от всего строя речи, от устаревших синтаксических конструкций:

Поп из соседнего прихода, которого рекомендовала Анна Львовна, говорил, что Александр Сергеевич закона божьего не понимает и катехизиса бежит.

Итак, историческое повествование, которое опирается на глубокое постижение эпохи, закономерно включает в себя целый комплекс средств стилизации, среди которых важное место занимают лексические и грамматические архаизмы.

Как уже отмечалось, важнейшее прагматическое созначение архаизма – это торжественность, указание на высокий стиль и пафосное содержание. Эта функция архаизмов уже отчетливо проявляется в творчестве А.С. Пушкина. Архаическая форма *пиит* встречается у Пушкина значительно реже, чем присущая ему в стихах и в прозе форма *поэт*. В «Памятнике», где вводится одический высокий «штиль на манер Державина» (а сама тема восходит к знаменитым стихам Горация), используется именно архаическая форма:

*... доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один **пиит**.*

«*Пиит*», чей памятник возносится главою непокорной» стилистически (но не по смыслу) отличается от «*поэта*», который «не клонит гордой

головы» в стихах «Пока не требует поэта...» Стилистическое противопоставление пар с первыми архаическими членами *пиит – поэт, главою – головы* играет роль, сходную с ролью созвучий *главою – лавровый, главах – лавры* в архаическом торжественном стиле [Иванов Вяч. Вс., 2000: 64]. Теме и идеям стихотворения «Памятник» соответствуют по стилю те единицы, которые уже во времена Пушкина ощущались как архаические.

В том же «Памятнике» есть очень важное свидетельство занятий Пушкина древнерусскими текстами. В своих заметках о «Слове о полке Игореве» он не раз обращался к двум сочетаниям в этом тексте, где слово *внук* использовано для обозначения потомка. Как пишет Вяч. Вс. Иванов, кажется вероятным, что «*внук славян*» в «Памятнике» продолжает эту стилистическую линию употребления слова *внук* при обозначении исторических и мифологических родословных. [Иванов Вяч. Вс., 2000: 65]. Так, с помощью архаизмов создается торжественность высокого стиля и «панхроническая панорама» [Иванов Вяч. Вс., там же], соответствующая теме стихотворения.

Ю.С. Степанов писал, что прагмалингвистика полностью может отождествляться с семиотикой, а предметом семиотики, в свою очередь, в своей динамике является текст, соотнесенный с главными субъектами, с «эго» автора и реципиента, творящих текст [1985: 332]. Под прагматической функцией архаизмов логично понимать приобретенную в процессе исторического развития способность помимо собственно когнитивной информации нести и особую прагматическую информацию, связанную с концептом «archaic», которая в конкретных текстовых условиях может коннотировать как принадлежность к высокому, величественному, торжественному, так и иронию, сарказм, насмешку.

Ср. *Валентин Стрыкало – это не Валентин Стрыкало, а вовсе даже и Юра Каплан, одаренный малец, только что не пиит* (Кушанашвили, О. Я и путып... Как победить добро).

Еще Аристотель в третьей книге «Риторики» указывал на то, что

«употребление старинных слов более свойственно поэтам эпическим, потому что [такие слова заключают в себе] нечто торжественное и самоуверенное» [Античные риторика, 1978: 133].

В русской лингвокультуре наиболее исследованы с точки зрения своих стилистических потенциалов славянизмы (старославянизмы, церковнославянизмы). Как писал в начале XIX века А.А. Бестужев-Марлинский, язык славянский служит арсеналом: берем оттуда *меч* и *шлем*, но уже под кольчугой не одеваем героев своих бычачьей кожей, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова, напр., *вертоград*, *ланиты*, *десница*, но оставляем червям старины *говяда* и тому подобное [Бестужев-Марлинский А.А., 1822: 254-258]. То есть речь идет о том, что еще во времена Пушкина старославянизмы не были однородной в стилистическом отношении группой.

Как стилистическое средство в начале XIX века архаизмы начинают употребляться именно А.С. Пушкиным. В течение XIX-XX веков они стали мощным способом, придающим стилистическую окраску художественным произведениям. Ср. замечание А.А. Реформатского о том, что слова современного автору языка могут соотноситься с анатомическими понятиями, в то время как церковнославянские слова никак с этими понятиями не связаны. Реформатский пишет, что в старых риториках это было правильно оценено, разъяснялось, что *чело* – это, прежде всего, «вместилище мыслей», а не часть черепа человека, а *очи* – это «зеркало души», а не орган зрения, *уста* – это «источник речей премудрых», а не орган принятия пищи (или, допустим, лабиализации гласных) [Реформатский А.А., 1967: 92].

Как известно, в словаре А.С. Пушкина насчитывается 333 старославянизма. В состав словаря М. Цветаевой входит свыше 150 славянизмов. Сокращение списка связано со словообразовательными славянизмами (глаголы с приставками *воз-*, *вос-*, *пре-*, *со-*, обладающими меньшими выразительными возможностями и др.). Их использование

жанрово и тематически обусловлено (ср. их употребление в произведениях, основанных на античных сюжетах, а также при обращении к «высокой» – гражданской, исторической тематике). В этом отношении М. Цветаева следует пушкинской традиции. В то же время славянизмы широко используются в ее лирических произведениях 20-30-х годов, где раскрывается «видение мира» лирической героини и автора стихов – поэта XX века.

Есть мнение, что архаизмы высокого стиля в поэзии наших дней – редкое явление, причем свидетельствующее о дурновкусии. Однако наблюдения показывают, что архаизмы достаточно частотны и в современной поэзии. В работе Е.А. Дворниковой говорится, что в толстых журналах, вышедших в Москве и Ленинграде только в 1972 году, такие слова использовали 84 печатавшихся там поэта: И. Авраменко, П. Антокольский, А. Вознесенский и другие» [Дворникова Е.Н., 1977: 142]. Ср. стихотворение лауреата литературной премии А. Солженицына в 2013 году М. Амелина «Изваянию Силена в Капитолийском музее»:

*Безымянного страж именитый сада, бородатый, косматый,
великорослый, с переброшенной шкурою через рамо кососаженное,
козлоногий, мудастый, парнокопытный, многогроздую между рогов кошицу
подпирающий шуйцей, в деснице свесив кисть виноградную ...*

В рецензии на книгу стихов М. Амелина «Конь Горгоны» З. Прилепин пишет: «Амелин часто апеллирует к той поэзии, с которой началась русская словесность, – Тредиаковский, Державин. Языков... Он считает, что на языке Пушкина уже поздно разговаривать с Богом. Пушкин уже подрастерял этот словарь. Амелин его, не без некоторой наглости, восстанавливает. То есть случился некоторый парадокс: у классицистов (не говоря уж об античности) учились все. Кого знает и чтит нынешняя поэтическая братия, – Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Ахматова, Бродский. Однако новое поколение стихотворцев в основной своей массе прежнюю поэзию знает не очень, предпочитая ориентироваться на поздние сливки <...> Амелин

поступает наоборот. Он будто бы подает руку через головы Пастернака и Бродского: Сумарокову, Хераскову, Измайлову, Баратынскому и Хвостову тоже – ему с особенной нежностью <...> По собственному почину Амелин взял во владение огромное пространство: ему что Иван Волков, что Анакреон, что Санджар Янышев, что Оден – все ближайшие соседи по ремеслу. Что теперь винить Амелина, если, кроме него, на это богатство больше никто не претендовал. В очередной раз Амелин доказывает, что новаторство заключается не в том, чтобы сбросить всех наскучивших своим величием с парохода современности, а в том, чтобы самому спрыгнуть оттуда. И поплыть потом»

Амелин всегда – равно и «там», и «здесь». Чем сильнее теснит его своей пошлостью, вульгарностью и чужестью современность, тем гуще в его стихах цитатность, реминисцентность, архаичность, на которую (вот главная чудотворная странность этой талантливой лирики) вся его надежда в омоложении усталой от сугубого «новаторства» русской лирической речи. В омоложении через густую и современно инверсированную архаику, через неологизмы, через остранение привычных идиом (во всех этих кунштюках внимательный читатель обнаружит глубокое и причудливое влияние державинской поэтики) – в омоложении, «потому что составился мой алфавит из одних исключений из правил» [З. Прилепин. Рецензия на кн. А.Амелина «Конь Горгоны»].

Таким образом, архаизмы выполняют важные прагматические функции не только в исторических повествованиях, где они связаны со стилизацией, но и в текстах, тематически не связанных с ушедшими эпохами. О тропеических функциях архаизмов в современных текстах различных жанров речь пойдет в следующей главе.

Выводы по второй главе

Вариантность является одним из важнейших свойств языка. Вариантность – это возможность выражения различными способами одного содержания; это универсальная черта языка, в одинаковой степени характеризующая как его системную организацию, так и функционирование. Взаимодействие современных и архаичных вариантов представляет собой важное условие существования национального языка. В соотношении с нормативными, стандартными единицами, которые передают тождественное или сходное содержание, архаизмы являются вариантами, различающимися функционально-стилистическими признаками.

В контексте плюралистического подхода к исследованию категории нормы, изменяется статус такого понятия, как «отклонение от нормы», оно уже не противопоставляется норме догматической, абсолютной, а соотносится с ней, поскольку и это является нормой, но нормой, оцениваемой с позиции другой нормы. Нормы контекстуальные детальнее и тоньше, чем нормы системные, но они одновременно более демократичны и способствуют созданию условий для того, чтобы язык становился индивидуализованным. Различение намеренных (интенциональных) и ненамеренных (неинтенциональных) аномалий стало традиционным, интенциональные аномалии фактически отождествляются с нормативными явлениями. К аномалиям, используемым преднамеренно, исключительно полезным, можно отнести и архаизмы.

Изменчивость нормы, также и в результате попадания пассивной лексики в разряд общеупотребительной, обуславливается иерархией, задачами целого и не может быть направлена против целого. Изменчивость нормы тем не менее должна способствовать сохранению вариантности и устойчивому соотношению вариантов.

В противоположность собственно архаизмам (противопоставленным историзмам), прагматика, целесообразность употребления которых

заключается в стилизации, функция историзмов, в первую очередь, номинативная, поскольку исключительно они могут обозначать соответствующие денотаты. Историзмы выполняют в первую очередь изобразительную функцию (так как значительного объема достигает денотативная информация), а собственно архаизмы (особенно те, которые имеют синонимы в стандартном языке) в большей мере нацелены на создание выразительности текста. Возможности устаревшей лексики служить усилению изобразительности и выразительности речи заслуживают самого пристального исследовательского внимания.

Употребление архаизма, который является синонимичным обычному стандартному слову, преобразует высказывание с целью создания образной, «украшенной» речи, усиления ее изобразительно-выразительных возможностей. Архаизмы следует причислить к тропам тождества, к которым относится перифраз, а также разновидности перифраза. Можно говорить, что архаизмы (как и перифразы) обнаруживают функциональную близость с обычными синонимами – семантически одноплановыми словами и выражениями. Тропеические средства способствуют не только отражению объективной действительности, но и позиции продуцента речи к действительности.

Прагматическая функция в речи оказывает влияние на то, какой – современный или архаический (тропеический) – вариант будет использоваться. Архаичный вариант в первую очередь связан с теми или иными коннотациями.

Архаизмы выполняют важные прагматические функции не только в исторических повествованиях, где они связаны со стилизацией, но и в текстах, тематически не связанных с ушедшими эпохами.

Глава 3. Тропеические функции архаизмов в тексте

3.1. Архаизмы как конститутенты авторского идиостиля

Под авторским идиостилем понимается речевая манера писателя, модель его творческой деятельности, в которой закономерно и системно воплощаются свойственные лишь ему особенности, в которой языковые единицы функционально преобразуются в элементы художественного текста, имеющие эстетическое значение. Понятие «идиостиль» мотивировано особенностями языка художественной литературы как особой лингвостилистической системы синтезированного характера. *Идиостиль, идиолект* – это одни из самых распространенных терминов бурно развивающейся теории художественного текста. По мнению О.Е. Павловской, понятия, которые передаются с помощью этих терминов, не являются тождественными. Если иметь в виду индивидуальный стиль речи, то в связи с ним можно говорить о главенствующей роли интеллекта личности. Но интеллект личности в первую очередь обнаруживается именно на сложных уровнях организации. Это обстоятельство и становится основой для разграничения данных понятий. Идиолект представляет собой совокупность структурно-языковых особенностей языковой личности, а под идиостилем понимается «совокупность речетекстовых характеристик», на формирование которых оказывают воздействие экстралингвистические факторы [Павловская О.Е., 2007: 71-72].

Понятие идиостиля коррелирует с идеей «образа автора», разработанной в трудах В.В. Виноградова. Индивидуальность стиля писателя обнаруживает себя в предпочтении тем, жанров, языковых средств и приемов, способов построения текста. Логично рассматривать идиостиль писателя в качестве единства, особого типа эстетически значимой языковой структуры. Достигается эта целостность благодаря применению индивидуальных, своеобразных принципов отбора и мотивированного

использования языковых средств.

Современная лингвистика проявляет повышенный интерес к исследованию творческой языковой личности. Под языковой личностью при этом понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отображения действительности; в) определенной целевой направленностью [Караулов Ю.Н., 1989: 3]. Произведения писателя, взятые в их совокупности, передающие определенные фрагменты действительности в соответствии с особенностями восприятия и отображения, могут быть материалом для создания речевого портрета языковой личности писателя.

Языковая личность и выдвижение проблемы ее изучения на передний план естественно предполагают интерес именно к такой личности, которая сможет обогатить язык. Ю.Н. Караулов полагает, что наиболее полно и детально описать языковую личность с целью анализа или синтеза означает следующее: такое описание обязательно включает или исчерпывающее, или дифференциальное описание структурно-семантической организации языковой личности, которое фиксирует только индивидуальные особенности языковой личности и которые осуществляются на фоне достаточно усредненного представления данного языкового строя; кроме того, оно включает реконструирование языковой модели мира на основе созданных языковой личностью текстов, или ее словаря, а также выявление жизненных установок, мотивов, доминант, которые отражаются в содержании текстов и в процессах их порождения [Котюрова М.П., 2006: 660].

Во вступительной статье к «Словарю поэтического языка» М. Цветаевой О.Г. Ревзина различает поэтическое слово, эпистемическое, знаковое и дискурсное.

Поэтическое слово – это слово «поэтического мышления»; слово эпистемическое – это слово знания, которое связано со знаковым и

дискурсным словом; его черты раскрываются в соотнесении с областью конкретного знания, например, исторического, психологического, медицинского и др., которое имплицитно содержится в тексте.

Знаковое слово, или, по-другому, семиотическое, является словом системы, и воспроизведение в словаре демонстрирует то, что унаследовано поэтическим словом из традиции.

Дискурсное слово дает представление о редуцированном в какой-то мере универсуме, включенном в смысловое пространство речевого произведения. Дискурсное слово – это всегда словоформа, и этим представляет свою «дискурсность». [Словарь поэтического языка М. Цветаевой, 1996: 12].

Архаизмы в «сильных» текстах, как будет показано в дальнейшем изложении, могут выступать во всех этих ипостасях. В современной антропоцентрической лингвистике разрабатывается важная проблема о мере возможного влияния писателя на используемый им язык. К тем участкам в системе языка, которые открыты для лингвокреативной деятельности, безусловно, относится синонимия общеупотребительных и архаичных элементов.

Рассмотрим, какую роль играют архаизмы в формировании авторского идиостиля на материале художественных и публицистических текстов А.И. Солженицына, поэзии Б. Ахмадулиной и прозы З. Прилепина.

3.1.1. Архаизмы в прозе А.И. Солженицына

Как уже отмечалось, архаизмы в художественной прозе и публицистике А.И. Солженицына играют особую роль, поскольку борьба писателя с системой была неотделима от борьбы с тоталитарным языком советской номенклатуры, с такими его демагогическими приемами, как «лукавая синонимика», манипулятивная эвфемизация, бездумное клиширование и безликость.

Язык произведений А.И. Солженицына выступает антиподом советского «новояза», это пример живого, динамичного языка, несущего отпечаток яркой авторской индивидуальности¹. Актуализация архаической лексики, обладающей дополнительными смысловыми или экспрессивными оттенками, необходимыми для тонкой дифференциации языковых смыслов (*догляд, тцета, смяклый, доброхотливо, вполздорова, утеснить, изнахалиться, отповедасть* и т.д.) способствует дестандартизации языка с одновременным усилением эффекта эмоционально-экспрессивной выразительности.

Глагол *приспеть* и его производные А.И. Солженицын использует и в речи персонажей (Матрена в рассказе «Матренин двор» говорит: *А завтрак вам приспел*), и в авторской речи:

«... *приспев* семенящими шажками и смешно отдуваясь, лон подал топор...» («В круге первом»).

В общем языке, как известно, осталось сегодня только слово *приспешник*, а А.И. Солженицын пытается сохранить и другие единицы словообразовательного гнезда; ср. в СС: *Приспеть* (*Собака приспевает за зайцем, праздники приспевают*), *приспешливый* ('проворный, смысленый'), *приспешное* (блюдо). Ср. также в несобственно-прямой речи:

И узнал, что не все вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги – бугор, за бугром – деревня, и деревня эта – Тальново, испокон она здесь, еще когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой

¹ Авторское начало распространяется даже на область орфографии. А.И. Солженицын выступил инициатором реформы современной орфографии и пунктуации. Написание приставок, оканчивающихся на -з/-с в соответствии с фонетическим принципом, считает писатель, затемняет содержание слова и способ его образования, поэтому он пишет *черезсильно* (*черезсильно напрягаясь* в «Архипелаге ГУЛаг»; но слово, написанное согласно орфографической норме – *черессильно*, затруднило бы проведение аналогии с *через силы*), *изсекать, низсылал, безссорный, возсылать, изстараться*. В «Крохотках» есть слово «*безпреградный*», где подчеркивается значение приставки без-: «лишенный чего-н., не имеющий чего-н., отсутствие или крайний недостаток чего-либо». Такое написание, считает А.И. Солженицын, привлекает внимание к внутренней форме слова. Тут последовательно фонетический принцип «очень гасит» смысл слов. Тексты Солженицына, как известно, печатаются «в авторской орфографии» (с соответствующим примечанием).

стоял (Матренин двор).

Ясно, что автор здесь воспроизводит особенности речи своей собеседницы. Слово *лихой* в значении ‘приносящий беду, злой, тяжкий’ в современных словарях помечается как устаревшее и просторечное. Так с помощью архаизмов А. Солженицын воспроизводит живую крестьянскую речь, сохраняющую архаичные черты. Ср. также:

*Она включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу (все **животы** ее были – одна эта грязно-белая криворогая коза), по воду ходила и варила в трех чугунках: один чугунок - мне, один – себе, один – козе (Матренин двор).*

Это сознательная работа по «расширению» современного языка, в основе которой – представления о роли литературы:

От человека к человеку, восполняя его куцое земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздает опыт, пережитый другими. – и дает усвоить как собственный <...> И еще в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю – в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу (А.И. Солженицын «Нобелевская лекция»).

Как правило, А.И. Солженицын использует в своих текстах такие устаревшие слова, которые понятны читателю благодаря прозрачной внутренней форме:

*Если арестуемый **злоумен**, его удобно брать в отрыве от привычной обстановки – от своих семейных, от сослуживцев, от единомышленников, от тайников: он не должен успеть ничего уничтожить, спрятать, передать («Архипелаг ГУЛаг»).* Это слово – одно из тех десятков утраченных стандартным нормативным языком слов с корнями *зло-*, *добро-*, *благо-*, о которых шла речь в первой главе. Ср.:

*И короткая укорная мысль, что у нее все своей чередой идут новые наряды...» («В круге первом»); Ср. в поговорку, включенную в СС: **укорный кусок в горло нейдет.***

*А он был **доглядчив** и **дослышлив**, и хорошо грамотен, для памяти записывал все в особую записную книжечку – и материалы из этой книжечки докладывал начальству...» («В круге первом»); Ср. в СС: **доглядный** (‘относящийся к догляду’), **доглядчик** (‘надзиратель, смотритель’).*

*Коммунисты **нахожие** – понятно откуда приходили («Эго»);*

Такие слова повышают изобразительную силу и выразительность повествования, фиксируют внимание на самой форме, в какую облечена писательская мысль, ср.:

*Трудно, трудно русских мужиков стронуть, но уж как поперет народная опара – так не удержат в пределах рассудка. Из Княже-Богородицкого, Тамбовского же уезда, освященная порывом справедливости крестьянская толпа в лаптях – пошла «брать Тамбов» с топорами, кухонными рогачами, вилами – **вильники**, как ходили в татарское время – потекли под колокольный звон попутных сел, нарастая в пути, - и так шли к губернскому городу, пока в Кузьминой Гати их, беспомощных, не посекли пулеметными заставами, остальных рассеяли («Эго»);*

Использование лексико-словообразовательных архаизмов отличает авторский стиль А.И. Солженицына. В этих словах устаревшими являются или отдельные морфемы, или словообразовательная модель.

С.В. Цынк рассматривает лексико-словообразовательные архаизмы на примере произведения А.И. Солженицына «Двести лет вместе». См. иллюстративный материал [Цынк С.В., 2011 <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/en/--gn04-11/297-a>]:

*Но ещё свежа была и в еврейской памяти идея «**разбора**», возлагания повинностей на неоседлых и не ведущих производительного труда, - в слое евреев, кто, «по своему общественному положению и по роду своей деятельности, могли вступить в более близкое соприкосновение с*

центральной властью ...

Через несколько лет после **загасания** революции 1905 Союз Русского Народа – и от начала бутафорский – бесславно растаял.

«Летучие отряды» отнимали ручки от моторов у трамвайных вагоновожатых, выбивали камнями стёкла трамваев (были случаи **поранения** пассажиров)

для некоторых из них (евреев-интеллигентов) «национально самосознание еврейства в СССР» есть особая форма произрастания вбок... новая форма **инакомыслия**», - свой нетерпеливый **вырыв** из страны они считали и отчаянной важной политической борьбой

То был **воззыв** о неискоренимой чуждости евреев окружающим народам

Да и в саму «Правду» прорвался (напечатали под насмешливым заголовком «Бей жидов!») **воззыв** рабочих Архангельска «к сознательным русским рабочим и крестьянам ... (А. Солженицын «Двести лет вместе»)

Архаизм **мертвизна** есть в СД и в СС (его общеупотребительный синоним – мертвенность). Ср.:

Это – в 40-50-е годы, годы всеобщей духовной **мертвизны**, не выбиваясь же из нее?

Несмотря на архаический характер, такие слова вполне понятны не только высококультурному читателю, но и самому рядовому; ср. прилагательные **всеобразный**, **все вечный**, **изломчивый** **кроволитный**, которые включены в СС (прилагательное **все вечный** объясняется как «извечный, постоянный»; к прилагательному **всеобразный** дается следующее объяснение «многообразный; заключающий в себе все образы, способы»), **изломчивый** – «ломкий», **кроволитный** – это «кровопролитный»:

И такое настроение у евреев, особенно тех, что были преданы **все вечной** идее Израиля, можно вполне понять.

Но те, кто избрали первое, граждане государства Израиль, - получив

новую опору, от неё приобрели и новый взгляд на эту **все вечную** проблему.

В Евсекции произошел раскол: «сторонники форсирования ассимиляции» против тех, кто считали **всеобразную** работу в еврейском населении «необходимым средством сохранения еврейского народа

По либеральным взглядам Александра I, его доброжелательному отношению к евреям, его **изломчивому** характеру, его ненастойчивой воле ...вряд ли провозглашённое выселение евреев из деревень состоялось бы энергично, не было бы растянуто даже и при спокойной государственной обстановке

На обширных равнинах России он вел **кровопитную** войну, нисколько не затронутый небывалыми страданиями жителей этой страны, её болями, - он проносился выше, выше всего этого, на крыльях интернационального упоения.

А.И. Солженицын исповедует принцип «живых морфем» [Спиваковский П.Е., 1999: 10-11] – по этому принципу составлен и его словарь, в соответствии с этим принципом: в «Колокольне» им используется «изневольный Китеж», в «Утре» – прилагательное «нетронутый» в «непротронутой гладью», в «Позоре» он использует прилагательное «мелькучие» в «мелькучие обстоятельства»; «неотстанное» в «унизительное чувство, неотстанное» и наречие «безмысло» в «безмысло и корыстно правящих» («Позор»), «В семерках» – «нерастрёбленный» в «нерастрёблённый смысл», в «Лиственнице» использует краткое прилагательное «неподымна» – «и для сплава **неподымна**»: Опять же нет: ее древесная ткань наинадежная в мире, и топор ее не всякий возьмет, и для сплава **неподымна**, и покинутая в воде не гниет, а крепится все ближе к вечному камню. С помощью архаичного слова лиственница превращается в символ стойкости перед жизненными невзгодами. В «Лиственнице», по мнению Л. Колобаевой, присутствует что-то от символического портрета самого А.И. Солженицына, его автопортрета, это «крепость духовной породы и одновременно потаенная мягкость сердца» [Колобаева Л., 1999: 42].

В «Молнии» А.И. Солженицын использует глагол «*отстоится*»: «*еще отстоится после того*».

В «Нобелевской лекции» – наречие «*обнадежно*»: «*Но вот за последние десятилетия человечество незаметно, внезапно стало единым – **обнадежно** единым и опасно единым, так что сотрясения и воспаления одной его части почти мгновенно передавалось другим, иногда не имеющим никакого иммунитета*» (А.И. Солженицын «Нобелевская лекция»);

Отначала крестьяне поверить не могли: что это такое вершится? (А.И. Солженицын «Эго»);

*Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец и как сразу **отзывно** откликнется мир* (А.И. Солженицын «Нобелевская лекция»).

*Арест – это мгновенный разительный переброс, перекид, **перепласт** из одного состояния в другое* (А.И. Солженицын «Архипелаг ГУЛаг»); Ср. также безаффиксным способом образованные отглагольные существительные *разор* («Позор») и *выпев* («Петушьё пеньё»), которые Солженицын предпочитает всем другим образованиям в силу их энергичности и краткости.

Огромный эмоциональный порыв несет слово «*запусть*» («Колокольня»). Значение этого отглагольного существительного Л. Колобаева так раскрывает, она отмечает, что А.И. Солженицын в «Крохотках» использует существительное «запусть» вместо существительного «запустение», а это, по ее словам, «звучит энергичнее и делает явственнее заложенное в корне ощущение *пустоты* и *запущенности*» [Колобаева Л., 1999: 42].

А.И. Солженицын в «Колоколе Углича» использует глагол «*додлеается*» (*Всего один удар ..., а **додлеается** минуту полную...*). Здесь вместо приставки *про-* автор приставку *до-*, и таким образом глагол со значением неполноты действия становится глаголом со значением доведения действия *до* конца, *до* предела, то есть со значением завершения действия.

Ср. также в «Колоколе Углича»: *и во всю, и во всю эту даль не лошади везли залятую **клажу**, но тянули на себе наказанные угличане....* Существительное «*клажа*» включено в СС. В романе «В круге первом» выразителем лингвистических идей писателя¹ (может быть – в несколько утрированном виде) стал Дмитрий Сологдин, принципиально не использующий в своей речи иноязычных слов и последовательно меняющий их на исконные – как правило, архаичные и тем самым достигающий «Языка Предельной Ясности»:

Сологдин повел головою, усмехнулся, скорее неодобрительно <...>:

*– Ты ведешь себя не как **исчислитель**, а как **пиит**.*

Нержин не удивился: и «математика» и «поэт» были заменены по известному чудачеству Сологодина говорить на так называемом Языке Предельной Ясности, не употребляя птичьих, то есть иностранных слов.

*– Да, да, именно, – Сологдин подтвердил минующей улыбкой. – Так вот, зная свое несовершенство, я много лет в тюрьме вырабатывал для себя эти правила, которые железным обручем собирают волю. Эти правила – как бы общий **огляд** на пути подхода к работе.*

Методика, привычно перевел Нержин с Языка Предельной Ясности.

*– Вот вы **прозрачно-обводчица** МГБ – сколько вы получаете в месяц?*

– Полторы тысячи.

*– Та-ак! – торжествующе воскликнул Сологдин. – Полторы тысячи! А я, **зиждитель** – (на Языке Предельной Ясности это значило – инженер) – тридцать рубляшек.*

Ср. также диалог с рядовым представителем МГБ, где Сологдин объясняет свои принципы:

– Дмитрий Александрович! И вот это. Я уже много недель мучаюсь – что за палочки вы ставите? А потом через несколько дней зачеркиваете?

---

¹ Ср. в предисловии к «Русскому словарю языкового расширения» [1990: 3] А.И. Солженицын назвал такие слова, как *имидж*, *брифинг*, *уик-энд*, *истеблишмент*, *истеблишментский*, невыносимыми, которые допускать беспрепятственно в русский язык нельзя – тогда придется «с родным языком распрощаться».

Что это значит?

*– Я боюсь, вы опять проявите **доглядательские** наклонности. – Он взял в руки белый лист. – Но извольте: палочки я ставлю всякий раз, когда употребляю без крайней необходимости иноземное слово в русской речи. Счет этих палочек есть мера моего несовершенства. Вот за слово «капитализм», которое я не нашелся сразу заменить «**толстосумством**», и за слово «шпионить», которое я сгоряча поленился заменить словом «**доглядать**», – я и поставил себе две палочки».*

В своем Словаре языкового расширения А. Солженицын приводит несколько десятков сложных слов с корнем *добро*, очевидно, полагая, что они «никак не заслуживают преждевременной смерти». Это некоторые из утраченных современным стандартным языком двухсот слов с этим корнем, которые зафиксированы были В. Далем (*добробеседный, доброгласный, доброделие, доброденствие, доброумный, доброрадство, доброласковый, доброликий, добролюб, добромерный, доброплодный, добропослушный,, добромирный, добромыслие, добромysl, добронравный, добропамятливый, добропесенный, доброумный, доброусердие, доброхрабрый, доброчадие, доброчадство, доброчестивый, доброшив* и мн. др. Одно из них, очень яркое, используется в рассказе «Матренин двор»:

Может, кому из деревни, кто побогаче, изба Матрены и не казалась доброжилой, нам же с ней в ту осень и зиму вполне была хороша: от дождей она еще не протекала и ветрами студенными выдувало из нее печное грево не сразу, лишь под утро...

А.И. Солженицын в «Нобелевской речи» говорил о том, каким должно быть правдивое слово. Оно, по А.И. Солженицыну, не должно оказаться безликим, оно должно ощущаться на вкус, иметь цвет и запах, оно должно соответствовать первооснове языка – его национальному духу. Писателя привлекали такие единицы, которые происходили из его «коренной струи». Деятельность А.И. Солженицына по «языковому расширению» русского языка является важной частью его творческой индивидуальности и

биографии. Формирование стиля прозы его происходит в процессе движения к народному языку, к его истокам, именно в народном языке А.И. Солженицын обнаруживает и самые энергичные, и незатертые средства выражения.

3.1.2. Архаизмы в поэзии Б. Ахмадулиной

Используемый в поэтических произведениях язык часто бывает связан с поэзией, кроме внешней традиции употребления слов, также внутренними качествами своего функционирования, как может быть связан с поэзией язык, который действительно соответствует изображаемому с его помощью, с помощью используемых автором языковых средств, поэтическому миру. Вопрос, связанный с «особой поэтической функцией языка» возникает тогда, когда язык и поэзия, их соотношение тождественно. Исследование поэтической речи, языка поэзии по праву представляет особый методологический интерес, потому что постижение поэтического стиля автора, его своеобразной творческой манеры в качестве замкнутой системы языковых средств, характерные черты которой гораздо ярче высвечиваются при использовании в разных функциях наравне с формами из повседневной, обычной речи интеллигенции, особенно становится острым [Виноградов В.В., 1981].

Идиостиль Б. Ахмадулиной определяли как «отделанный под старину», причем отмечалось, что погружение в «архаику» было неотделимо от новаторских исканий. Б. Ахмадулина, по словам Венедикта Ерофеева, почти не колебалась при выборе поэтики, она «предпочла <...> усложненный, порой архаизированный язык» [Ерофеев В., 1987: 191-192]. Сама Б. Ахмадулина признается в своих предпочтениях, строки из ее стихотворения отчетливо говорят об этом:

Влечет меня старинный слог.

Есть обаянье в древней речи.

Она бывает наших слов

И современнее и резче

(Б.Ахмадулина «Влечет меня старинный слог...»).

Как пишет В. Ерофеев, обращение к архаике было своеобразным ответом на ориентацию со стороны ее братьев по цеху на разговорность в поэтическом языке в качестве эталона. В том, как поэтесса усложняла языковые средства своих речевых действий, можно было услышать призыв восстановить существовавшие когда-то, но потом разрушенные представления о благородстве, о достоинстве и чести. Витиеватость, присущая стилю Белы Ахмадулиной, была свидетельством многоликости, переменчивых эмоциональных состояний, а также невозможности низведения человека до сугубо социальной функции [Там же].

Архаичная лексика привлекает Б. Ахмадулину свойством передавать в литературном произведении колорит той или иной исторической эпохи. У поэтессы эти функции – стилизация и экспрессивизация – соединяются.

Исследователи творчества Б. Ахмадулиной давно обратили внимание на то, что состав стилистических славянизмов в ее текстах позволяет назвать разные предметы, явления и свойства неязыкового мира (названия людей – *дщерь, жена, отрок, владыка, свершитель*; названия животных, растений, явлений природы – *вран, елень, огонь, ветер, древо*; названия частей тела – *лик, ланиты, длань, власы, вежды, рамена* и др.; названия мест, вещная лексика – *град, брег, чертог, врата, ложе, зеркало*; названия действий, состояний, отвлеченные имена – *глад, хлад, младость*; названия физических процессов – *восстать* в значении ‘встать’, *взрасти*; мыслительных процессов – *внимать, ведать*, эмоционального состояния – *взлюбить*, восприятия – *зреть, узреть*). Ср. также славянизмы – наречия времени (*днесь, присно*), места (*отсель, долу*), «антицели» *вотще, всуе*). С помощью архаизмов подлинная «высшая» реальность дает «эмпирической» иные временные и пространственные параметры. Славянизмы позволяют раздвинуть границы времени и пространства человеческого бытия, включить

жизнь человека, ограниченную рамками рождения и смерти, в такой мир, где рядом с ним встали бы библейские персонажи и литературные герои.

Объясняя, почему язык Пушкина может считаться современным только при очень расширительном толковании слова «современный», Л.В. Щерба приводил примеры не только явных архаизмов (историзмов), называющих давно ушедшие артефакты и потому не известные сегодня, но и этот пример из «Капитанской дочки» – слово «*младенчество*» (*Все мои братья и сестры умерли во младенчестве*), подчеркивая, что хотя мы понимаем смысл этого слова, но сегодня мы скажем и напишем иначе. Ср., как применяет это слово прошлого Б. Ахмадулина в стихотворении о М. Цветаевой:

*Все началось далекою порой,
в младенчестве, в его начальном классе,
с игры в многозначительную роль:
быть Мусею, любимой меньше Аси*

(Б.Ахмадулина «Биографическая справка»). Ср. также:

Этот брег – только бред двух схватившихся зорь (Б.Ахмадулина «Биографическая справка»).

Плыла сирень купальщицей молодою (Б.Ахмадулина «Посвящение»).

Славянизмы, которые, согласно ломоносовской теории «трех штилей», следовало употреблять в «высоком» стиле, и в современном поэтическом языке сохраняют коннотации возвышенного.

Категория возвышенного дается нам в ощущении духовного, эмоционального и интеллектуального подъема, когда мы постигаем великие истины, когда величие нашей собственной воли, разума и духа соответствует этим великим истинам.

Категория возвышенного, которая находит воплощение в звучащем слове, обладает практически неисчерпаемыми возможностями в своей способности заражать слушателя или читателя возвышенными чувствами, настраивать на вибрации, которые будут соответствовать этому

возвышенному чувству [Малашенко М.В., 2003: 46]. Славянизмы Б. Ахмадулиной всегда в гармонии со всем строем текста. Ср. их роль в стихотворении «Вишневый сад»:

*Как съединились сад и Таганрог, -
понятно лишь заснеженному **древу**
в окне моем. Тот, думаю о Ком, -
при бытия мучительном ущербе,
нам тайн своих не объяснил. Но, он
врачу диагноз изъяснил: «Ich sterbe».
«Жизнь кончена», – услышал доктор Даль.
Величие – и в смерти деликатно.
Вошедший в дверь, протягивая **длань**,
проговорил: – Насилу доискался.
Жизнь кончена? Уже? – Он в письмена
Свой впери́л взгляд, **возгоревав** не слишком*

Ср. замечание, высказанное в письме П.А. Плетнева к Я.К. Гроту от 29 сентября 1845 г., о различии пар с полногласием (исконно русских) и неполногласием (славянизмов), которое приводит Ю.Д. Апресян в своей работе «Интегральное описание языка и системная лексикография». П.А. Плетнев пишет о том, что совершенно равнозначных слов в языке нет, поскольку каждое слово со своим лексическим значением связано в сознании человека с идеей века, жизни народа, местности. И далее он пишет о своих впечатлениях от двух слов – *борода* и *брада*.

Первое слово (*борода*) связывается, по словам П.А. Плетнева, в сознании читателя с Русью в образе попа, купца или мужика.

Второе (*брада*) отсылает нас к временам патриархов, мы мысленно переносимся в жизнь народов Востока и др. И происходит это только потому, что то или иное слово, содержащееся в церковных книгах, врезалось в память – цит. по: [Апресян Ю.Д., 1995: 158].

Соматические наименования у Б. Ахмадулиной – это, как правило,

архаизмы: *очи, лик, чело, уста, персты, чрево, лоно:*

*Юродивый там обитал вязальщик.
Не бельмами – зеницами седыми
Всего, что зримо, он смотрел поверх
(«Вокзальчик»).*

Поэтесса обращается к архаике прежде всего в поисках преемственности, поскольку она ощущает свою неразрывную связь с культурой прошлых веков и прежде всего – с эпохой Пушкина. Пожалуй, основной темой поэзии Б. Ахмадулиной является тема дружбы, которая в ее творчестве главным образом восходит к А.С. Пушкину. Ср. стихотворение «Свеча», посвященное Г. Шпаликову:

*Уже ты мыслишь о друзьях
Все чаще способом старинным,
И сталактитом стеаринным
Займешься с нежностью в глазах.
И Пушкин ласково глядит,
И ночь прошла, и гаснут свечи,
И нежный вкус родимой речи
Так нежно губы холодит.*

В стихах о дружбе поэтесса использует и пушкинскую лексику:

*Согласьем розных одиночеств
Составлен дружества уклад.
И славно, и не надо новшеств
Новей, чем сад и листопад
(«Надпись на книге: 19 октября»)*

Характерная примета языка и стиля Б. Ахмадулиной – множество славянизмов с префиксом *воз-* (*вос-*), который вместе с корнем глагола окрашивает слово эмоциями, с его помощью действие предстает в виде творчески отмеченного, необыкновенно важного духовного акта. В стихотворении «Плохая весна» поэтесса пишет:

*Он сам не знал, чьи силы, чьи труды
Владеют им. Но говорят преданья,
Что, ринувшись на поиски беды, –
Как выгоды, он **возжелал** страданья.*

В другом поэтическом произведении Б.Ахмадулина использует глагол «возжигала»:

*Я завидую ей – молодой
И худой, как рабы на галере:
Горячей, чем рабыни в гареме,
Возжигала зрачок золотой
И глядела, как вместе горели
Две зари по-над невской водой
(«Я завидую ей – молодой...!»).*

В стихотворении «Пашка» автор использует глаголы «возлюбил»: «*Я **возлюбил** его огня осанку*» и «воспомню»: «*Я этот взгляд **воспомню** в крайний час*».

В стихотворении «Февраль» Б.Ахмадулиной используется деепричастие «воссияв»:

*Февраль – любовь и гнев погоды.
И, странно **воссияв** окрест,
Великим севером природы
Очнулась скудость дачных мест.*

В стихотворении «Мгновенье бытия» поэтесса употребляет существительное «возглавие», а также приводит субстантивированное в современном русском языке прилагательное «возлюбленная» в словосочетании «возлюбленная лампа»

***Возглавие** стола – **возлюбленная** лампа –
Вновь припекала лоб и черновик ночной.
Кот глаз приоткрывал. И не было разлада
меж лампой и душой, меж счастьем и мной*

Использование архаичных грамматических форм строго мотивировано тематическим содержанием и общей стилистикой текста. Ср. форму звательного падежа в названии молитвы:

Дево, радуйся! Я – не умею припомнить акафист...

Или ср.:

В дому, ей чуждом и суровом,

родимая и вся в лиловом,

кем мне приходится она?

(Б.Ахмадулина «Рисунок»)

Дело в том, что женщина в лиловом – из прошлого, и этому прошлому созвучна старинная падежная форма:

Но эта женщина в лиловом

откуда? И зачем она

ступает по корням еловым

*в прекрасном парке **давних лет.***

Прежде было – страшусь и спешу:

***есмь** сегодня, а буду ли снова?*

И на казнь посылала свечу

ради тщетного смысла ночного

(Б.Ахмадулина «Медлительность»).

В стихотворении «День-Рафаэль» содержится аллюзия на известный текст А. Мерзлякова «Среди долины ровныя...» и потому уместна и оправданна старинная форма родительного падежа женского рода, аналогичная аллюзивной:

Но мертвый дуб расцвел

*Средь **ровныя** долины.*

Архаичная грамматическая форма может быть знаком не только высокого торжественного стиля, но и средством иронии. Такова форма *други* в следующем стихотворении:

*Так, значит, как вы делаете, **други?***

*Пораньше встав, пока темно-светло,
Открыв тетрадь, перо берете в руки
И пишете? Как, только и всего?*

(«Так, значит, как вы делаете, други...?»)

Уместность архаической формы иногда подвергается рефлексии в самом тексте стихотворения: *Есть тайна у меня от чудного цветенья,*

*Есть тайна у меня от чудного цветенья,
здесь было б: **чуднАГО** – уместней написать.*

*Не зная новостей, на старый лад желтея,
цветок себе всегда выпрашивает «ять»*

(Б.Ахмадулина «*Есть тайна у меня от чудного цветенья...*»)

Ср. также:

*А мимо них любители сотерна
неслись к нему под тенты **полосаты***

(Б.Ахмадулина «Вокзальчик»).

Эта грамматическая форма (безусловно, напоминая читателю пушкинские *версты полосаты*) относится к разряду морфологических поэтизмов и именно так квалифицируется в стилистических словарях; см.: [Романова Н.Н., Филиппов А.В., 2006: 294].

Как пишет В. Губайловский [2001], фактически архаическая лексика полностью существует внутри поэтического словаря: она строго локализована. Если в стихотворение включаются формы, употребляемые в нормативной повседневной речи, то эти формы стилистически противоречат архаическим.

Естественно, нельзя по собственному усмотрению пользоваться такими далекими стилевыми пластами. Это приведет «к чересполосице и разбеганию стилевых рядов, к хаосу и безвкусию». Возвышенная лексика должна использоваться в небольшом количестве, в соответствии со строго выбранными и выверенными значениями. Фактически она выполняет определенную функцию: в трагедии, например, указывает на повышенную

серьезность, что сегодня достаточно редко, или, как правило, указывает на иронию.

В. Губайловский называет работу высокой лексики в тексте стилевой приправой, потому что помогает обогатить нейтрально-нормативный контекст. Но, по мнению В. Губайловского [там же], она может работать и совсем иначе. Имеется в виду в таком случае, что массив словаря в основном будет состоять из высокой лексики, а вот нормативная, нейтральная лексика, или жаргонная будут использоваться в небольшом количестве.

Такая мысль исследователя очень интересна, поскольку это заставит совсем по-другому постигать контекст. Словарь идиостиля Беллы Ахмадулиной можно по праву назвать словарем архаического «высокого штиля». Стихи Ахмадулиной, считает В. Губайловский, в большом количестве содержат архаику, более того перенасыщены архаическими средствами. Эту архаику, которую можно назвать высокой, уже поэты-современники А.С. Пушкина воспринимали как особенность «высокого штиля».

Словарь Беллы Ахмадулиной можно назвать словарем од Державина, словарем восемнадцатого века. Поэтесса смогла охватить все, что есть в языке. Использование языковых средств из различных пластов, нахождение в творчестве Б.Ахмадулиной различных пластов языка в непосредственной близости позволило создать насыщенные, наполненные почти до предела глубинным смыслом произведения.

Современное слово, пусть современное условно, слово, которое появилось в русском языке сравнительно недавно, жаргонное слово, слово просторечное, оказывается связанным со всем русским языком и в современности, и в развитии:

Проникли в сплетни, в письма, в дневники.

Его бессмертье – длительность надзора,

*каким ещё не **вдосталь** допекли,*

но превзошли терпимость Бенкендорфа».

Использованное Б. Ахмадулиной словосочетание «вдосталь допекли» находится на грани смешения двух пластов языка. С одной стороны, современное просторечное слово «допекли», а с другой – укрепляющее его архаическое «вдосталь», которые используются Б. Ахмадулиной «со всей мощью языковой памяти». Слово это с точки зрения стиля вписывается наряду с «надзором» или «бессмертьем». [Губайловский В., 2001]. Как видим, архаическая лексика интереснейшим образом взаимодействует в поэтическом тексте с «инородными» пластами, иногда даже – с советизмами:

*Родитель плоти обреченной –
Кондитер фабрики соседней
(по кличке «**Большевик**»), и **оний**
Удачлив: плод усердий съеден
(«Изгнание елки»)*

Характерно, что нестандартный, расширенный за счет архаизмов язык свойствен поэтессе и вне поэзии. А. Ширвиндт воспроизвел в своей книге воспоминаний адресованную ему бытовую записку от Беллы Ахмадулиной из Боткинской больницы:

Мой дорогой, прекрасный Шура!

Зная твое великодушие, обращаюсь к тебе с причудливой просьбой, обещая впредь исполнять все твои желания, прихоти и капризы, даже если они будут загадочнее моего послания.

Но тебе во мне – какая нужда, а твое величественное и многославное обаяние влияет если не на самого доктора Боткина, то на уголья его больницы – несомненно, о прочих жертвах твоего образа и говорить излишне.

Нижайше прошу: перепиши своей рукой посылаемый мною текст, приложи к нему любую твою фотографию с надписью: «Андрею – привет и пожелание наилучших успехов». Сему Андрею – пятнадцать лет, а мама его – мой любимый лечащий врач, под чьей нежной опекой я совершенствую несвежее здоровье, в оставшееся время пописывая множество вздора,

составившего две новые книжки (А.Ширвиндт Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Как утверждает О. Кушлина, «поэт всегда прав», ибо в его творчестве происходит «не порча языка¹, а осмысление и обновление, причем, как это парадоксально ни звучит, – обновление за счет реанимации старых форм, которые используются отнюдь не механически, но начинают жить по законам, заданным писателем, по законам самого языка. <...> Для того и существуют поэты, чтобы язык помнил о своем прошлом, чтобы понимал сам себя в настоящем, чтобы сохранился живым и для будущего» [Кушлина О., 2002].

Недаром исследовательница творчества Беллы Ахмадулиной Е. Шварц писала в предисловии к сборнику «Ларец и ключ» о том, что даже само присутствие Беллы Ахмадулиной в поэзии заполнило пробел в истории русской литературы. Она заняла пустовавшее место, которое может быть названо местом «поэтессы, творившей в конце XVIII – начале XIX века», пустовавшее место отсутствующей звезды, которой недоставало в Пушкинской плеяде, место блистательной помещицы, приемницы итальянцев и древнего русского рода, ведущего начало от татар. Е. Шварц использует женский коррелят «поэтесса» и сама же дает объяснение его использованию: «Говорю «поэтессы», – ибо именно Поэта-девицы не хватает тем временам»

Итак, намеренная архаизация, связанная с ориентацией на традиции, использование архаизмов даже в тех случаях, когда обращение к ним не продиктовано непосредственно темой стихотворения, содержанием поэтического текста, – все это составляет важнейшую особенность идиостиля Б.Ахмадулиной.

---

¹ Ср. также: В стихах можно косноязычно выразить то, о чем невозможно сказать правильным языком. Даже в ошибках и нарушениях, в аграмматизме и алогизмах (глагольная форма «суть» у Бродского, «правая и левая десница» у Сосноры) исследователь видит не безграмотность, а воплощение реальных свойств современной системы языка, норма же этой системе противоречит» [Кушлина О., 2002]

3.1.3. Архаизмы в прозе З. Прилепина

Творчество Захара Прилепина в последние два десятилетия находится в центре внимания культурной общественности, оно привлекает пристальный интерес. Он лауреат нескольких престижных литературных премий, заметная фигура в публичной жизни страны. Захар Прилепин если не лицо современной литературы, то один из ее брендов. Мастерство Прилепина-писателя, богатство его языковых и художественных средств не вызывают сомнений. Справедливо считается, что он обновил современную русскую литературу: прилепинский герой выглядит положившим предел литературному нигилизму и обладающим шансами противостоять анти-идеалу современной литературы».

Когда в повести «Восьмерка» он рисует деятельность ОМОНа, то называет омовцев *опричниками*. Историзмы нередко помогают писателю в характеристике героев-современников:

Глаза его были лихорадочны, как у разночинца.

– Имею некоторую надежду на романтическое приключение, – в тон мне ответил он, не вставая со стула, и лишь подняв глаза, где и разночинца, и его лихорадки было все меньше – а расплывалась какая-то незнакомая мне природная тоска («Оглобля»).

Полюбujemy местными красотами глазами раскольников, бежавших от окаянного никонианства («Лес»).

Ср. прием использования современного слова в контексте, отсылающем к прошлому, ко времени, когда это слово было заведомо невозможно:

Лев Толстой был замечательно смелым офицером, севастопольским героем, усмирителем горцев, зачистки проводил, а потом стал проповедником добра, до того себя довел, что сбежал неведомо куда и в пути умер (З. Прилепин «Пролеты и проруби»).

Метафорическая номинация *зачистка* стала частотной и

общеизвестной в СМИ: можно встретить это слово в следующем контексте: «зачистку» всероссийской здравницы проводит и УВД».

Использование этого слова эксплицирует положительное значение, так как глагол «зачистить», или «очистить», означает ‘избавить от грязи, сделать чистым’. Но это действие в отношении человека не может иметь положительное значение. Для сравнения вспомним, какую зловещую коннотацию имело это слово в дискурсе советских лет: советский аппарат и партийные организации проверялись на предмет освобождения от чуждых, вредных элементов. Такое толкование слова «чистка» соответствует приводимому СЯС, например:

На Обуховском заводе после реорганизации и чистки из 4,5 тысяч рабочих было оставлено 2 тысячи; Цхеладзе, раздавленный несправедливым решением комиссии по чистке, кончает самоубийством.

В советском дискурсе были сформированы такие устойчивые словосочетания, как *сталинские чистки, чистка партии, партийная чистка, великая чистка: период государственного террора, обрушенного Сталиным на Советский Союз в 1935-1938 гг., известного на Западе как «сталинские чистки*. По свидетельству Толкового словаря языка Совдепии, номинация «чистка» и устойчивые выражения, содержащие эту номинацию, были отличительной чертой даже официального языка сталинской эпохи, а не только разговорного [Савватеева Л.В., 2010: 55-56]. Ср. также: – *А дальше, – заверял Либин, – начнется полная чистка по деревням, всех по одному переберем, никто не скроется* (А.И. Солженицын «Эго»).

Как видим, этот типичный советизм, имеющий богатую историю использования, З. Прилепин применяет для объяснения реалий прошлых веков. Ср. аналогичный пример: слово *бомж* применительно к предводителю крестьянского восстания 17 века И. Болотникову:

В итоге Лжедмитрий II отправляет Болотникова в Путивль к своему сообщнику князю Шаховскому.

Того, кто сносил уже холопью шкуру, разномастную одежду казацкой

голытьбы, рубище татарского пленника, ничтожного раба на турецкой галере и венецианского, прямо скажем, бомжа, – того теперь князь встречает как царского посланника (З. Прилепин «Снять черную ржавчинку, Вскрыть белую грудочку...»)

Жаргонные глаголы *быковать, беспредельничать*, характерные приметы постперестроечной России (слово *беспредел* включено даже в «Словарь модных слов» Вл. Новикова) используются для описания событий начала XVIII века:

В 1705-м Кондратий Афанасьевич начал быковать на Дону, побил карательный отряд князя Долгорукого, стал войсковым атаманом (то есть главой всего Войска Донского), умертвив предыдущего атамана, государю Петру Алексеевичу не перечившего (З. Прилепин «Снять черную ржавчинку, Вскрыть белую грудочку...»)

Жрать, впрочем, чего-то надо было всем им, и Разин начал беспредельничать. Поднимаясь вверх по Дону, его работнички «многие казачьи городки разоряют, проезжих торговых людей и казаков грабят и до смерти побивают», «многих хозяев и работников бьют и вешают беспрестанно» (З. Прилепин «Снять черную ржавчинку, Вскрыть белую грудочку...»).

Тропеическое (по сути – метафорическое) использование историзма *патриций* (согласно «Словарю античности» – ‘в Древнем Риме – потомок patres, которые когда-то составляли сенат, в противоположность другому сословию – плебсу’) в сочетании с определением *советский* служит мощным оценочным средством:

*Мой папа не был советским патрицием, и мама тоже никем не была (З. Прилепин «Второе убийство Советского Союза»). Ср. также аксиологическое использование историзмов *дворня, челядь*:*

Если те, кто в начале прошлого века могли стать настоящими интеллигентами, уходили в революции, то сегодня интеллигенция, даже не сформировавшись, уходит в дворню (З. Прилепин «Достаточно одного»).

*Депутат был одет в черное, дорогого покроя пальто. Барашковую шапку он снял – и стоял перед народом с непокрытой головой. Кто-то из челяди, толпящейся позади депутата, держал эту шапку в руках (З. Прилепин «Санька»).*¹

Тропеическое использование архаической лексики для характеристики явлений современной жизни позволяет писателю лаконично выразить очень важные мысли о нашей действительности (которыми З.Прилепин и интересен прежде всего).

Следуя традиции, он использует архаизмы и как средство иронии:

*Вроде речь идет о вещах невеселых, но улыбаешься, а то и похохатываешь, читая **сей мемуар**, едва ли не на каждой третьей странице (З. Прилепин «Виктор Кондырев «Все на свете, кроме шила и гвоздя»)*

Как известно, интерпретационные механизмы изучает разветвленная область знания, получившая название «стилистика декодирования». М. Риффатер [Riffaterre M., 1964: 316], пользуясь понятиями современной теории информации, определил «стилистику декодирования» как «науку, которая изучает те стороны высказывания, которые передают лицу, принимающему и декодирующему сообщение, образ мыслей лица, кодирующего сообщение». Архаические языковые единицы позволяют писателю выразить свое отношение к ситуации, а читателю – легко «декодировать» сообщение, поскольку устаревшие слова обладают мощным оценочным потенциалом, которые переносятся на нейтральное слово *налоги*:

Человек написал: «Я никому ничего не должен! Я плачу налоги!»

Нет, действительно смешно.

*Налоги он платит. **Подати... Оброк**. А если завтра придут татаро-*

---

¹ Такое использование слова *челядь* характерно и для М. Задорнова: *Потом я вдруг заметил, как вся эта менеджерско-ресепционистская челядь забегала, засуетилась... Мне эту менеджерскую челядь даже стало жалко. Но все больше и больше людей, как я замечаю, даже на моих концертах, которых интересуется правда, а не кривда и которые не имеют никакого отношения к губернаторской челяди, менеджерам-недоумкам и тяжелой позолоте (М. Задорнов «Лапотное золото» / Советская Россия, 5 октября 2013 г.).*

монголы – им тоже можно платить налоги. А послезавтра китайцы придут – и с ними тоже можно будет договориться.

Дико, что так (или схожим образом) рассуждает огромное количество людей в нашей стране.

Мы давно ничего никому не должны. Чувство долга заставляет работать, а нам лень (З. Прилепин «Саркастическое отступление»).

З. Прилепин использует также лексико-словообразовательные и грамматические архаизмы, как правило, в качестве тонких сигналов авторской иронии:

*Реальность очевидна, она **вопиет** о себе... (З. Прилепин «Кто виноват – Колобок?»)*

*Он [Ельцин] приехал в наш город и **возжелал** посетить Ярмарку (З. Прилепин «Почему я не убил Ельцина»)*

*Послушайте, я, человек, безусловно левых взглядов, готов принести вам **вины** за то, что я не совершал. Готов простить вам **вины**, которые вы совершили (З. Прилепин «Достало»).*

Форма *вины* была обычной в литературе XIX века, ср. употребление этой формы в святочном рассказе Н.Лескова «Зверь»: «*напоминает наши **вины***», в басне И.Крылова «Волк и ягненок»: «*досуг мне разобрать **вины** твои, щенок*» (И. Крылов «Волк и ягненок»), или в стихотворении Н. Некрасова «Умру я. Жалкое наследство...»: «*за каплю крови, общую с народом, мои **вины**, о родина, прости*». В современном же языке плюральная форма перестала быть обычной, она, конечно, может быть использована, но, как правило, интенционально. Если в повествовании о восстании Болотникова грамматический архаизм обусловлен тематически, то в очерке о творчестве Т. Толстой эта же словоформа используется только для создания иронической модальности:

*Все закончилось, когда царь Василий Шуйский в кровавых муках загнал наконец Болотникова **со товарищи** в Тульский кремль и, перекрыв плотину, кресль тот затопил, так что подмоченному Ивану Исаевичу пришлось*

пойти на переговоры (З. Прилепин «Снять черную ржавчинку. Вскрыть белую грудочку...»)

Околеет за доллар (который, к слову, Татьяна со товарищи так ему и не дала (З. Прилепин «Отборный козий изюм»)).

Интересно воспроизводится у З. Прилепина и первобытный синкретизм имени:

*Много кто заметил, что разговоры на тему «Что за молодежь пошла!» и «Богатыри теперь не те!» звучат все реже. В усталые семидесятые, в переломные восьмидесятые, в дикие девяностые вскриками на эту тему пестрели страницы прессы, их можно было часто слышать в общественном транспорте. А сегодня этого раздражения нет. **И стар стал как млад, и млад остарел;** и всякий рад произошедшему. Они едины, они почти неделимы, они соединяются в одно. Смотрите, смотрите: они сливаются в единое тело. Это противоречит природе. Смотреть противно (З. Прилепин «Молодежь к выходу на пенсию готова»).*

В текстах З. Прилепина содержатся рефлексии по поводу использованной архаичной лексики:

*Предполагаю, что вполне прозрачный страх движет г-ном Авенном, а моими сотоварищами движет бесстрашие, уж простите за высокий **штиль** (З. Прилепин «Не хотелось всерьез, но придется»)¹;*

*– Что-то они так... милостиво... – подивился Веня, **выудив откуда-то слово «милостиво», совершенно не из своего словаря (З. Прилепин «Санька»)***

Разворачивая деятельность по пониманию текста, реципиент создает и

---

¹ Согласно идеям У.Чейфа – его концептуальной (ideational) теории [2003: 90-93], понятия – это реальные сущности в сознании человека и находятся внутри его нервной системы. У. Чейф пишет, что понятия обладают электрохимической физической природой, но мы пока не можем полностью использовать это с лингвистическими целями: не можем делать понятийные спектрограммы, рентгеноскопии или магнитофонные записи, таким образом, над семантикой приемлемое наблюдение невозможно пока. В этих условиях остается использовать интроспекцию в качестве метода лингвистики. Человек, «заглядывая», погружаясь в свое языковое сознание (каждый человек – в свое языковое сознание), представляет лингвистике важный для анализа материал.

восстанавливает всю сложную мозаику связей и отношений ситуаций как реальной действительности, так и художественной, отраженной в осваиваемом тексте [Макеева М.Н., 2000: 84]. Как видим, и архаизмы способствуют созданию образности публицистических и художественных текстов, которая создается строгой системностью всех составляющих целое элементов, когда даже исключение одного элемента вредит его содержанию.

Именно у авторов, которые обращаются к архаике, представлено эстетическое отношение к языку всего народа, именно в их творчестве отражаются нормы, свойственные идиостилю того или иного автора, где проявляются те приращения смысла, которые характерны именно для данного автора.

Недаром М. Амелин, лауреат литературной премии А. Солженицына 2013 года, утверждает: «В архаике – больше выразительности, и к ней обычно возвращаются, когда возникает ощущение, что обычные слова истерлись и речь обмелела» [Амелин М., 2013].

Как известно, экспрессия ощущается как таковая только на фоне хорошо осознаваемого стандарта. Экспрессивность архаического слова проявляется на фоне стандартных слов «ядерной лексики», «активного словаря». Для многих авторов вопрос о лексических предпочтениях, о «константах» неизбежно связан с русской архаикой. Именно архаика составляет важный фрагмент идиостиля рассмотренных авторов.

3.2. Хронотоп художественного текста и совмещение современного и архаичного значений

Понятие хронотопа («времяпространства»), как известно, ввел М. М. Бахтин, анализируя европейский роман. Он определял хронотоп в качестве существенной взаимосвязи между временными и пространственными отношениями, освоенными художественно в литературе [Бахтин М.М., 1975: 234], и видел в нем «формально-содержательную категорию»; он писал, что

постижение смыслов, вступление в эту сферу совершается исключительно посредством хронотопа [Там же, 406]. М. М. Бахтин полагал, что «ведущим началом в хронотопе является время» [Там же, 235] Приметы времени и места сгущены, сконденсированы в архаической лексике.

Художественный текст не может воспроизводить реальное пространство и время со всеми теми свойствами, которые присущи категориям пространства и времени как явлениям объективного мира. Отражаемые в тексте объективное пространство и время так или иначе являются частью художественного замысла, в соответствии с которым трансформируются явления объективного времени и пространства.

Стандартный и архаичный варианты, которые использовались в узком контексте, становятся показателями хронотопа:

Две бессмыслицы – мертв и мертва,

Две пустынности, два ударенья –

*Царскосельских садов **дерева**,*

*Переделкинских рощиц **деревья***

(Б.Ахмадулина «Четверть века, Марина, тому...»).

Использование словосочетания «*царскосельские деревья*» сразу указывают на связь с эпохой А.С. Пушкина, и даже локус – Царскосельский лицей также вызывает в нашем сознании ассоциацию, которая связана с А.С. Пушкиным, а словосочетание «*переделкинские деревья*» содержит указание на советскую эпоху и, соответственно, на связанный с советской эпохой локус. Ср. также:

*Ты **победил. Виктория** – твоя.*

Вот здесь был дом, где ныне танцплощадка,

площадка-танц, иль как ее... Видна

звезда небес, как бред и опечатка

в твоём дикоязычном букваре

(Б. Ахмадулина «Таруса»)

Известно, что всякий раз, для того чтобы наиболее полно, адекватно

выразить некий смысл, нужно выбрать из парадигмы одну единицу, таким образом, мы используем эту единицу на оси селекции. В речевом поведении селекция и комбинаторика являются основными операциями. Тем не менее, может произойти переход «с оси селекции на ось комбинаторики». Поэтическая функция способствует проецированию принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинаторики. Одновременное употребление всех (или некоторых) членов – *дерева - деревья; победил - виктория* – естественным образом обогащает смысл и усиливает выразительность высказывания.

Архаизм и стандартное слово могут быть использованы в антитетических конструкциях. Фигура речи антитеза может создавать на уровне высказывания и даже на уровне целого текста задаваемую контрастом разных точек зрения и явлений семантическую оппозицию. В антитезе резко противопоставляются понятия и образы, и в этом состоит ее сущность, при этом противопоставление распространяется не только на единицы, которые противопоставлены друг другу объективно. Следовательно, оказываются возможными такие оппозиции, в которых основанием для противопоставления является не только наличие диаметрально противоположных признаков в обоих членах противопоставления, или оппозиции, но и наличие более широкого круга признаков. Воздействующая сила этой фигуры усиливается, если признаки, на основе которых происходит противопоставление, не являются сущностными в противопоставляемых объектах, а являются признаками, которыми их наделяет художественное видение автора.

Ах, в старом фильме (в старой фильме) / в окопе бредет солдат, / вокруг другие простофили свое беззвучное галдят (М. Лосев).

У актеров не руки, а руци, не пальцы, а персты, до такой степени движения их образно торжественны (К.Станиславский).

Слово *ключница* представляет собой типичный историзм, имеющий значение ‘служительница, в ведении которой находились ключи от кладовых,

где хранились господские продовольственные запасы⁷. В таком значении оно памятно по классическим текстам:

*Он в том покое поселился,
где деревенский старожил
лет сорок с **ключницей** бранился,
в окно смотрел и мух давил*
(А.С. Пушкин «Евгений Онегин»).

Это существительное служит средством стилизации в историческом романе А.Н. Толстого «Петр Первый»:

*«Покуда **ключница** рассказывала, комнатный холоп, который с появлением в доме мажордома стал называться теперь камердинер, снял с Гаврилы пыльный кафтан, камзол, распутал галстух и, кряхтя, начал стаскивать ботфорты».*

В комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (по пьесе М. Булгакова) царь Иоанн Грозный спрашивает: *Водку **ключница** делала?* И Шурик соглашается: *Пусть будет **ключница**.*

Однако это слово может в современном тексте наполняться и совершенно особым смыслом, мотивированным прозрачной внутренней формой:

- Я хотел изменить свою жизнь, но у меня ничего не вышло, - неожиданно произнес Александр. – Теперь ты хозяйка этого дома. Вот возьми...

Александр протянул связку ключей, которая принадлежала Марго. Здесь были ключи от входной двери, от гаража, от почтового ящика, от сейфа, в котором хранились деньги и фамильные драгоценности. Связка ключей – как символ дома. И его вручали Вере.

Сколько она ждала этой минуты? Изю дня в день. Из месяца в месяц. Из года в год. Как на соревнованиях, бежала с Леной наперегонки, и вот – обогнала. Финиш. Победа. Залп в небо.

Вера взяла ключи. Связка была тяжелой. Влага подступила к носу.

Вера подсморгнула и пошла на кухню. Не как домашняя раба, а как полноправная хозяйка. Ключница (В. Токарева «Дерево на крыше»). Здесь отданные ключи – это знак изменения статуса героини, которая, наконец, обретает столь долгожданные права. Как известно, в целях создания каламбура слово ставится в такое лексическое окружение, которое заставляет воспринимать его одновременно в двух аспектах, в двух планах. В анализируемом случае это позиция изолированного употребления (в виде отдельного – номинативного – предложения. Старый смысл историзма в этом случае «каламбурно мерцает»¹, но не он, конечно, главный.

«...архаичная семантика формы, именно накладываясь на современную, создает многомерность смысловых прочтений», – пишет Л.В. Зубова [1995: 296]. Как видим, архаичные слова позволяют автору точнее и ярче передать мысль, а читателю – уловить все богатство смыслов, актуализируемых с помощью устаревшей лексемы. Актуализация – термин многозначный и неодинаково толкуемый представителями различных гуманитарных направлений. Ср.: «Актуализация – термин рецептивной эстетики», обозначающий «оживление, овеществление детали или эпизода литературного произведения читателем, превращение мимолетной сценки в развернутую картину, порождающую разветвленную сеть ассоциаций и эмоций» [Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник, 1999]. В приведенном примере актуализация архаического и современного (оказионального) смыслов слова *ключница* в повести В. Токаревой позволяет емко и лаконично передать авторское отношение к ситуации.

Ср. также:

Ту студенческую группу я запомнила... Из шести человек пятеро были ленинградки, девочки из школ с углубленным изучением английского языка, а

---

¹ По мысли А.А. Терещенковой, два значения, которые сталкиваются при каламбурном употреблении, «мерцают» в сознании реципиента. Ср. ее определение: «Каламбур – комическая игра слов, столкновение значений слов, квалифицируемых как синонимы, антонимы, омонимы и паронимы [Терещенкова А.А., 1988: 87].

единственный мальчик – из Пятихаток. Студент Юра Кравченко был такой красивый, что оторопь брала. **Добрый молодец, удалой кулачный боец.** Его физическое здоровье изумляло: не туда занесло **малоросса**. Ему бы в **гренадеры** или в институт физкультуры, на кафедру бодибилдинга. А тут придется изучать «ингвеонское выпадение носового звука перед щелевым» и зубрить **неправильные глаголы** (Н. Толстая «Студенты»).

Для многих современных авторов характерно соединение архаических черт и примет эпохи постмодерна. Так, новизну стихов М. Амелина справедливо видят в сочленении книжной (а порой и архаической) лексики с современным синтаксисом и языковыми оборотами:

*Языком эзоповым не владея, / потому что поздно учить язык, /
нечестивца, вора и злодея / власть имущих – собственными привык /
называть именами без оговорок, / не взирая на звания и чины, /
сопричастности не деля на сроки, не преувеличивая вины. / Обходи меня
стороной, прохожий! / ибо только ноги тебя спасут, – / нет, не человечесий на
них, но Божий / постоянно я призываю суд, / где защитник и обвинитель
слиты / воедино, свидетель – и тот один, / пламенеют гневом Его **ланины**, /
свет сияет истины от седин.*

Для М. Амелина характерно жанровое разнообразие (в том числе такие формы, как оды, гимны, песнопения, молитвы), ср. название: «Запоздалая ода Екатерине Великой, Императрице и Самодержице Всероссийской, при воззрении на зыбкое отражение памятника Ея в луже декабрьским вечером 2006 года». Однако по содержанию текст совершенно модернистский, хотя и стилизованный: «...Мне же, / не летописцу, но певцу поздоружденному, / по созвучию научившемуся слова подбирать / и по мере укладывать, строй и порядок, предписанный / сводом правил неколебимых, безжалостно и хладнокровно / разрушающему, ради создания и утверждения новых, / свой приговор выносить издаека не пристало».

Архаизмы нередко используются как средство аллюзии, скрытой цитации и при этом являются маркерами определенной эпохи и

определенных идей. Прямую цитату из церковнославянского библейского текста представляет собой сочетание «*всяк... язык*» в «Памятнике» А.С. Пушкина. Оно встречается и в Ветхом Завете, и в Новом, в частности в Откровении Иоанна (V, 9; VII, 7; XIV, 6). Пушкин имеет в виду все народы России. При этом он использовал формулу «Повести временных лет». Он мог с ней познакомиться и по «Истории государства Российского» Карамзина, который был его проводником в мир русского летописания, и по летописям, к которым он обращался в последующие годы» <...> ...язык фразы «*...всяк суций в ней язык*» можно определить как «церковнославянский древнерусского извода» [Иванов Вяч. Вс., 2000: 64-65].

Ср. аллюзию на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева в современном тексте:

С тех пор интеллигенции ничего более не оставалось, как ступать след в след по грустному пути Радищева, бесконечно путешествуя из Петербурга в Москву, в то время как чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй гонится за тобой, обдает тяжелым запахом мундира и сапог, поднимает брови, откуда в ужасе взлетают птицы, и произносит «Сибирь» так, что явственно слышится «заморю» (З. Прилепин «Достаточно одного»).

Ср. также:

Итак, мы решили написать сценарий. Впереди предстояла большая и бесславная работа. Кто знает сценариста? Никто. Сценаристы славы не имут. Все достается актерам. Потом режиссерам (В. Токарева «Один из нас»).

...я сценаристка, похожая на японку. Ну и что? Сценаристы славы не имут. Вся слава у актрис. А сценарист – только фамилия в титрах. Кто там ее читает... (В. Токарева «Кино и вокруг»).

Как видим, В Токареву настолько привлекает фраза князя Святослава *Мертвые сраму не имут*, что она дважды (в разных текстах) использует эту аллюзию

Ср. старинное слово с количественной семантикой (ныне утраченной), которое использовал А. Блок в «Скифах» (*Мильоны вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы*) и аллюзию в современном тексте:

И все это сделали враги, которых тьмы, тьмы и тьмы (З. Прилепин «Если он придет...»)

Ср. также:

Современный русский патриот лишен чувства хозяина своей земли. Его все время кто-то обкрадывает. Он нищ, сир и убог, если присмотреться (З. Прилепин «Если он придет...»)

Долго на бороды длилось гоненье, но сняли опалу.

Всем теперь ясно, куда либерализм этот вел.

Слышатся толки везде о земских соборах и думах.

Как же, «уставля брады», в них без бород заседать?

(М.Л. Михайлов «Бороды», 1864 г. Эпиграммы...)

Особый случай формирования хронотопа художественного текста связан с совмещением в одном слове обоих значений – современного и архаичного. М. Цветаева видела в совмещении современного и архаического значений «реабилитирующее» расширение смысла. Ср.: «NB! *Любовник* и здесь и впредь как средневековое обширное *amant*. Минуя просторечие, возвращаю ему первоначальный смысл» (М. Цветаева «О любви»); ср.:

Долг и честь, Кавалер, – условность.

Дай вам бог – целый полк любовниц!

Как установила Л.В. Зубова [1989], для поэтических текстов М. Цветаевой характерно восстановление утраченных семантических связей в рамках многозначного слова или слов-омонимов. Так, слово *лесть* и его производные она использует так, что современное значение ‘преувеличение, угодливое восхваление кого-либо, чьих-либо качеств или действий’ контаминирует со старинными значениями, отраженными в «Словаре русского языка XI-XVII вв.», - ‘1. обман, хитрость, коварство; 2. обольщение, соблазн, приманка; 3. ложное учение, заблуждение, ересь’ (*Не для льстивых*

*этих риз, лживых ряс – Голосистой на свет родилась! Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве Занежат, – лести женской Пух, рук, ног захват, Как
женщина младенца Трехдневного – заспят – в этих случаях контексты
прямо указывают на обман, ложь или опасность). Аналогична актуализация
архаичного значения слов *правый* ('праведный'), *ревность* ('усердие,
рвение'), *час* ('время'), ср.:*

Юный месяц идет к полуночи:

Час монахов – и зорких птиц,

Заговорщиков час – и юношей,

Час любовников и убийц;

Есть час души, как час Луны,

Совы – час, мглы – час, тьмы –

Час...

Час души, как час струны

Давидовой сквозь сон

Сауловы...

В некоторых славянских языках это существительное сохранило древнее значение 'время', в русском же языке оно сузилось и конкретизировалось (оно сохранилось лишь в некоторых фразеологизмах типа *час расплаты*). У М. Цветаевой актуализируются оба смысла: *час* = время и *час* = отрезок времени в 60 минут. Как пишет Л.В. Зубова [1989: 73], в современном языке это слово имеет значение, которое указывает на определенный и сравнительно короткий временной отрезок, это наводит на мысль о том, что вечность воплощается в мимолетности страстного переживания. Оказывается, что высокое содержание слова в его архаичном значении, таким образом, равноценно высокому содержанию того же слова, употребляемого в современном языке, потому что, в представлении М. Цветаевой, вечность и момент («час») страстной жизни равноценны.

Этот прием используют и современные авторы. В романе лауреата премии «Ясная поляна» А. Иванова «Географ глобус пропил»

девятиклассники именуются (повествование идет от лица Виктора Сергеевича Служкина – учителя географии) «зондеркомандой», «красной профессурой» (это, конечно, двоечники), но чаще всего называются **отцы**:

***Отцы** оглядываются по сторонам, точно рассчитывают увидеть то, что пропало.*

***Отцы** молчат, словно вбирают в себя этот немой простор, одиночество, древнюю тоску земли.*

*Издали вижу **отцов**, съежившихся на фоне некогда беленой стены вокзальчика.*

*И тогда я рассказываю **отцам** – про закопченные заводы Демидовых и Строгановых, про плотины и пруды, про барки и сплавищиков...*

***Отцы** к завтраку вылезают из палатки помятые, как фантики из урны.*

***Отцы** угрюмо уходят в палатку...*

***Отцы** роняют кружки, хватаются за животы, валятся с бревен.*

*Я обучаю **отцов** правильной укладке.*

*И жаль, что для **отцов**, для Маши я остаюсь все-таки учителем из школы.*

Устаревшее значение, которое проявляется обычно во множественном числе, – ‘наиболее почетные уважаемые люди, стоящие во главе чего-либо’ (Где, укажите нам, отечества **отцы**, Которых мы должны принять за образцы? А.С. Грибоедов «Горе от ума»). Чаще всего слово в этом значении управляет формой родительного падежа имени (как у Грибоедова). А. Иванов называет **отцами** подростков, которые напоминают воспитанников «Республики ШКИД» или коммуны А. Макаренко. Прием антифразиса, особенно в сценах, когда истинная сущность **отцов** проявляется наиболее ярко, оказывается мощным выразительным средством:

***Отцы** насуплено сидят общей кучей и злобно курят.*

Принцип смешения высокого, торжественного, архаичного с приземленным и современным традиционно использовался как средство

усиления изобразительности и выразительности. Как известно, Пушкин, «воскрешал старинные выражения с ярким колоритом национальной характерности, смешивал и сливал слова и обороты церковнославянского языка с живою русской речью, и на таком соединении создал поразительное разнообразие литературных стилей и жанров» [Виноградов В.В., 1938 : 235]. В наши дни на фоне коммерческой, «быстрой», но часто весьма поверхностной словесности «другой» выглядит проза, продолжающая национальные традиции и черпающая новые выразительные средства прежде всего из словесной архаики.

3.3. Архаизмы как средство комического в тексте

О комической функции архаизмов упоминается практически во всех трудах, так или иначе посвященных устаревшей лексике, об этом свойстве архаизмов упоминается и в словарных определениях термина «архаизм». Будучи «высокими» синонимами стандартных слов, они, естественно, в соответствующих контекстах легко превращались в свою противоположность – в средство насмешки. Такое использование архаизмов традиционно для классической русской литературы. В «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина помещик Перегоренский, жалуясь на исправника Маремьянкина, прозванного Живоглотом, говорит:

Но сим не исполнилась мера бесчинств Живогловых. В прошлом месяце, прибыв на ярмонку в село Березино, что на Новом, сей лютый зверь, аки лев рыкай и преисполнившись вина и ярости, избил беспричинно всех торгующих, и дотоле не положил сокрушительной десницы своей, доколе не приобрел по полтине с каждого воза...

Так, В. Маяковский в своих сатирических циклах обращался к архаизмам именно как к средству иронии и сарказма:

Появились

Молодые

превоспитанные люди –

Мопров

знаки золотые

Им увенчивают груди

(«Служака»);

Сам себя

совбюрократ

бьет

в чиновничие перси

(«Критика самокритики»);

Под граммофон

с подругой

час

под сенью штор

фокстротится

(«Общее» и «мое»);

Ср. форму звательного падежа:

Мы кроем

быт столетий.

Но, боже...

Марксе, упаси

нам заниматься сплетней

(«Общее» и «мое»).

Ср. также:

«И одноглазый не сводил своего единственного ока с гроссмейстерской обуви» (И. Ильф и Е. Петров «12 стульев»); *«Мощная **выя** командора сгибалась под тяжестью архиерейского наперсного креста»* (И. Ильф и Е. Петров «12 стульев»).

Эту традицию продолжают и современные авторы:

Зима – солидный град районный, а никакое не село (Е. Евтушенко).

Она и оставила на учительском столе целую стопу тетрадей шестиклассников. Градусов ловко и незаметно стащил эту стопу, а потом раздал тетради своим **присным**. **Присные** и помалкивали весь урок, разрисовывая тетради самыми погаными гадостями.

На задних партах Градусов и присные уже раскинули «дурака».

– Гад ты, Градус... – тихо сказал кто-то **из присных**.

Галдя, на галерке **присные** полезли на парты, чтобы лучше видеть поединок (А. Иванов «Географ глобус пропил»).

Кто знает, что думает Валентин Распутин по тому или иному поводу? Кто жаждет его слова? Очень ли нам любопытно, что такого скажет Фазиль Искандер? К Василию Белову давно приходили на поклон **мужи**, ищущие мудрости? (З. Прилепин «К черту, к черту!»)

Что до стилистических претензий г-на Авена к тексту моего романа, то здесь мне придется замкнуть **уста** (З. Прилепин «Не хотелось всерьез, но придется»).

Это физиологическое ощущение – любить начальство, от которого зависишь. Не одни актеры грешат. Многие непримиримые журналисты резко меняются на «очном» приеме у высокого руководства. На печатных страницах и на экране они такие иронично-яростные, а при встрече... Я как актер не могу этого не видеть: текста, конечно, никакого при этом не произносится и в глазах огонь, но поза выдает – **выя** склоненная (А. Ширвиндт «Проходные дворы биографии»).

Заменить в данном тексте устаревшее слово стандартным соматизмом, конечно, можно, однако именно такая потенциальная замена проясняет, насколько более удачен арахизм: именно он «живописует» картину и именно он работает как мощный иронизм. Как известно, существуют общеязыковые иронизмы – слова, помеченные толковыми словарями с помощью маркера «ирон.». Такую помету имеют в Толковом словаре конца XX века Г.Н. Складневской, например, слово *алконавт* или словосочетание *народный избоанник*. По-видимому, архаизмы по своему стилистическому

потенциалу сближаются с элементами «фондового комизма», которые принято называть иронизмами. Ср., как этот же архаизм в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова используется в речи Васисуалия Лоханкина, который, упиваясь своим горем, начал говорить пятистопным ямбом:

*Он мне посмел сказать, что это глупо! Он, он, жену укравший у меня!
Уйди, Птибурдуков, не то тебе **по вые**, по шее, то есть, вам я надаю.*

Ср. также:

*Но шефство – это бесплатно. А жить надо, поэтому мы с Мироновым или Державиным проводили так называемые творческие вечера. Переводя на русский, «левые концерты», то есть халтуры. Роли распределялись так: Миронов – большой артист и художник, а я – рвач и администратор. Звонок. «Вам звонят из фармацевтического управления Москвы». Замечательная контора, где, как муравьи, ползают **сонмища** женщин (А. Ширвиндт «Проходные дворы биографии»). Как видим, ироническую модальность здесь, наряду с другими средствами, создает и архаизм **сонмища**.*

Это слово, в обеих числовых формах, – излюбленный архаизм А. Ширвиндта, ср.:

Вообще сегодня мемуаристика вытесняет с книжных полок Свифта, Гоголя и Козьму Пруткову, а сонмище графоманов, пользуясь безназорностью и безнаказанностью, придумывают «документальные» небылицы, забывая подчас, что есть еще несколько живых свидетелей описываемых ими событий (А.Ширвиндт Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Сегодня эпитет «великий» стал расхожей монетой, звезд пекут на фабрике, и капризная косноязычная дива мяучит с экрана, что «нам, звездам, трудно...Все это сонмище звездорванок заполняет нестойкие души зрителей, размывая понятия и градации (А.Ширвиндт Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Чем добрее человек, тем он доступнее. А если он при этом еще и

талантлив, то становится липкой бумагой для сонмища «мух», мощно и бессмысленно жужжащих вокруг, кичась назойливой бездарностью... Сонмища «мух» вились около Гришиного таланта, обаяния, доброты, жалости к человекам (А.Ширвиндт Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Это слово, очевидно, привлекает автора яркой прагматикой: оно передает количественную оценку и в то же время обладает пейоративностью. Как известно, средства лексической множественности в современном русском языке в высшей степени разнообразно представляют квантификацию (квантификаторы типа *море, река, океан, гора, лес, созвездие, груда, лавина, поток, вагон, россыпь, туча, бездна, букет, прорва, охапка* и мн. др. передают тончайшие семантические и прагматические оттенки квантификации), хотя, конечно, немногие из квантификаторов пригодны для обозначения людей – *море, поток, прорва, созвездие* и нек. др. Однако А. Ширвиндт предпочитает именно архаизм. Дело в том, что *сонм* в значении ‘скопление, множество кого-н’ имеет словарные пометы «устар.» и «высок.», и в то же время даже самые компактные словари (например – Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) отмечают ироническую модальность этого слова: ср. *сонм ангелов, духов, но: целый сонм поклонников* (ирон.). Еще в большей степени ироничен вариант *сонмище* – у этого слова в указанном словаре имеется помета «обычно неодобр.». Как известно, оценочная модальность слова формируется на основе эмоциональной или рациональной оценок. Количественная оценка относится к рациональному типу, однако в данном случае совмещаются оба эти свойства – рациональная и эмоциональная оценки.

Ср. появление архаизма (из разряда поэтизмов) в такой сцене из современной школьной жизни:

Ну что делать-то? Доброта их не пробивает, ум не пробивает, шутки не пробивают, даже наказание – и то не пробивает!

– Я сегодня вообще не знал, чего мне с Градусовым делать. Бога молил, чтобы они проспали, – так нет, всей стаей, до последней макаки пришли. Сели сзади на свои пальмы и давай в карты резаться. Только и слышно: «Дама» Валет! Бито!» <...> кинулся я вдоль ряда и давай с грохотом парты к стене припечатывать: бах! бах! бах! <...> Ну ладно, урок вроде дальше поехал. И вдруг – хряпс! – свет погас <...> Дошло до меня, что не иначе как Градусов тут козни строит. Хорошо, диктую дальше, а сам, однако, дверь в кабинете приоткрыл и краем глаза секу. И точно! Минут через пять крадется мимо какая-то низкорослая рыжая носатая тень – и шмыг к щиту! Я рванулся к выходу, а свет – чпок! И погас. Я со всего разгона как налечу на парту да как на девку какую-то хлопнусь! Обвил ее, как родную жену, впору пламенный поцелуй **на сахарных устах** запечатлеть. Только она **уста** свои растворила да как забасит: «Насилую-у-ут»! (А. Иванов «Географ глобус пропил»)

Таким образом, формируется своеобразная энантиосемия – соединение высокого и низкого звучания одной лексемы. Лексика, которую мы связываем в своем сознании с высоким стилем, которую воспринимаем как архаическую высокую, высокую книжную или поэтическую, может широко использоваться, может иметь эмоционально контрастное применение. Это происходит из-за несовместимости между стилистической окраской слова, установившейся в языке, и номинацией конкретного предмета или отношением, резко отрицательным, к нему автора. Ср. ироническую модальность следующего фрагмента стихотворения Б. Ахмадулиной «Чудовищный и призрачный курорт»:

*Когда красotka поднимает взгляд,
В котором **хлад** стоит и ад творится,
Но я не вхожа в этот **хладный** ад,
Всегда моя потуплена **зеница***

Наиболее выразительны архаизмы, которые соседствуют в тексте с наименованиями реалий подчеркнуто современных:

Хелен Мирен. Та самая тетка, что играла «королеву», а в фильме «Рэд» в качестве отставной цэрэушницы отправляла к праотцам лиходеев из автомата.

*На вопрос, как жизнь, Влад Сташевский отвечает: «Вполне», Что тут скажешь: Бог голос дал. Неумолимый аргумент. На вопрос, чем теперь он занимается, может, не дай Бог, **аки иные экс-звезды**, саморастрадой, Влад Сташевский резко отвечает: «Я мэтр!»*

*Но если Серову не нужно актуализироваться, **бо** он навсегда укоренен в национальном сознании, Алсу – нужно, отсюда все сусальные разговоры о благотворительности.*

Как в случае с Лорак – о чистой, искренней семейной идиллии, тогда как самым печальным образом она вышла замуж за парня славного, но оказавшегося бесславным ресторатором. Теперь кормит его и зело обижается на иронию, в частности, мою. Можно не сомневаться, что и она в скором времени напишет книгу, каковое писание стало пандемическим пиар-ходом... впрочем книги по большей части безобразные (Кушанашвили, О. Я и путып... Как победить добро).

Как известно, под иронией чаще всего понимается троп, в котором основанием для переноса является контраст, противоположные значения. М.М. Бахтин писал о том, что ирония входит во все языки нового времени, особенно во французский язык. Она – во всех словах и формах, особенно она проникла в формы синтаксические. Например, ирония разрушила «громоздкую «выспреннюю» периодичность речи». По словам М.М. Бахтина, иронию можно обнаружить везде – и минимальную, неощутимую, и громкую, граничащую со смехом. Современный человек не вещает – он говорит, то есть оговорочно говорит. О языке Пушкина М.М. Бахтин пишет именно как о таком языке, пронизанном иронией (в той или иной степени), оговорочном языке, который свойствен современности [1979: 336]. По мнению О.П. Ермаковой [2007: 179], под властью иронии находятся и все слова, и самые разные типы значений (метафорические в том числе)

местоименных и знаменательных, служебных – частицы, – и самостоятельных частей речи, а кроме того и модальных, таким образом, любое слово способно употребляться иронически.

Особенно велика роль такого приема, как ирония в XX веке. По словам С.А. Золотаревой, ирония может рассматриваться как одна из главных примет художественного дискурса XX века, поскольку принцип иронии, понимаемый в качестве принципа дистанцирования от сказанного прямо, неуверенности в том, что прямое высказывание уместно, – основополагающая черта мышления XX века [Золотарева С.А., 2003 : 355].

Ирония чаще всего реализуется с помощью антифразиса, то есть употребления слова в противоположном значении. В классической же риторике использовалось несколько терминов, связанных с различными видами иронии. В работе Генриха Лаусберга [Lausberg H., 1960: 303] представлены три основания для классификации иронии в классической риторике: 1. насмешка или похвала; 2. отношение к другому или к самому себе; 3. какова степень иронии. Первое основание в настоящее время воплотилось в противопоставлении антифразиса (собственно насмешка) и астеизма (насмешки в форме похвалы). Второе не получило терминологического названия. Третье сегодня зафиксировано термином «сарказм», который в значении «злая ирония», главным образом, используется в литературоведении.

Ирония позволяет нам определить отношение адресанта к предмету речи. Ирония является мощным средством создания коннотации. Качества иронии, служащие и целям убеждения, и целям манипуляции, следуют из того, что этот троп имеет слабую денотативную изобразительность, но может сделать отношение адресанта к объекту речи наглядным, что сближает иронию с таким средством языка, как риторическая фигура. Как средство убеждения ирония тогда действительна, когда утрирует аргументативные рассуждения оппонента, принимая участие в опровержении антитезиса [Лобас П.П., 2011: 109].

Ироническое звучание архаизма усиливается, если автор вводит комментарии по поводу использования не всем известного слова:

*Я отменил **вакации** (в переводе для группы «Фабрика», слово «вакация» означает каникулы), работаю над второй книгой, которая вся будет покоиться на публикациях в «Советском спорте» ... (О.Кушанашвили Эпоха и Я. Хроники хулигана). Об этой своей книге сам О. Кушанашвили говорит, что она «написана уже всеми забытым языком»¹; в другом месте этого текста он признается, что ненавидит варваризмы, а любит «простые, добрые, источающие тепло и свет слова». Ср.:*

*«Россия-2» вознамерилась с помощью таких бесспорных **дамских угодников** и спорных носителей **лепости** составить рейтинг самых сексуальных спортсменок России.*

*Если составить **комкорданс по моим экзерсисам** в Совспорте, то получится, что я пишу не о шайбах, гандикапе и установках, но об ощущениях.*

*Меж тем книга «Я» - превосходна! Изменила мою жизнь, а текст этот писал для главной своей колонки ...- и текст тоже превосходный, после текста такого не приобрести книгу «Я» мог только имбецил. Но теперь я знаю, что ее раскупили даже... Я хотел сказать, даже мои **супостаты**.*

*Далее следовало интервью с актером, журналистка спрашивала красавца, разбирается ли он в женской психологии, и Д.К., как человек безнадежно **бонвианского** толка, невозмутимо ответил: «Я всегда был за ноги».*

*Биржевый курс желчи, с воцарением Интернета, высок как никогда, вот и наяривают смятенные **зоилы**, не слушающие никого, кроме себя,*

---

¹ Ориентация на нетривиальный язык комментируется О. Кушанашвили таким образом: *От моих статей в Оме люди подвергались абазии приступам, пароксизмам афазии, бо чувствовали люди, что паренек, сочинявший опусы, явно не подвержен ангедонии (сами ищите эти слова в словарях; хватит на меня рассчитывать) ... На фоне этих сияющих статей все остальные кажутся натужливыми экзерсисами, верхом непрофессионализма*

наделенные извращенным чувством справедливости. (О.Кушанашвили Эпоха и Я. Хроники хулигана);

Звучание антифразиса на основе плюрализации старинного онима, который использовал еще А.С. Пушкин, усиливается в соседстве с упоминанием Интернета.

Заметим, что в тексте могут стилистически трансформироваться даже те архаизмы, которые в словарях маркированы как иронизмы. Так, слово *эскулап* характеризуется современным толковыми словарями как устаревшее и помечается либо как «ирон.», либо как «шутл.». Ср., однако, случай, где слову возвращается его исконное «высокое» звучание без тени иронии:

Нет уж, если придирааться, то придирааться. Не знаю, каких хирургов вы видели, но мои трое одноклассников – эскулапы, и спасли уже легион людей (О.Кушанашвили «Эпоха и Я. Хроники хулигана»);

В качестве иронизмов архаические единицы используются в таких жанрах, как пародия и эпиграмма:

*Я не был никогда **пиштом**.*

Ты, Мишка, книжку строго не хули.

Владею русским я,

Как ты – ивритом

На родине от родины вдали

(В. Гафт «Михаилу Козакову»);

*Одним Авербахом всех **побивахом*** – эпиграмма А. Архангельского, направленная в адрес вождя и руководителя РАППа Л. Авербаха. Ср. также пародию А. Архангельского на прозу А. Веселого:

*Сибирским иляхом, ярмаковым путем-дорогою ехал я в чужедальнюю сторонушку, близясь к месту моего **пристанища**.*

*Ехал **борзо**.*

Кругом, куда взором ни кинь, стлались кручиненные просторы, меченные курганами да оврагами.

Снеги белы повылегли.

Пародия дает новый взгляд, новое видение пародируемого текста, она подразумевает сравнение пародирующего и пародируемого, в результате которого создаётся комический образ прототекста [Лушникова Г.И., 2010]. В данном случае этот образ в значительной степени создается за счет использования архаизмов.

Форма *снеги* в стихотворении Е.Евтушенко *Идут белые снеги* вызвала к жизни такую пародию А. Иванова:

*Идут белые снеги,
а по-русски – снега.
Это значит – на свете
Наступила зима.*

Однако *снеги* – это старая и именно русская форма множественного числа вещественного существительного, соответствующая архаическому представлению о веществе как о дискретности. Аналогичные формы (например, у В. Маяковского – *мясá, золот, железá* и под.) в языке поэзии часто воспринимались как авторские неологизмы, между тем это не что иное, как архаичные грамматические числовые формы.

Г. Горбовский написал:
*Вася – сторож. В шалаше
Пребывает в неглиже.*

В этом примере налицо грубое, непозволительное смешение слов, относящихся к разным пластам, поэтому А. Иванов отреагировал яркой пародией «Суаре¹ на пленэре»:

*У меня на сердце – муть.
Напишу, читаю – жуть.
Дело плохо. Надо к Васе.
Рядом с Васей – как -нибудь...
Вася скажет: «Бон суар!»*

---

¹ Слово *суаре* со значением «званный вечер» толковые словари фиксируют, снабжая пометой «устаревшее». См. также [Брусенская Л.А., 1997].

И поставит самовар.

Извинится: «Я уже...»

Миль пардон за неглиже.

Опрокинет двести грамм,

Бормоча: «Шерше ля фам». [Цит. по: Китанина Э.А., 2005: 219]

На соединении архаики и просторечия построена пародия А. Архангельского на Б. Корнилова «Песнь»:

*Зрящее мя безгласна, бездыханна,
с вздутым выражением лица,
не вымайте пулю из нагана,
шкуру не сымайте с жеребца <...>
Поелику саван я скидаю,
всуе плакать, дружи и родня,
задираю ногу и сидаю
на того арабского коня.*

Ср. также пародию А. Архангельского, в которой комический эффект достигается с помощью конвергенции стилистических приемов, в том числе – использования архаической лексики:

П. Радимов

Сморкание

*Ныне, о муза, **воспой иерея** – отца Ипполита,*

*Поп знаменитый **зело**, первый в деревне сморкач.*

*Утром, **восставши** от сна, попадью на перине покинув,*

На образа помолясь, выйдет сморкаться во двор <...>

Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.

Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,

Бык заревел, и в гробу перевернулся Гомер.

Ср. также пародии Л. Филатова, где используется известный прием: пародист представляет, как тот или иной известный сюжет разрабатывается различными авторами. Так, сказка К. Чуковского «Муха-Цокотуха» в

исполнении Б. Окуджавы выглядит так:

*Ах, бывают всякие в жизни **карамболи**,
Дивные события, странные дела!..
На обычной улице, а не в чистом поле
Муха – представляете? – денежку нашла! <...>*

*...Ах, какой любовью встреча увенчалась,
Ах, того не выразить кистью и пером!
Муха – представляете?- тут же обвенчалась
С ихним благородием **оним** Комаром!*

*Ах, как это весело, ах, как это глупо,
Ах, какое счастье, ах, какой кошмар!
Возле – представляете? – **Аглицкого** клуба
Заприметил барышню доблестный Комар!*

*Праздновали во среду, накануне пасхи.
Сколько было сказано спичей и острот!
Целый вечер кушали рыбу **по-гишпански**,
Целый вечер спорили, прав ли **Дидерот!***

Слово **карамболь** зафиксировано в Словаре редких и забытых слов В.П. Сомова (1996) в значении ‘крупное столкновение, скандал, стычка’. В совокупности с другими архаизмами – фонетическими и грамматическим – оно способствует формированию узнаваемого идиостиля Б. Окуджавы.

Или ср. у Л. Филатова «Вариации на тему мультфильма «Ну, погоди!»:»:

Белла Ахмадулина
*Среди нетонко чувствующих масс
Меня одну **гневила** и бесила
И гнусная безнравственность бензина,
И пошлая разнузданность пластмасс.*

*Поскольку зов природы мне не чужд
И я питаю ненависть к эрзацам –
Меня влечет подобно вольным зайцам
Направить бег **колен** в лесную глушь.*

*Возможно ль? – удивится кое-кто.
Ах, полно! – усмехнусь я на расспросы.
Ужели же глаза мои раскосы
Без всяческого повода на то?*

Архаические элементы – глагол «гневить», который в толковых словарях имеет помету «устар.», устаревшая вопросительная частица «ужель», которая зафиксирована Школьным словарем устаревших слов русского языка Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской, устаревшая грамматическая форма, сохранившаяся в составе фразеологизма *преклонить колена* – нацелены на создание узнаваемого текста пародируемого автора.

Как видим, аллюзивная функция архаизмов сочетается с оценочной. Пародийный текст, представляющий собой карикатурную или ироническую имитацию либо конкретного текста, либо типа текстов, формируется при активном участии архаических единиц.

3.4. Архаизмы как имплицитные средства создания подтекста

В современной лингвистике наблюдается большой интерес к различным проявлениям имплицитности, причем имплицитность выявляется на самых разных уровнях языка – на уровне лексики, фразеологии и морфологии (ср., например, работы И.М. Гунченко, Э.А. Головач, Т.И. Яковенко и мн. др.), однако в создании имплицитности гораздо подробнее исследованы синтаксические единицы разной степени сложности.

Поскольку имплицитная информация является свойством языкового

знака, которое является универсальным, она не может быть отделена от так называемых «строительных» элементов, то есть она не может быть отделена от лексем и словоформ. Конечно, эта сфера имплицитности исследована менее детально.

Для понимания имплицитной информации, заложенной в устаревших словах, актуально учение о пресуппозициях. При определении пресуппозиций обычно встает вопрос о фоновых знаниях, другими словами, о «ситуативном фоне», который предполагает ситуацию «предварительного договора» и обеспечивает адекватное понимание речевой коммуникации.

В пресуппозицию входит все, что находится за пределами сообщения, при этом она определенным образом связана с сообщением и способствует полному и правильному пониманию сообщения. При таком подходе владение языком не только позволяет порождать высказывания в соответствии с правилами, но и дает возможность определить, какие из пресуппозиций должны учитываться, когда происходит отражение (уместное или неуместное) пресуппозиции в поверхностной структуре.

Имплицитность в самом общем виде неотделима от кардинального свойства языка, в соответствии с которым план содержания оказывается шире плана выражения, что является одним из проявлений «асимметрического дуализма языкового знака».

Н.Г. Складорова [2005: 82-83] вполне справедливо замечает, что имплицитность следует понимать как заложенное в самом языке имманентное свойство, проявляющееся в способности его единиц к подразумеванию под непосредственно выражаемым ими значением некоторой дополнительной информации. А под имплицитным содержанием следует понимать именно предназначенную к сообщению невербализованную информацию. Ср.:

В свежепокрашенном вестибюле Служкин спросил у уборщицы имя-отчество директора, отыскал директорские покои на втором этаже, постучался и вошел (П. Иванов «Географ глобус пропил»).

Как известно, архаичным словом *покои* называлось жилое помещение в барском доме (*Они вошли в залу, из которой одна дверь вела в покои, отведенные князю Василию Л. Толстой «Война и мир»*). Употребленное в романе А. Иванова, это слово задает ироническую интонацию, которая будет превалировать в дальнейшем повествовании.

Слово, несмотря на денотативное несоответствие, представляется очень точным, емким и остроумным. Оно передает многочисленные смыслы – и те, которые проистекают из буквального понимания внутренней формы, и те, которые базируются на фоновых знаниях автора и читателя (знаниях о современном образовательном учреждении, об отдаленности начальственных кабинетов от настоящей жизни и настоящих трудностей и т.д.).

Нередко в языке имплицитность рассматривается в качестве проявления глобального принципа экономии мыслительных и языковых усилий¹. Основной тенденцией в развитии языка с точки зрения современной лингвистики является стремление передавать в единицу времени как можно больше информации, что достигается либо компрессией (уменьшением числа значимых единиц в пределах большой единицы), либо суперсегментацией, которую на содержательном уровне представляют пресуппозиции.

Каждый текст является носителем как минимум трех смыслов: 1. авторского смысла – то есть смысла, вложенного в текст его автором в результате осуществления акта первичного семиозиса, или акта номинации; 2. инвариантного смысла – то есть смысла, «приписанного» тексту языком, складывающегося из смысла составляющих текст языковых единиц; 3. перцептивного смысла, то есть смысла, вкладываемого в текст реципиентом.

---

¹ Идеи о «языковой экономии» появились еще в XVII-XVIII вв. в контексте обсуждения разнообразных проектов по созданию искусственных языков. Согласно этим идеям искусственный язык представлялся в качестве «экономного» в противоположность естественным языкам. Сравнительно-историческое языкознание дало бесспорные доказательства того, что языки в ходе своей эволюции утрачивают избыточные грамматические формы. Идеи языковой экономии активно разрабатывали младограмматики. Не менее популярны эти идеи в современном языкознании. В современной лингвистике экономия также считается отличительной чертой состояния языка.

Отношения, складывающиеся между смыслами текста в актах коммуникации, определяются как антиномия или даже парадокс коммуникации: с одной стороны, коммуникация невозможна без, свойственного тексту инвариантного смысла, восстанавливаемого участниками коммуникативной ситуации на основе общих экстралингвистических и интралингвистических знаний, а с другой стороны, инвариантные смыслы в определенных коммуникативных актах, при которых происходит рецепция текста, становятся или вторичными, то есть отходят на задний план, вытесняются индивидуальными смыслами, если полностью не утрачиваются. [Чурилина Л.Н., 2003: 12]. Процесс декодирования имплицитных смыслов обусловлен совпадением фоновых знаний автора и читателя и совпадением сведений о системе языка. Роль архаизмов в формировании подтекста произведения устанавливается при анализе таких понятий, как интертекстуальность и прецедентность.

Термин «подтекст» самой внутренней формой соотносится не с высказыванием, а с текстом. Традиционно рассматривать этот термин как основную единицу текста и даже особой текстовой категории (И.Р. Гальперин и мн. др.). Но является очевидным факт невозможности достижения полного понимания подтекста: возможно только приблизиться к постижению его смысла, так как смысл не является данностью, которая подстраивается под текст, ожидая того момента, когда ее извлекут; смысл, наоборот, всегда формируется в актах и интерпретации, не только чтения текста [Лучинская Е.Н., 2002: 147-148].

Подтекст нередко понимается как осознанно выбранная автором творческая манера воплощения явлений, которая находит объективное воплощение в языке произведений [Кухаренко В.А., 1974: 72]. Понимание подтекста как обобщенного понятия, включающего в себя не только разнообразные имплицитные смыслы, но и закономерно формирующие новые, собственно подтекстовые смыслы в пространстве текста [Александрова М.И., 2013: 8-9]. Так, хорошо известно, что во многих

произведениях А.И. Солженицына («В круге первом», «Раковый корпус» и др.) используется прием имплицитного диалога тоталитарного и антитоталитарного языка. Столкновение двух миров, которые взаимоисключают друг друга, но в то же время существуют в одной и той же действительности, порождает подтекст, который был в высшей степени значим для читателя-единомышленника.

Основная тенденция языкового развития с точки зрения современной лингвистики состоит в следующем «постулате»: языку присуща тенденция к передаче максимального количества информации в единицу времени, что достигается либо компрессией (уменьшением числа значимых единиц в пределах большой единицы), либо использованием суперсегментных средств языка, которую представляют на уровне содержания пресуппозиции.

Подтекст можно соотнести с такой категорией, как имплицитность, потому как соотносится он со скрытым смыслом, не выраженным словами, но, тем не менее, существующим (подобно тому как подводное течение невидимо, но существует). Ср. имплицитную информацию, которая, однако, легко считывается с опорой на библейские образы:

– Ваш билет, ваш билет, – однообразно повторяли контролеры, оборачиваясь то направо, то налево и медленно двигаясь к точке рандеву посреди вагона.

*За окном плыли багажные перроны, составы на запасных путях, семафоры, будки, штабеля шпал. Сверху мелькали решетчатые конструкции каких-то перекрытий. Молодой человек разглядывал все это очень внимательно и никак не реагировал на то, что **процесс разделения пассажиров на агнцев и козлиц** скоро зацепит и его (А. Иванов «Географ глобус пропил»).*

Ср. также:

Надо признать, что я в очень и очень многом согласен с Дмитрием Львовичем и сам, насколько могу, своими словами талдычу все то же самое.

О том, что при всех своих наглядных недостатках и вопиющем

ханжестве Советский Союз был куда более сложносочиненной системой, чем то, что мы наблюдаем ныне.

О том, что нашу страну может спасти только некоторое братское сверхусилие – с любой поставленной народом перед собою задачей, лучше даже нереальной. Главное, чтоб в решение этой задачи были вовлечены все граждане страны, включая находящихся у кормила (и пошла) (З. Прилепин «Публицист и Ко. Дмитрий Быков. Календарь»)

Кормило – ‘руль судна, кормовое весло, при помощи которого управляют ходом судна, лодки’ Ср.: То к небу, то в пропасть бросает Ладью без весла и кормила (А.К. Толстой «Вздываются волны как горы»). Архаизм используется в составе ФЕ: у кормила власти, у кормила правления, то есть ‘у власти, во главе управления’. Методом «народной этимологии» автор сближает это слово с глаголом кормить, сопоставляет его с глаголом поить и тем самым позволяет себе блестящую дерзость по отношению к власти.

В статье К. Баканова «Базарные дни» (Собеседник, 2013, № 27. С. 18), посвященной витебскому фестивалю «Славянский базар», читаем:

*От Аллы Пугачевой уже давно пора построить генеалогическое **древо**. Последним на сегодня звеном в этом **древе** стал бы ее рок-н-рольный внук Никита Пресняков <...> ...Президентский оркестр Белоруссии отжег на второстепенной площадке мировую рок-классику в симфонической обработке. Зал стоял на ушах! Но это событие прошло, увы. Незамеченным. Неудивительно: там **из древа** ну совсем никого не было.*

Имплицитные смыслы в тексте присущи даже незнаменательным частям речи:

*Вот-де – писали они каждый на свой лад, – живет себе писатель, имеет две машины, личного водителя и дачу строит, а сам при этом про какую-то революцию рассуждает. **Нехорошо-с** (З. Прилепин «Действительно не понимаю»).*

Тут, кстати, переметнулся к Разину весьма характерный тип –

приемный боярский сын Лазунка Жидовин, ну, если хотите, жид Лазарь. Так и остался он с атаманом и был вполне в чести. Любопытно-с (З. Прилепин «Снять черную ржавчинку, Вскрыть белую грудочку...»)

Возвратился. Докричался. Убедил.

Начинается привычный образ жизни-с...

Говорили же, когда он уходил,

Что теперь ему – в культуру или бизнес (Д. Быков «Петля Суркова» // Собеседник, 2013, № 36).

В общем, Крылов говорит вещи очевидные, которые в силу тех или иных причин не принято произносить вслух – моветон-с (З. Прилепин «Константин Крылов. Русские вопреки Путину»).

Как известно, частица *-с* употреблялась для придания речи учтивости, почтительности, подобострастия, что ярко отражено в классической русской литературе. Ныне эта частица (по происхождению – остаточный элемент вежливого обращения *сударь, сударыня*), в современных текстах – яркое средство создания иронии. Ср. помету в СБ: в современном употреблении – шутол. или с оттенком мягкой снисходительности в общении с равными или младшими по возрасту.

Литература, в которой значительное место занимает архаическая лексика, отличается от массовых коммерческих изданий более высоким интеллектуальным и художественным уровнем. Читателю «необходимо в очередной раз сдать тест на образованность» [Рахимкулова Г.Ф., 2003: 194]. Все виды архаической лексики могут быть экспликаторами имплицитной информации и способны участвовать в формировании подтекста произведения.

Выводы по третьей главе

Культурная парадигма XXI века предполагает свободное обращение с языком и поощряет языковые эксперименты, особенно в художественной литературе, манифестирует расширение интересов в области креативных возможностей языка как единой системы. Одним из путей «раскрепощения» языка является широкое вовлечение в общий оборот архаической лексики.

Архаическая лексика способна выполнять в современной литературе множество функций. Так, у А.И. Солженицына сам архаизированный язык его произведений участвовал в борьбе с тоталитаризмом (с так называемым «новоязом», который обслуживал нужды идеологии тоталитаризма). Язык «архаизированный» участвует в создании приема имплицитного, скрытого диалога между «новоязом» и коренным языком. Писателя привлекали языковые единицы, которые он называл «коренной струей языка». Работа, связанная с «языковым расширением» – это значительная часть индивидуальности и биографии А.И. Солженицына. Идиостиль А.И. Солженицына формируется в процессе движения к истокам русского языка, где он обнаруживает яркие и динамичные средства языкового выражения.

В идиостиле Б. Ахмадулиной отчетливо выражено стремление использовать древние формы, причем не только характерные для классической поэзии, но и редкие. Погружение в «архаику» у Б. Ахмадулиной неотделимо от новаторских исканий. Поэтесса обращается к архаике в поисках преемственности, поскольку ощущает свою неразрывную связь с культурой прошлых веков. Архаизмы привлекают Б. Ахмадулину в связи с тем, что сохраняют коннотации возвышенного, формируют интеллектуальный, эмоциональный и духовный подъем.

Для прозы З. Прилепина и многих других современных авторов характерно использование архаизмов как средства создания иронической модальности. Для идиостиля З. Прилепина характерно употребление нового слова, которое воспринимается как примета жизни последних десятилетий, в контекстах, отсылающих к прошлому, а также тропическое использование

архаизмов (*быковать, беспредельничать* в применении к реалиям XVIII века, с одной стороны, и *советские патриции с другой*). Архаические языковые единицы позволяют писателю выразить свое отношение к ситуации, а читателю – легко «декодировать» сообщение, поскольку устаревшие слова обладают мощным оценочным потенциалом.

У авторов, использующих архаику, представлено эстетическое отношение к языку всего народа, именно в их творчестве находят воплощение авторские, индивидуальные нормы, где выявляются те приращения смысла, которые характерны именно для данного автора.

Использование архаизмов в тексте порождает как типизированную (узуальную) имплицитность, так и окказиональную имплицитность. Архаизмы выступают средством репрезентации подтекста, нередко используются как аллюзии, скрытая цитация и при этом являются маркерами определенной эпохи и определенных идей.

В качестве иронизмов архаические единицы регулярны в таких жанрах, как пародия и эпиграмма.

Архаизмы способствуют общей образности художественных и публицистических текстов, понимаемой в смысле строгой системности всех элементов целого, когда изъятие даже одного элемента влечет неизбежную ущербность содержания

В сравнении с коммерческой и неизбежно поверхностной словесностью выгодно отличается проза, продолжающая национальные традиции и черпающая языковые средства из словесной архаики. Это литература высокого интеллектуального и художественного уровня, она предназначена для читателя, который не будет довольствоваться усредненностью и штампованностью.

Заключение

Архаические единицы являются в высшей степени интересным объектом для исследования, что определяется значимостью этого языкового пласта в лексической системе и в языковом сознании носителей русского языка.

Хотя при архаизации слово устраняется из арсенала стандартной языковой личности как неактуальное, неадекватное современным ценностям социума, оно продолжает свое существование как принадлежность компетенции образованных людей.

Архаизмы – это часть национального литературного языка, хорошо известная тем, кого можно считать элитарными языковыми личностями, и прежде всего – писателям.

Архаизмы – это чрезвычайно важное дополнение к общему (стандартному, усредненному) языку. Их особое назначение в русской лингвокультуре состоит не столько в том, чтобы передавать фактическую информацию, сколько в выражении сложных прагматических смыслов. Для ведущих мастеров слова XX-XXI вв. именно привлечение архаической лексики обеспечивает возможность говорить тем языком, в котором сильна связь с национальными корнями и традициями (что чрезвычайно важно в эпоху тотального господства шаблонного безликого языка «коммерческих» изданий).

Обращение к актуальной в том или ином отношении, выразительной архаике – это один из самых действенных способов «раскрепощения» и дестандартизации языка. Именно поэтому к архаической лексике наиболее охотно прибегают те авторы, которые считают человека хранителем всеобщего культурного опыта.

Архаизмы, являясь неактуальной частью языка с точки зрения массового функционирования, остаются живыми в сознании наиболее образованных носителей языка в силу своей культурной значимости – принадлежности к классическим текстам. Если в обществе сужается круг

людей, знающих и ценящих классические произведения, неизбежно происходит переход слов из живого лексического запаса в область пассивного словаря. Однако усилиями современных писателей и поэтов эта лексика может быть вновь актуализирована в пространстве лингвокультуры..

Анализ процесса архаизации позволяет установить изменение значимости концепта в лингвокультуре. Концепты, релевантные в советскую эпоху, и вербализующие их языковые единицы утрачивают свою значимость, о чем можно судить по динамике их представленности в корпусе современных художественных и публицистических текстов, что позволяет отметить намечающуюся тенденцию к их архаизации. Пласт устаревшей лексики в языке новейшего времени оказывается чрезвычайно подвижным (в силу динамичности современных социальных процессов).

Культурная парадигма рубежа XX-XXI вв. предполагает свободное обращение с языком, языковые эксперименты и креативность, особенно в художественных текстах. В эти эксперименты активно включается и лексика, которой свойственна стилистико-смысловая обращенность к прошлому. Современные художественные и публицистические тексты дают прекрасные примеры эффективного использования такой лексики для достижения «смысловой идентичности» и яркой выразительности (ср. использование архаизмов в публицистике А.И. Солженицына или в поэзии Б. Ахмадулиной). При этом «барьер» между реципиентом и текстом, создаваемый архаизмами-агнонидами, по сути, способствует воспитанию вдумчивого читателя, желающего вникать в суть каждой детали.

Не исключено, конечно, что то или иное архаичное слово или словосочетание ошибочно может истолковываться, что, в свою очередь, неизбежно приведет к искаженному пониманию художественного, нравственного и идейного смысла произведения. Только повышение общей читательской культуры может способствовать адекватному восприятию текста, насыщенного архаической лексикой.

В противоположность собственно архаизмам (противопоставленным

историзмам), прагматика, целесообразность употребления которых заключается в стилизации, функция историзмов, в первую очередь, номинативная, поскольку они являются исключительно возможными обозначениями соответствующих денотатов. Историзмы выполняют по большей части функцию изобразительную, а собственно архаизмы направлены на создание выразительности текста.

Конечно, при всей значимости такого языкового ресурса, как архаизмы, в условиях современной социокультурной ситуации он не является ядерным, то есть таким, без использования которого стандартная коммуникация невозможна. Однако, как мы пытались показать на протяжении всей работы, этот пласт чрезвычайно важен в художественных и публицистических текстах. Степень его важности такова, что в рамках этих дискурсов архаизмы никак не могут быть причислены к периферийным незначимым элементам. В ряде случаев роль архаизмов оказывается даже более существенной, чем роль «хронологически устойчивой» лексики. Совершенно очевидно, что понимание архаизмов как единиц «пассивной лексики» должно быть уточнено с учетом их особой роли в этих дискурсах. Семы, относящие языковую единицу к тому или иному культурному хронотопу, могут играть ключевую роль в системе текстообразования. И резкое сужение сферы использования архаизмов только увеличивает их изобразительно-выразительные возможности в художественном или публицистическом тексте. Высокие коннотации, свойственные архаизмам, экспрессивность и временная приуроченность выделяют их среди других стилистических категорий, делают их ценным средством художественного изображения действительности. Так как это редко употребляемые единицы, они контрастны к общеупотребительным лексемам. Они формируют чередование стандарта и экспрессивного напряжения в тексте. Архаизмы в художественном тексте (на фоне своих нейтральных синонимов) стилистически маркированы.

Наиболее ожидаемое использование архаизмов связано с их

возможностью служить в качестве темпорального показателя эпохи: для достоверного отражения исторических событий писателю необходимо найти адекватные языковые средства, поскольку принцип историзма художественного отражения предполагает не только исторически точное раскрытие идеи, но и точное ее художественное воплощение с помощью языковых средств. Хорошо известно, что выход языковых единиц из употребления является постепенным, что процесс архаизации слов и выражений более длителен, чем процесс освоения новых языковых единиц. Слова постепенно переходят из разряда обычных, активных элементов в разряд архаизмов. Недаром лексикологи стремятся разграничить устаревшие и устаревающие слова. Именно подвижность, нечеткость границ между ядром и архаичной периферией. Как известно, стилистическая маркированность в синтагматике может не совпадать со стилистическими характеристиками в парадигматике. Отмеченные словарями как высокие и торжественные архаизмы нередко служат средством создания иронии и сарказма.

Понятие архаизма антропоцентрично по своей природе. Вовлечение архаизмов в систему текстообразования характеризует языковую личность автора, его индивидуальный внутренний лексикон. В результате архаизации в качестве неактуального в современном коммуникативном пространстве, неадекватного культурным ценностям современности слово из арсенала стандартной языковой личности удаляется, оно перестает употребляться в спонтанной речи, и именно по этой причине в лексиконе писателя архаичная лексика становится важнейшим средством формирования авторского идиостиля. Наши наблюдения неоспоримо свидетельствуют о том, что роль этих единиц в качестве средства тропеизации чрезвычайно велика, и особенно это справедливо по отношению к авторам, которых принято называть «архаистами-новаторами».

Нацеленность устаревших единиц языка на усиление изобразительности и выразительности порой не входила в поле внимания

исследователей. Именно вследствие этого понимание архаизмов в качестве тропеических средств не является общепринятым.

В нашей работе отстаивается положение о том, что архаизмы являются тропами тождества (при этом троп понимается расширительно – как преобразование, а не только как переносное употребление), что употребление архаизмов в публицистических и художественных текстах является реализацией их тропеических функций.

Важная функция архаизмов состоит в том, что они являются маркерами подтекста. Устаревшая лексика органично существует в идиостиле крупнейших поэтов и прозаиков XX-XXI вв., являясь средством выражения авторской точки зрения и авторской оценки.

Устаревшие слова выполняют номинативно-стилистические функции, однако прагматическая функция нередко преобладает, особенно – у собственно архаизмов и оттесняет собственно номинативно-сигнификативную. Способствуя воссозданию колорита эпохи, устаревшая лексика в то же время служит стилистическим архаизирующим средством ее художественной характеристики, т.е. выступает как своеобразный хронологический маркер.

Архаизмы являются ценнейшим материалом не только с точки зрения языкового наследия, но и с точки зрения исследования языка современного, поскольку они – неотъемлемая часть русского языка, которая помогает осмыслению общих законов развития языка в широком историко-культурном контексте.

Архаизмы как тропеическое средство функционируют в качестве аксиологического маркера, который характеризуется амбивалентностью (семантические преобразования данных единиц позволяют актуализировать различные оценочные коннотации, как позитивные, так и негативные, закрепленные или стабилизирующиеся в конкретной лингвокультуре).

Хорошо известно, что социальные процессы последних десятилетий фактически привели к экологическому кризису современного русского языка,

оскудению речевого общения на русском языке. Идет стремительное сокращение словарного запаса не только отдельных социальных групп носителей языка, но сокращение национального словаря в целом. Все «приобретения» русского языка последних лет – «не из коренной струи», это заимствованные англо-американизмы или легализовавшиеся в новых обстоятельствах жаргонизмы.

В этих условиях самые авторитетные представители русской лингвокультуры предлагают «пути спасения», например – работа над «проективным» словарем (М.Н. Эпштейн и его последователи). На наш взгляд, более продуктивен и действен иной путь, почти тридцать лет назад предложенный А.И. Солженицыным, – сознательное и целенаправленное возвращение в активный обиход тех архаичных слов, которые еще вполне жизнеспособны и выразительны.

Хотя идеи А.И.Солженицына, связанные с «языковым расширением», не раз подвергались критике или просто замалчивались, практика ведущих мастеров слова показывает продуктивность этих идей, ибо многие писатели сегодня идут именно этим путем. Они хорошо осознают, как велика роль архаизмов в коммуникативном взаимодействии разных поколений нации, как значительны архаизмы для сохранения культурного достояния нации. Только если учитывать все лексические пласты, не будут погублены усредненным стандартом богатейшие возможности русского языка.

В связи с этим чрезвычайно актуальными представляются идеи Г.Г. Хазагеров о разграничении «ближней» и «дальней» прагматики. «Ближней» прагматике соответствуют высказывания, полностью обособленные данным речевым актом, а «дальней» – такие высказывания, которые служат поддержанию всего пространства коммуникации во имя общего блага носителей языка [Хазагеров, 2006]. «Сбережение» архаического фонда, безусловно, соответствует кардинальным целям всего лингвокультурного сообщества, ибо всеобщее благо состоит в сохранении высокой культурной планки.

В.Г. Костомаров [1999: 52-53] отмечал, что сочленение, смещение, совмещение любых языковых единиц является одной из черт «языкового вкуса». Такая ориентация является двойственной – возрождение, восстановление старинной книжной лексики и использование новейших номинаций, характеризующих современные реалии. Ретроспективность означает обращение к старинным корням и опору на национальную идентичность.

В современном обществе остается свободной вакансия высокого пафосного языка, поскольку изменившиеся социальные условия сделали невозможными пафосные советизмы, но ничего нового взамен предложено не было.

Современный общественный язык «хромает на обе ноги» [Хазагеров Г.Г., 2006]. Думаем, что дефицит пафосного языка может быть преодолен в том числе и за счет лексики, ушедшей на периферию в начале XX века.

Новый пафосный язык должен опираться на интересную архаику, в которой воплощены традиции и национальная самобытность. Можно сказать, что этот процесс уже начался (ср. активную «рearхаизацию» историзмов и архаизмов в публицистике новейшего времени). Полагаем, что и в целом экологический кризис русского языка может быть преодолен с помощью активной работы, связанной с возвращением архаической лексики.

Перспективным представляется дальнейшее совершенствование лексикографической практики: создание словаря архаизмов как тропеического средства, уточнение лексикографических дефиниций в авторских словарях, создание авторских словарей писателей и поэтов второй половины XX – начала XXI века. Перспективы исследования видятся также в дальнейшем анализе коммуникативно-прагматического потенциала архаизмов в различных типах текста с учетом лингвокультурной специфики.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции [Текст] / С.С. Аверинцев. – М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. – 446 с.
2. Азиз Т. Редкая и устаревшая субстантивная лексика в произведениях А.П. Чехова [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / А. Тасхин. – Воронеж. 2009. – 164 с.
3. Александрова М.И. Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.И. Александрова. – Ростов н/Д. 2013. – 24 с.
4. Алпатов А.В. Стилизация речи [Текст] / А.В. Алпатов // Русская речь, 1970. № 4. – С. 16-20.
5. Амелин М. Фри-джаз для Одиссея [Текст] / М. Амелин // Российская газета. 2013. № 101.
6. Амелин М. «Я работаю на стыке XVIII столетия и современности. И это совсем не постмодернизм». Интервью газете «Культура» [Текст] / М. Амелин // Культура. 2004. № 25.
7. Амелин М., Кукулин И., Отрошенко В. Язык как главный герой [Текст] / М. Амелин, И. Кукулин, В. Отрошенко // Знамя. 2007. № 8.
8. Античные риторика. Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция проф. А.А.Тахо-Годи [Текст]. – М.: Изд-во Московского университета. 1978. – 351 с.
9. Античные теории языка и стиля / Под ред. О. Фрейденберга [Текст]. М.-Л.: ОГИЗ – СоцЭкГиз, 1936. – С. 181-268.
10. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Т. 2. – М.: Языки русской культуры. 1995. – С. 135-177.
11. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) [Текст] / Ю.Д. Апресян // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М.:

Наука. 1992. – С. 45-64.

12. Арапов М.В. Пассивный словарь [Текст] / М. В.Арапов // Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. – С. 369.

13. Бабкин А.М. Устарелые слова в современном языке и словаре // [Текст] / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л.: Наука. 1983. – С.4-33.

14. Багаев, Е.Г. Старые русские меры [Текст] / Е.Г. Багаев // Русская речь. 1997. № 3. – С.71-73.

15. Барлас Л.Г. О лексической норме [Текст] / Л.Г. Барлас // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи. Межвузовский научный сборник. – Саратов: Издательство Саратовского университета. 1985. – С. 3-21.

16. Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., Прогресс. 2000. – С. 247-311.

17. Барт Р. Нулевая степень письма// Семиотика. М.: Академический проект. 2001. – С.327-370.

18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: Сб. избр. тр. [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство. 1979. – 423 с.

19. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М.М. Бахтин. // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Искусство. 1975.

20. Бек Т. Сев на Пегаса задом наперёд, или Здравствуй, архаист-новатор! [Текст] / Т. Бек // Дружба народов. 1997, № 11; <http://magazines.russ.ru/druzhba/1997/11/bek.html>

21. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика [Текст] / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 2001. – 439 с.

22. Белл Р.Т. Социоллингвистика / Пер. с англ. В.А. Виноградова [Текст] / Р.Т. Белл. – М.: Международные отношения. 1980. – 318 с.

23. Белоусова А.С. Устаревшие слова [Текст] / А.С. Белоусова //

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия». 1998. – С.540.

24. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты [Текст] / И.В. Беляева. – Ростов н/Д: Издательство СКАГС. 2008. – 244 с.

25. Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы) [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / З.Ф. Белянская. – М.,1978. – 20 с.

26. Бестужев-Марлинский А.А. Вопросы истории и развития русского языка [Текст] / А.А. Бестужев-Марлинский // Сын Отечества, 1822. № 20. – С. 254-258.

27. Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) [Текст] / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. 1994. № 2. – С. 29-42.

28. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.Л. Борухов. – Саратов, 1989. – 17 с.

29. Борухов Б.Л. Стиль и вертикальная норма [Текст] / Б.Л. Борухов // Стилистика как общепилологическая дисциплина. Сборник научных трудов. – Калинин. 1989. – С. 4-21.

30. Брагина А.А. Актуальные слова: школа, лицей, гимназия, колледж [Текст] / А.А. Брагина // Русский язык в школе. 1997. № 1. – С. 101-106.

31. Брагина А.А. Новая жизнь старых слов: О воинских званиях [Текст] / А.А. Брагина // Русская речь. 1978. №6. – С.77-83.

32. Брусенская Л.А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка [Текст] / Л.А. Брусенская. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского госпедуниверситета. 1997. – 236 с.

33. Брусенская Л.А. В чем состоит экологический подход к языку? [Текст] / Л.А. Брусенская // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. 2012. № 3. – С. 149-156.

34. Будагов Р.А. История слов в истории общества [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение. 1971. – 270 с.

35. Булахова О.Н. Эволюция жанрово-стилистического использования документальных текстов, устаревших и нелитературных языковых средств в советском историческом романе о Степане Разине: На материале произведений А. Чапыгина «Разин Степан», С. Злобина «Степан Разин», В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Булахова. – Ставрополь. 2003. – 24 с.

36. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому языку [Текст] / Л.А. Булаховский. – Киев: Рад. школа. 1958. – 488 с.

37. Бурвицова, Н.Д., Костомаров, В.Г. Логоепистемическая составляющая современного языкового вкуса [Текст] / Н.Д. Бурвицова, В.Г. Костомаров // Филологические науки. 2008. № 2. – С. 3-11.

38. Бухарева Л.П. Лингвоэкологические факторы процессов оптимизации языкового поведения: на материале Республики Марий Эл [Текст]: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Л.П. Бухарева. – М. 2009. – 22 с.

39. Бухарева Н.Т. Архаизмы и историзмы в современном русском языке [Текст] Н.Т. Бухарева // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: Наука. 1986. – С.5-16.

40. Вариченко Г.В. Новая жизнь старых слов: Лингвистические заметки [Текст] / Г.В. Вариченко // Русский язык в школе. 1990. № 3. – С.72-77.

41. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.

42. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А.Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

43. Виноградов В.В. История русского литературного языка [Текст] / В.В. Виноградов. – М. Наука. 1978. – 360 с.

44. Виноградов В.В. О языке художественной литературы [Текст] /

- В.В. Виноградов. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. – 653с.
45. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз. 1938. – 254 с.
46. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа. 1981. – 320 с.
47. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. - М.: Высшая школа. 1972. – 614 с.
48. Винокур Г.О. Культура языка. Изд-е 2 [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: Изд-во Федерация, 1929. – 336 с.
49. Винокур Г.О. О задачах истории языка [Текст] / Г.О. Винокур // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 220-234.
50. Винокур Г.О. О понятии поэтического языка [Текст] / Г.О. Винокур // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа. 1991. – С. 24-31.
51. Воздвиженский В. Солженицын? Который? [Текст] / В.Воздвиженский // Огонек. 1991. № 4. – С. 27-29.
52. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд-е 7-е [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
53. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А.Н. Гвоздев. – М.: Учпедгиз. 1955. – 366 с.
54. Гинзбург Л.В. Разбилось лишь сердце мое... [Текст] / Л.В. Гинзбург // Гинзбург Л.В. Избранное. – М.: Советский писатель. 1985. – С. 229-424.
55. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований [Текст] / О.И. Глазунова. СПб. 2000. – 340 с.
56. Гликман К. Новый талантливый, но... Захар Прилепин [Текст] / К. Гликман // Вопросы литературы. 2011. № 2.
57. Головач Э.А. ИмPLICITные особенности морфологии имени прилагательного [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Головач.

– М. 1992. – 20 с.

58. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь [Текст] / Н.И. Голубева-Монаткина // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-68.

59. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. М.: Просвещение. 1971. – 270 с.

60. Горький М. О языке [Текст] / М. Горький // Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. XVII. – М.: Художественная литература, 1953. – С. 164-168.

61. Гранин Д.А. О милосердии [Текст] / Д.А. Гранин // Гранин Д.А. Точка опоры: Статьи. Беседы. Портреты. М.: АПН, 1989. – С. 60-68.

62. Грановская Л.М. Галлицизмы: современный этап заимствования [Текст] / Л.М. Грановская // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа. – М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2006. – С. 155-164.

63. Граудина Л.К., Ширяев, Е.Н. Культура русской речи [Текст] / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М., 2003.

64. Григорьев В.П. Тропы [Текст] / В.П. Григорьев // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.

65. Груздева Е.В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Груздева.- СПб, 1996. – 22 с.

66. Губайловский В. Нежность к бытию [Текст] / В. Губайловский // Дружба народов. 2001. № 8.

67. Гунченко И.М. ИмPLICITНЫЙ компонент фразеологической семантики в современном английском языке (на материале субстандартных фразеологических единиц) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / И.М. Гунченко. – М., 1994. – 175 с.

68. Дворникова Е.А. Проблемы изучения традиционно-поэтической лексики в современном русском языке [Текст] / Е.А. Дворникова // Вопросы

лексикологии. – Новосибирск. 1977. – С. 141-145.

69. Джеус Н.А. Архаизмы в молодежном жаргоне [Текст] / Н.А. Джеус // Научная мысль Кавказа. Приложение № 15. – Ростов н/Д. 2006. – С. 348-352.

70. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. Дейк // Сост. В.В. Петров. – М.: Прогресс. 1989. – 312с.

71. Добродомов И.Г. *Куростройство и ферлакурство* (о фразеологизме *строить куры*) [Текст] / И.Г. Добродомов // Русский язык в школе. 1997. № 1. – С.92-96.

72. Добродомов И.Г. О словарях редких и устарелых слов Добродомов И.Г. // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Вологда: «Русь». 1998. – С. 84-85.

73. Долинин К.А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) [Текст] / К.А. Долинин // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского университета / Гл. ред. Л.А. Вербицкая. – СПб: СПбГУ, 2004. – С. 607-621.

74. Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика. Пер. с франц. Е.Э. Разлоговой и Б.П. Нарумова [Текст] / Ж. Дюбуа, М. Эделин. – М., Прогресс. 1986. – 390 с.

75. Еднералова Н.Г. Устаревшая лексика русского языка новейшего периода и ее восприятие языковым сознанием современных школьников [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Еднералова. – Воронеж, 2003. – 242 с.

76. Емельянова О.Н. О «пассивном» словарном запасе языка и «устаревшей» лексике [Текст] / О.Н. Емельянова // Русская речь. 2004. – № 1.

77. Ермакова О.С. Ирония среди тропов [Текст] / О.С. Ермакова // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.172-181.

78. Ерофеев В. Новое и старое в языке. Заметки о творчестве Б.

Ахмадулиной [Текст] / В. Ерофеев // Октябрь, 1987, № 5. – С. 191-192.

79. Ефимов А.И. О языке художественных произведений [Текст] / А.И. Ефимов // Ефимов А.И. – М.: Учпедгиз, 1954. – 288 с.

80. Журавлева Н.Г. Феномен «модного» слова. Монография [Текст] / Н.Г. Журавлева. – Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2009. – 167 с.

81. Зарецкая Н.Н. Грамматические девиации в прозе А.И. Солженицына: лингвокультурологический анализ [Текст]: Дис... канд. филол. наук / Н.Н. Зарецкая. – Ростов н/Д., 2001. – 158 с.

82. Зарецкая Н.Н. Тоталитарный и антитоталитарный язык в художественной прозе А.И. Солженицына [Текст] / Н.Н. Зарецкая // Единицы языка в функционально-прагматическом аспекте (межвузовский сборник). – Ростов н/Д: РГПУ, 2000. – С. 74-78.

83. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90-141.

84. Земская Е.А. Введение к коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» [Текст] / Е.А. Земская. – М. Языки русской культуры. 1996. – С. 9-29.

85. Золотарева С.А. Ирония как деструкция знака [Текст] / С.А. Золотарева // Русский язык и активные процессы в современной речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Ставрополь. 2003. – 355-358.

86. Зубова Л.В. Грамматические архаизмы в современной поэзии [Текст] / Л.В. Зубова // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию В.В. Виноградова. Тезисы докладов. – М. 1995. – С. 295-296.

87. Зубова Л.В. О семантической функции грамматических архаизмов в поэзии М. Цветаевой [Текст] / Л.В. Зубова // Вопросы стилистики. Межвуз. научн. сб. – Саратов, 1982. – С. 46-60.

88. Зубова Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи Марины Цветаевой [Текст] / Л.В. Зубова // Зубова Л.В. – Л.: Изд-во ЛГУ.

1987. – 88 с.

89. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект [Текст] / Л.В. Зубова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 264 с.

90. Зубова Л.В. Реставрация древних грамматических свойств и отношений в поэзии постмодернизма [Текст] / Л.В. Зубова // Историческая стилистика русского языка. Сб. научн. трудов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 1988. – С. 304-317.

91. Иванов Вяч. Вс. К исследованию архаизмов в «Памятнике» Пушкина [Текст] / Вяч. Вс. Иванов // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Статьи о русской литературе. Т. II. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 62-67.

92. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему [Текст] / Вяч. Вс. Иванов // Иванов Вяч. Вс. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 192 с.

93. Иванова Н.Н. Высокая и поэтическая лексика [Текст] / Н.Н. Иванова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М.: Наука. 1977. – С. 7-77.

94. Изер В. Историко-функциональная текстовая модель литературы [Текст] / В. Изер // Вестник МГУ. Сер. 9 Филология. 1997. № 3. – С. 121- 128.

95. Исаева Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Л.А. Исаева. – Краснодар. 1996. – 44 с.

96. Исаева Л.А. Смысловый потенциал художественного текста [Текст] / Л.А. Исаева // Потенциал русского языка: проблемы и решения. – Краснодар: Изд-во КубГУ. 1997. – С. 66-90.

97. Каданцева Е.Е. Культурологические аспекты архаизации лексического состава современного русского языка [Текст] / Е.Е. Каданцева // Вестник МГУ. Сер. 19. 2005. – № 1.

98. Каданцева Е.Е. Явление архаизации в словарном составе современного русского языка: по изданиям «Словаря русского языка» С.И.

Ожегова [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Каданцева Е.Е. – М. 2007. – 21 с.

99. Кадырина А.А. «Язык циклопов», или чему Максим Амелин учится у собеседников из XVIII века (своеобразие синтаксиса стиха) / А.А.Кадырина // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2006. – Т.1. – С.244-247.

100. Какорина Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации [Текст] / Е.В. Какорина // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М.: Языки славянских культур. 2008. – С. 495-547.

101. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) [Текст] / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 67-89.

102. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: «Гнозис». 2002. – 333 с.

103. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: «Гнозис», 2004. – 390 с.

104. Карасик В.И. Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: «Парадигма», 2007. – 519 с.

105. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья [Текст] / Ю.Н. Караулов // Вопросы языкознания. 1992. – № 6. – С. 5-18.

106. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на 6-м конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105-126.

107. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения

[Текст] / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М.: Наука. 1989. –С. 3-15.

108. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов // Караулов Ю.Н. – М.: Наука. 1987. – 261 с.

109. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Текст] / Ю.Н. Караулов // Караулов Ю.Н. – М.: Наука. 1992. – 168 с.

110. Карцевский С.И. Язык, война и революция // Из лингвистического наследия / Сост. И.И. Фужерон [Текст] / С.И. Карцевский. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 215-266.

111. Карцевский С.О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака [Текст] / С.О. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение. 1965. – 495 с.

112. Касевич В.Б. Язык экологии и экология языка [Текст] / В.Б. Касевич // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 57-69.

113. Киселева Н.М. Из наблюдений над использованием архаических форм в художественном тексте [Текст] / Н.М. Киселева // Функционирование архаических и новых элементов в системе русского языка. – М.: Наука, 1986. – С. 88-91.

114. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Монография [Текст] / Э.А. Китанина. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2005. – 315 с.

115. Клепач Е.В. Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Клепач. – М. 2000. – 210 с.

116. Колобаева Л. «Крохотки» [Текст] / Л. Колобаева // Литературное обозрение. 1999. –№1. – С. 41-43.

117. Кононова Н.С. Архаическая лексика и фразеология и ее экспрессивно-стилистические функции в произведениях Н.С. Лескова [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Кононова. – Саратов, 1966.

– 15 с.

118. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история //Новое в лингвистике. - М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып.3. – С.143-309.

119. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст. 1999. – 320 с.

120. Котюрова М.П. Субъектность речи (текста) [Текст] / М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Изд-е 2, испр. и доп. – М.: Флинта: Наука. 2006. – С. 517-523.

121. Котюрова М.П. Языковая личность [Текст] / М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Изд-е 2, испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 660-661.

122. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М.А. Кронгауз. – М.: Языки славянских культур. 2008. – 229 с.

123. Крысин Л.П. Активные процессы в русском языке конца XX-начала XXI века [Текст] / Л.П. Крысин // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур. 2008. – С. 13-32.

124. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 883 с.

125. Крысин Л.П. Толерантность языковой нормы [Текст] / Л.П. Крысин // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р.И. Розина. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2006. – С. 175-184.

126. Крысин Л.П. Языковая норма: жесткость vs. толерантность [Текст] / Л.П. Крысин // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс. – М.: Азбуковник. 2003. – С. 57-65.

127. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова

// Язык и наука конца XX века. Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Институт языкознания РАН. 1995. – С. 206-227.

128. Кубрякова Е.С., Александрова, О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции. – М.: МГОПИ, 1999. – С. 186-197.

129. Кудрявцева М.И. Подтекст как часть прагматической структуры текста [Текст] / М.И. Кудрявцева // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы II Международной научной конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2009. – С. 155-156.

130. Кузьмин В.В., Рассказы А.И. Солженицына: проблемы поэтики [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / В.В. Кузьмин. – М., 1997. –180 с.

131. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. Монография [Текст] / Э.Г. Куликова. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ». 2004. – 300 с.

132. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Э.Г. Куликова. – Краснодар, 2004. – 42 с.

133. Куликова Э.Г. Языковая и правовая норма в современной России: функциональное и структурное сходство [Текст] / Э.Г. Куликова // Социально-гуманитарные знания. 2008. – № 8. – С. 500-509.

134. Куликова Э.Г., Беляева, И.В. Толерантная языковая и командная правовая норма: манипулирование как нарушение этической нормы [Текст] / Э.Г. Куликова, И.В. Беляева // Философия права. 2009. –№ 4. –С.77-81.

135. Куликова Э.Г. Культурная парадигма эпохи постмодернити: языковая норма [Текст] / Э.Г. Куликова // Философия права. 2010. №3. – С.37-42.

136. Куликова Э.Г. Социальный проект «Культура речи» как объединительная идея современной России [Текст] /Э.Г. Куликова// Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Формирование российской идентичности как фактор национальной

безопасности». Москва – Майкоп – Ростов н/Д. 2014. – С.141-146.

137. Куликова Э.Г. Языковая небрежность и неадекватные образцы в культурном пространстве современной России [Текст] /Э.Г. Куликова //European Social Science Journal. (Европейский журнал социальных наук). 2014. – №3. Том 2. – С.253-259.

138. Курочкина Л.В. Интенциональные грамматические формы существительных в современном русском языке [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Курочкина. – Ростов н/Д. 1999. – 21 с.

139. Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной прозе (на материале прозы Э. Хемингуэя) [Текст] / В.А. Кухаренко // Филологические науки. 1974. № 1. – С. 68-78.

140. Кушлина О. <http://www.litkarta.ru/dossier/o-kushlina-o-knige-l-zubovoi/>

141. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы [Текст] / Б.А. Ларин. // Ларин Б.А. – М.: Просвещение. 1977. – 224 с.

142. Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов [Текст] / Ю.И. Левин // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 542-558.

143. Лесных Е.В. Архаизация лексики русского языка XX века / [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Лесных. – Елец, 2002. – 21 с.

144. Лесных Е.В. Архаизация советизмов [Текст] / Е.В. Лесных // Русистика. Лингводидактика. – Липецк, 1999. – С. 69-74.

145. Лесных Е.В. Процессы архаизации общественно-политической лексики в 20-30-е гг. XX в. [Текст] / Е.В. Лесных // Исследования по русскому и общему языкознанию. – Липецк, 2000. – С. 69-80.

146. Лесных Е.В. Процессы архаизации экономической лексики русского языка в 20-30-е гг. XX в. [Текст] / Е.В. Лесных // Исследования до русскому и общему языкознанию. – Липецк, 2000. – С. 80-88.

147. Лесных Е.В. О взаимодействии лингвистических и экстралингвистических факторов архаизации лексики [Текст] / Е.В. Лесных // Русский язык. Лингвистические наблюдения. – Липецк, 2000. – С. 99-107.

148. Лесных Е.В. К вопросу о классификации устаревшей лексики [Текст] / Е.В. Лесных // Русский язык. Лингвистические наблюдения. – Липецк, 2000. – С. 107-120.

149. Лихачев Д.С. Культура как целостная динамическая система [Текст] / Д.С. Лихачев // Вестник РАН. 1994. – № 8. – С. 12-17.

150. Лихачев Д.С. Текстология (На материале русской литературы X-XVII веков) [Текст] / Д.С. Лихачев. – М.: Наука. 1983. – 639 с.

151. Лобас П.П. Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.П. Лобас. – Ростов н/Д, 2011. – 19 с.

152. Лобас П.П. Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики). Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д. 2011. – 140 с.

153. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке [Текст] / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Сочинения. – М.: Современник, 1987. – С. 248-252.

154. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха [Текст] / Ю.М. Лотман // Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб, 1996. – С. 81-90.

155. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1981 (I). Вып. 515. – С. 3-7.

156. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В.А. Лукин. – М.: Издательство «Ось-89». 2011. – 560 с.

157. Лучинская Е.Н. Герменевтические техники для понимания постмодернистского дискурса [Текст] / Е.Н. Лучинская, // Филология как

средоточие знаний о мире. Сборник научных трудов. – Москва-Краснодар: Просвещение-Юг. 2008. – С. 312-317.

158. Лучинская Е.Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Монография [Текст] / Е.Н. Лучинская. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2002. – 197 с.

159. Лучинская Е.Н., Симоненко М.Ю. Семиотический подход к изучению смысла текста [Текст] / Е.Н. Лучинская, М.Ю. Симоненко // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. / Под ред. В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. – С. 193-201.

160. Лушникова Г.И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии [Текст]: Дис. ... докт. филол. наук. / Г.И. Лушникова. – Кемерово. 2010. – 350 с.

161. Макеева М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия [Текст] / М.Н. Макеев. – Тамбов: изд-во ТГУ, 2000. – 220 с.

162. Максимов В.Е. Год Солженицына [Текст] / В.Е. Максимов // Литературная газета. 1991. № 11. – С. 10.

163. Малащенко М.В. Имя в парадигмах лингвопрагматики. Монография [Текст] / М.В. Малащенко. – Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет. 2003. – 312 с.

164. Мелихова Е. В. Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Мелихова. – Ростов н/Д. 2008. – 170 с.

165. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность) [Текст] / Ю.И. Минералов // Минералов Ю.И. – М.: Владос. 1999. – 360 с.

166. Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития (На материале русского литературного языка XVIII в.) [Текст]:

Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Михайлова. – Киев, 1987. – 15 с.

167. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнографические очерки фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко, В.М. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1986. – 280 с.

168. Молдованова Л.И. Устаревшие слова в языке и публицистическом тексте: структура и особенности функционирования [Текст] / Л.И. Молдованова // Филология как средоточие знаний о мире: Сборник научных трудов. – Москва-Краснодар: Просвещение-Юг. 2008. – С. 81-85.

169. Моль А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль / Пер. с франц. М.: Прогресс. 1973. – 290 с.

170. Моррис Ч. Основания теории знаков [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика. Антология. М.: «Академический проект»; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. – С. 45-97.

171. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию [Текст] / В.В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука. 1988. – С. 131-138.

172. Нагорная Е.В. Соотношение эксплицитной и имплицитной информации [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Нагорная. – М. 2003. – 22 с.

173. Нестеренко Д.Д. Лексическая категория архаичности в русском языке начала XIX в. [Текст] / Д.Д. Нестеренко // Семантика языковых единиц / Доклады IV Международной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 1998. – С. 312-315.

174. Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика [Текст] / М.Н. Нестеров // Нестеров М.Н. – Смоленск-Брянск, 1988. – 88 с.

175. Нефедьева Л.И. Особенности современного употребления стилистических славянизмов в религиозно-нравственной (духовной) речи [Текст] / Л.И. Нефедьева // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со

дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 275-282.

176. Нива Ж. Мир Солженицына [Текст] / Ж. Нива // Нива Ж. – М.: Прогресс. 1990. – 302 с.

177. Никитин М.В. Предел семиотики [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. 1997. – №1. – С. 3-14.

178. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы [Текст] / Н.А. Николина // Николина Н.А. – М.: ИТДГК «Гнозис». 2009. – 336 с.

179. Николина, Н.А. Филологический анализ текста [Текст] / Н.А. Николина // Николина Н.А. – М.: Академия, 2003. – 256 с.

180. Новиков Вл. Роман с языком [Текст] / Вл. Новиков. – М.: Зебра Е, АСТ. 2007. – 416 с.

181. Павловская О.Е. Стиль как прототипическая категория гуманитарных наук (системно-терминологический аспект) [Текст]: Дис. ... докт. филол. наук / О.Е. Павловская. – Краснодар. 2007. – 328 с.

182. Петрова Г.И. Структурно-семантическая организация и функционирование фразеологизмов с архаическим компонентом в русском языке: С позиции носителя болгарского языка [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Г.И. Петрова. – М. 2000. – 193 с.

183. Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. Монография [Текст] / Л.В. Поляков. – М.: ИФ РАН. 1998. 202с.

184. Попов Р.Н. Архаичные глагольные формы в устойчивых словосочетаниях [Текст] / Р.Н. Попов // Русский язык в школе. 1965. – № 4. – С. 72-78.

185. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слова [Текст] / Р.Н. Попов. – М.: Наука. 1976. – 200 с.

186. Попов Р.Н. Архаичные глагольные формы в устойчивых словосочетаниях [Текст] / Р.Н. Попов. // Русский язык в школе. 1965. – № 4. – С. 72-78.

187. Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 16 томах [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Изд. АН СССР. 1937. т. II.
188. Рахимкулова Г.Ф. Игровая поэтика и игровая стилистика [Текст] / Г.Ф.Рахимкулова // Филологический вестник РГУ. 2000. – № 1. – С. 3-11.
189. Рахимкулова Г.Ф. Олакрез Нарцисса. Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры [Текст] / Г.Ф.Рахимкулова // Рахимкулова Г.Ф. – Ростов н/Д. 2003. – 318 с.
190. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / О.Г. Ревзина. – М. 1996. – 48 с.
191. Ревякин А.И. О социально-эстетической роли архаизмов [Текст] / А.И. Ревякин // Вопросы филологии. – М.: Наука, 1969. – С. 398-406.
192. Романенко А.П. Особенности современной словесной культуры [Текст] / А.П. Романенко // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры. 2007. – С. 506-519.
193. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ риторика [Текст] / А.П. Романенко. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2000. – 212 с.
194. Русская грамматика [Текст] / Т. 1. – М.: АН СССР, Институт русского языка. 1980. – 783 с.
195. Русский язык зарубежья [Текст] / Под ред. Е.В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРССС. 2001. – 344 с.
196. Русский язык и советское общество (РЯСО). Лексика современного русского литературного языка [Текст]. – М. Наука. 1968. – 230с.
197. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) [Текст]. – М.: «Языки русской культуры». 1996. – 480 с.
198. Савчук Л.О. Системные отношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного/пассивного запаса) [Текст]: Автореф.

дис. ... канд. филол. наук / Л.О. Савчук. – М. 1996. – 21 с.

199. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учебное пособие. – 2-е изд., стер. М.: Флинта. 2012. – 510 с.

200. Сандлер Л.Л. Речевое воплощение эпохи Петра I в художественной прозе: (На материале произведений XIX-XX вв.) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Л. Сандлер. – Воронеж, 1995. – 22 с.

201. Санников В.З. Русская языковая шутка. От Пушкина до наших дней [Текст] / В.З. Санников. – М., Аграф, 2003. – 556 с.

202. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. – М.: Языки русской культуры. 1999. – 541 с.

203. Северская О. Говорим по-русски с Ольгой Северской [Текст] / О. Северская. – М.: СЛОВО/SLOVO. 2004. – 256 с.

204. Силкина Н.С. Проблемы передачи архаизмов, диалектизмов и заимствований при переводе прозы XIX – XX веков на русский язык: На материале французского и английского языков [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Силкина. – М., 2000. – 23 с.

205. Складорова Н.Г. Проблема имплицитности в информативно-коммуникативном аспекте [Текст] / Н.Г. Складорова // Язык. Дискурс. Текст: II Международная конференция, посвященная юбилею профессора Г.Ф. Гавриловой: Труды и материалы. Ч. II. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ. 2005. – С. 82-85.

206. Смолина К.П. Рухлядь – богатство, рухлядь – старье [Текст] / К.П. Смолина // Русская речь. 1981. № 3. – С. 129-134.

207. Солженицын А.И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 / А. Солженицын // Новый мир. 2000. № 5. – С. 186-189.

208. Солженицын А. Богатырь: К 90-летию со дня рождения А.Т. Твардовского [Текст] / А. Солженицын // Новый мир. 2000. – № 6. – С. 129-130.

209. Солженицын А. Речь при вручении Большой премии

Французской академии моральных и политических наук [Текст] / А. Солженицын // Москва. 2001. – №1. – С. 132-134.

210. Солженицын А. Слово при вручении литературной премии Константину Воробьеву и Евгению Носову 25 апреля 2001 г. [Текст] / А. Солженицын // Новый мир. 2001. – №5. – С. 179-182.

211. Солженицын, А. Потёмщики света не ищут [Текст] / А. Солженицын // Литературная газета. 2003. 22-28 октября (№ 43). – С. 3.

212. Солиева К.А. Эволюция архаичных элементов в газетной лексике советской эпохи [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Солиева. – М. 1985. – 25 с.

213. Солнцев В.М. Вариантность [Текст] / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия». 1998. – С. 80-81.

214. Спиваковский П.Е. Феномен Солженицына [Текст] / П.Е. Спиваковский // Литературное обозрение, 1999, № 1. – С. 10-11.

215. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. Ред. В.П. Нерознак [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука. 1985. – 333 с.

216. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики [Текст] / Ю.С. Степанов // Антология. Семиотика. - М.: Деловая книга. 2001. С. 5-45.

217. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Издание 3-е. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: «Академический проект». 2004. – 991 с.

218. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС. Изд-е 5-е, стереотипное. 2005. 312 с.

219. Сусов И.П. Введение в языкознание: Электронный учебник. [Текст] / И.П. Сусов. <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm> (дата доступа 18. 01. 2015)

220. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс. 1967. – С. 17-41.

221. Телия В.Н. Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические переputья) [Текст] / В.Н. Телия // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 466-478.

222. Терещенкова А.А. Лингвосемиотическая природа каламбура [Текст] / А.А. Терещенкова // Стилистический анализ художественного текста. – Смоленск. 1988. – С. 87-94.

223. Тынянов Ю.Н. Пушкин. Роман. [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – М.: Художественная литература. 1987. – 543 с.

224. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твое имя. Л.: Лениздат. 1962. – 634 с.

225. Фомина О.А. Концептуально-терминологическое пространство лингвистической экологии: когнитивный и функционально-семантический аспекты (на материале русского языка) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / О.А. Фролова. – Краснодар. 2011. – 214 с.

226. Формановская Н.И. Социально-культурная сущность речевого этикета [Текст] / Н.И. Формановская // Московский лингвистический журнал. Т.7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. – М.: РГГУ. 2003. – С. 9-20.

227. Хазагеров Г.Г. Время шоумена [Текст] / Г.Г. Хазагеров // Российская газета. 17 июня 2009 г.

228. Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях [Текст] / Г.Г. Хазагеров // Социологический журнал. 2006. – № 6. – С. 3-28.

229. Хазагеров Г.Г. Проблемы языковой нормы в свете понятий «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) [Текст] / Г.Г. Хазагеров // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д.: РГУ. 2003. – С. 55-64.

230. Хазагеров Г.Г. Метаплазм и вариант // Седьмые Международные

Виноградовские чтения. – М. 2004. – С.17-35.

231. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика [Текст] / Г.Г. Хазагеров. – М.: «НИККОЛО-М». 2002. – 313 с.

232. Хазагеров, Г.Г. Риторика для слушающего [Текст] / Г.Г. Хазагеров // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2000. – № 1. – С. 32-36.

233. Хазагеров Г.Г., Хазагерова С.В. Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура [Текст] / Г.Г. Хазагеров, С.В. Хазагерова // Знамя. 2005. – № 3.

234. Хазагеров Т.Г. К вопросу о мотивированной и произвольной связи означаемого и означающего [Текст] / Т.Г. Хазагеров // Известия СКНЦ ВШ. 1977. – № 3. – С. 33-52.

235. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических фигур. 2- изд. [Текст] / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – Ростов н/Д: Феникс. 1999. – 317 с.

236. Хайнжамц Отгон-Эрдэнэ. Семантика и функции устаревших слов в идиостиле Ю.М. Нагибина [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Отгон-Эрдэнэ Хайнжамц. – М. 2007. – 24 с.

237. Чейф У. Значение и структура языка / Пер. с англ. Г.С. Щура. [Текст] / У. Чейф. – М.: Прогресс. 1975. – 432 с.

238. Чернейко Л.О., Башкатова Д.А. Философско-лингвистический аспект изучения моды [Текст] / Л.О. Чернейко, Д.А. Башкатова // Филологические науки. 2008. – № 2. – С. 86-97

239. Чернышев В.И. Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях [Текст] / В.И. Чернышев // Избранные труды. Т. 1. – М.: Наука. 1970. – С. 301-341.

240. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач [Текст] / В.Д. Черняк // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник». 2003. – С. 295-304.

241. Чуковский К.И. Юрий Тынянов [Текст] / К.И. Чуковский // Чуковский К.И. Собрание сочинений. Т.5. Современники. Портреты и этюды. – М.: Терра – Книжный клуб. 2001. – С. 367-375.

242. Чурилина Л.Н. Антропоцентричность художественного текста как принцип организации его лексической структуры [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол наук / Л.Н. Чурилина. – СПб. 2003. – 39 с.

243. Цынк С.В. Лексико-словообразовательные архаизмы в произведении А.И. Солженицына «Двести лет вместе» [Текст] / С.В. Цынк// Гуманитарные науки. 2011. – № 4. Электронный ресурс. – Режим доступа <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/en/--gn04-11/297-a> С.В. Цынк. – Дата доступа 18.01.2015.

244. Шанский Н.М. Устаревшие слова в лексике современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. 1954. – № 3. – С. 27-33.

245. Шестакова Н.А. Архаичная лексика современного русского языка по данным толковых словарей XVIII-XX вв. [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Шестакова. – Брянск. 1999. – 190 с.

246. Шмелев Д.Н. Архаические формы в современном русском языке [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Учпедгиз, 1960. – 116 с.

247. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение. 1977. – 335 с.

248. Шмелева М.Н. Архаизмы и церковнославянизмы в произведениях А.С. Пушкина и проблемы их перевода на английский язык [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Шмелева. – М., 2004. – 238 с.

249. Шмелькова В.В. Значение ассоциативных образов в художественном произведении (К вопросу об интерпретации текста) [Текст] / В.В. Шмелькова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. – № 4. – С. 95-100.

250. Шмелькова В.В. Функционирование историзмов и процессы лексической деархаизации в русском литературном языке конца XX - начала

XXI века [Текст] / В.В. Шмелькова // Филологические науки. 2007. – № 4. – С. 106-112.

251. Шмелькова В.В. О лексической деархаизации в современном русском литературном языке [Текст] / В.В. Шмелькова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2007. – № 4. – С. 80-85.

252. Шмелькова В.В. О «новой жизни» старых слов в современном русском литературном языке (на материале толковых словарей) [Текст] / В.В. Шмелькова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2009. – № 2. – С. 11-15.

253. Шмелькова В.В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / В.В. Шмелькова. – М. 2010. – 44 с.

254. Шнайдерман Л.А. Устаревшая лексика и ее стилистическое использование в произведениях Алексея Константиновича Толстого [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Шнайдерман. – Воронеж. 1996. – 19 с.

255. Шпотова И.В. Стилистическая функция – новый смысл существования лексических архаизмов [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / И.В. Шпотова. – Махачкала. 2003. – 149 с.

256. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] / Л.В. Щерба // Известия АН СССР. Отдел. Л-ры и языка. 1940. – № 3. – С. 89-117.

257. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. – Л.: Наука. 1974. – 428 с.

258. Эпштейн М.Н. Дар слова. Выпуск 17. Электронный ресурс. – Режим доступа: [mhtml:file:// C:\Users\Admin\Documents\наука\www_russ_ru](mhtml:file://C:\Users\Admin\Documents\наука\www_russ_ru) Михаил Эпштейн. – Дата доступа: 30.07.2010.

259. Эпштейн М.Н. Добро и зло в зеркале русского языка [Текст] / М.Н. Эпштейн // Континент. 2007. № 132.

260. Эпштейн М.Н. Игра в жизни и в искусстве [Текст] / М.Н. Эпштейн // Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX-XX веков. – М.: Наука. 1988. – С. 276-303.

261. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) [Текст] / М.Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. 1991. – № 6. – С. 19-33.

262. Эпштейн М.Н. Путь русского слова. Анализ и синтез в словотворчестве [Текст] / М.Н. Эпштейн // Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение. 2004. – С. 254-368.

263. Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания [Текст] / М.Н. Эпштейн // Знамя. 2006. – № 1. – С. 196-207.

264. Эпштейн М.Н. Слово как произведение. О жанре однословия [Текст] / М.Н. Эпштейн // Новый мир. 2000. – № 9. С. 204-215.

265. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты [Текст] / под ред. Е.А. Земской. – М. Вена. 2001. – 342 с.

266. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка [Текст] // Семиотика. Антология / Под ред. Ю.С. Степанова / Р.О. Якобсон. – М.: Деловая книга. 2001. – С. 111-128.

267. Якобсон Р. Из языковедческих раздумий над общими особенностями поэзии славянских народов [Текст] / Р. Якобсон // Roman Jakobson. Selected Writings, VI, Part One. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton. 1985. – С. 86-94.

268. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс. 1975. – С. 193-230.

269. Якобсон Р. Основа славянского сравнительного литературоведения [Текст] / Р. Якобсон // Якобсон Р. Работы по поэтике – М. 1987. – С. 23-79.

270. Яковенко Т.И. ИмPLICITный смысл онима в тексте (на материале русского и английского языков) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Яковенко. – Ростов н/Д. 2013. – 18 с.

271. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова [Текст] / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. 1998. – № 3. – С. 43-73.
272. Flavii Sosipatri Charistii Artis grammaticae libri V // Grammatici latini / Ex rec. H. Keilii. Lipsiae. 1857. – V.1.
273. Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik [Text] / H. Laugsberg. München. 1960.
274. Leech G.N. Language and Tact (L.A.U.T. series A Parer No. 46) [Text] / G.N. Leech. – Trier, 1977. – 250 p.
275. Riffaterre M. The Stylistic Function [Text] / M. Riffaterre // Proceedings of the 9 Inter. Congr. of Linguists / Ed. By Lunt. – Cambridge: Mass. 1964. – P. 316-323.
276. Spengel L. Rhetores Graeci ex recognicione [Text] / L. Spengel // Lipsiae. 1856. Vol. III.
277. Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator. London. 1909. – 300 p.

Список использованных источников языкового материала

1. Амелин М. Dubia / М.Амелин. – М.: ИНАПРЕСС, 1999. – 104 с.
2. Амелин М. Конь Горгоны / М.Амелин. – М.: Время, 2003. – 128 с.
3. Амелин М. Краткая речь в защиту поэзии / М.Амелин // Новый мир. 1999. – №4.
4. Амелин М. Холодные оды / М.Амелин.- М.: Symposium, 1996. – 36 с.
5. Архангельский, А.Г. Пародии. Эпиграммы [Текст] / А.Г. Архангельский. – М.: Художественная литература, 1988. – 349 с.
6. Ахмадулина Б.А. Нежность. – М.: Эксмо. 2012. – 352 с.
7. Газданов Г. Собрание сочинений в трех томах [Текст] / Г. Газданов. – М.: Согласие. 1996.
8. Гафт, В. И. Стихотворения. Воспоминания. Эпиграммы [Текст] / В.И. Гафт. – М.: Эксмо-пресс. 2000. – 336 с.
9. Иванов А.В. Географ глобус пропил. Роман [Текст] / А.В. Иванов. – М.: АСТ. 2013. – 443 с.
10. Ильф, И. Записные книжки. 1925-1937. Первое полное издание [Текст] / И. Ильф. – М.: Текст. 2000. – 606 с.
11. Ильф И. и Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок [Текст] / И. Ильф и Е. Петров. – Рига: АО «Транс-Мздивейс». 1991. – 597 с.
12. Кушанашвили, О. Эпоха и Я. Хроники хулигана [Текст] / О. Кушанашвили. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 383 с.
13. Кушанашвили, О. Я и путыи... Как победить добро [Текст] / О. Кушанашвили. – М.: Астрель, 2013. – 444 с.
14. Нагибин Ю. Вечные спутники. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 480 с.
15. Прилепин З. Восьмерка. Маленькие повести [Текст] / З. Прилепин. – М.: Астрель. 2012. – 348 с.
16. Прилепин З. «К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. Эссе [Текст] / З. Прилепин. – М.: Астрель. 2012. – 444 с.
17. Прилепин З. Книгочет: пособие по новейшей литературе с

лирическими и саркастическими отступлениями [Текст] / З. Прилепин. – М.: Астрель. 2012. – 444 с.

18. Прилепин З. Санья [Текст] / З. Прилепин. – М.: АСТ: Астрель. 2012. – 348 с.

19. Русская эпиграмма (XVIII- начало XX века) [Текст]. – Л.: Советский писатель. 1988. – 782 с.

20. Солженицын, А.И. Собрание сочинений. Т. 1-5. [Текст] / А.И. Солженицын. – М. Художественная литература. 1998.

21. Солженицын, А.И. Нобелевская лекция [Текст] / А.И. Солженицын // Новый мир. 1989. № 7. – С. 135-144.

22. Токарева, В. Дерево на крыше [Текст] / В. Токарева. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат. 2011. – 349 с.

23. Цветаева, М.И. Полное собрание сочинений в 7 томах [Текст] / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак. 1994-1997.

24. Филатов, Л. Стихи, песни, пародии, сказки, пьесы, киноповести. – Екатеринбург: изд-во «У-Фактория», 1999. – 544 с.

25. Ширвиндт, А. Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний. М.: Эксмо, 2009. – 208 с.

26. Ширвиндт, А. Проходные дворы биографии. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2013. – 312 с.

27. Шмелев, И.С. Сочинения в двух томах [Текст] / М.С. Шмелев. – М.: художественная литература. 1989.